

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел. факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водолянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyu.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsocial@isras.ru

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственной университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антонио Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIHI, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinihi@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mmm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tloklui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • Том 30 • 2024 •

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

270 лет Московскому университету

Перевезенцев С.В. Из истории Московского императорского университета: гернгутеры и мартинисты. 7

Социология здоровья

Осипова Н.Г., Семина Т.В. Здоровьесбережение как фактор развития личности в контексте социализации 26

Осипова Н.Г., Белов А.А. Медиатизация медицины и здоровья в электронно-цифровую эпоху 53

Лядова А.В. Роль блогосферы в конструировании здоровья: польза или вред (*Часть 2*) 78

Политическая социология и публичная политика

Елишев С.О. Осмысление сущности “Большой Игры” классиками русской школы геополитики (*Продолжение*) 98

Каневский П.С. Функции и дисфункции института лоббизма 118

<i>Дорцева Е.В.</i> Концепция пропаганды Жака Эллюля: критический анализ	140
<i>Холоденко Ю.А.</i> Кризис институтов либеральной глобализации: новые возможности для мирового развития.	168
<i>Смолин М.Б.</i> Самодержавие как фактическое историческое могущество.	197
Социология семьи и демографии	
<i>Новосёлова Е.Н.</i> К вопросу влияния гаджетизации на семейные отношения	212
<i>Парфенова О.А., Петухова И.С.</i> Зумеры и бумеры: межпоколенная солидарность в современном российском обществе	231

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 30 • 2024 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

270 years of Moscow University

Perevezentsev S.V. From the history of the Moscow Imperial University: Herrnhuters and Martinists. 7

Sociology of health

Osipova N.G., Semina T.V. Health care as a factor of personality development in the context of socialization 26

Osipova N.G., Belov A.A. The mediatization of medicine and health in the digital age 53

Liadova A.V. Health representation in the blogosphere: a sociological analysis (*Part 2*) 78

Political sociology and public policy

Elishev S.O. Understanding the essence of the “Great Game” by classics of the Russian school of geopolitics (*Continuation*). 98

Kanevsky P.S. Functions and dysfunctions of the institution of lobbying 118

<i>Dortseva E.V.</i> Jacques Ellul's concept of propaganda: a critical analysis	140
<i>Kholodenko Y.A.</i> The crisis of the institutions of liberal globalization: new opportunities for global development	168
<i>Smolin M.B.</i> Autocracy as actual historical power	197
Sociology of family and demography	
<i>Novoselova E.N.</i> On the influence of gadgets on family relationships	212
<i>Parfenova O.A., Petukhova I.S.</i> Zoomers and boomers: inter-generational solidarity in modern Russian society	231

270 ЛЕТ МОСКОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-7-25

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ГЕРГУНТЕРЫ И МАРТИНИСТЫ

С.В. Перевезенцев, докт. историч. наук, проф. кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, факультет политологии, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

В 1892 г. в журнале “Русская старина” был опубликован перевод на русский язык автобиографических записок некоего Иоганна Виганда. Эти записки интересны тем, что в них, помимо прочего, сообщаются оригинальные сведения о московских масонах-мартинистах, центр деятельности которых в 1770–1790-е гг. находился в тогдашнем Императорском Московском университете, и с которыми И. Виганд тесно общался в пору своей службы в должности экстраординарного профессора.

Автобиографические записки Иоганна Виганда содержат немало интересной информации о деятельности масонов-мартинистов в стенах Московского университета. Не вся эта информация подтверждается другими источниками, однако, именно в этом и состоит их оригинальность.

Ключевые слова: Императорский Московский университет, масоны, мартинисты, гернгутеры, Дружеское ученое братство.

FROM THE HISTORY OF THE MOSCOW IMPERIAL UNIVERSITY: HERGUNTERS AND MARTINISTS

Perevezentsev Sergey V., *Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Lomonosovskiy prospect, 27, korp. 4, faculty of politicalologii, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: serp1380@yandex.ru*

The article, based on the autobiographical notes of Johann Wiegand, a member of the Gernguter community, tells about the activities of the Moscow Martinist Ma-

* **Перевезенцев Сергей Вячеславович**, e-mail: serp1380@yandex.ru

sons, whose center in the 1770s and 1790s was located at the then Imperial Moscow University, and with whom I. Wiegand closely communicated during his service as an extraordinary professor.

The autobiographical notes of Johann Wiegand contain a lot of interesting information. Not all of this information is confirmed by other sources, however, this is exactly what makes them original.

Key words: Imperial Moscow University, Masons, Martinists, Gernguters, Friendly scientific fraternity.

В 1892 г. в журнале “Русская старина” был опубликован перевод на русский язык автобиографических записок некоего Иоганна Виганда¹. Эти записки интересны тем, что в них, помимо прочего, сообщаются оригинальные сведения о московских масонах-мартинистах, центр деятельности которых в 1770–1790-е гг. находился в тогдашнем Императорском Московском университете, и с которыми И. Виганд тесно общался в пору своей службы в должности экстраординарного профессора.

Сын немецкого лютеранского пастора, выпускник университета в Галле Иоганн Виганд (*нем.* Johann Wiegand, на русской службе — Иван Иванович; 1744–1808) разделил судьбу многих образованных и не очень образованных жителей европейских стран, отправившихся в XVIII столетии в Россию за поиском счастья и заработка. В Россию он приехал в 1764 г. как учитель и воспитатель детей в различных русских дворянских семьях. Здесь в России Иоганн познакомился с учением евангелического братства гернгутеров и увлекся им, в 1770 г. посетил российское поселение гернгутеров Сарепте под г. Царицыным на Нижней Волге, а в 1775 г., находясь за пределами России вместе с одной из русских дворянских семей, в которой он служил, вступил в это братство. Братья-гернгутеры поручили ему вернуться в Россию и поступить на службу в Императорский Московский университет для того, чтобы наладить работу торгового дома братства в России и, завоевав авторитет в глазах русских властей, добиться различных привилегий для русской общины гернгутеров.

Вернувшись в Россию, Виганд сначала жил в Санкт-Петербурге, потом уехал в Сарепту, откуда в 1782 г. отправился в Москву, чтобы сменить вышедшего в отставку Франца Гельтергофа (*нем.* Franz

¹ Автобиографические записки И. Виганда известны в двух переводах с немецкого на русский язык. Первый перевод, осуществленный В.В. Тимошук, был опубликован в 1892 г.: *Тимошук В.В.* Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // *Русская старина.* 1892. № 6. С. 545–568. Второй перевод, анонимный, рукописный, датированный 1837 г., хранится ОР РГБ (НИОР РГБ. Ф. 173.П. Ед. хр. 72).

Hölterhof; 1711–1805), прежнего руководителя сарептского торгового представительства, и одновременно, профессора Московского университета. Не без посторонней помощи Виганд был принят на должность экстраординарного профессора кафедры истории (универсальной, российской, древности и геральдики) философского факультета, где вплоть до 1793 г. читал на русском языке лекции по всемирной истории и вспомогательным наукам. С 1793 г. Виганд занимал почетное место священника и представителя братства гернгутеров в Петербурге, а в 1800 г. Виганд покинул российскую столицу, потому что был отозван братством в Сарепту, где до последних дней исполнял обязанности сопредседателя общины. В последние годы жизни Иоганн Виганд составил свои автобиографические записки, о которых и пойдет речь в дальнейшем.

Отношения И. Виганда с московскими масонами были очень своеобразными и это своеобразие было связано прежде всего с особенностями мировоззрения самого Иоганна Виганда. В свою очередь, эти особенности напрямую определялись его религиозными предпочтениями, т.е. с принадлежностью к общине гернгутеров. Поэтому для начала необходимо охарактеризовать специфику религиозного братства гернгутеров, адептом которой стал Виганд.

Гернгутеры (*нем.* Herrnhuter) — это последователи одного из течений в протестантизме, созданного в 1722 г. на основе религиозных идей протестантских общин эпохи Реформации, и получивших особое распространение в XVI в. в Чехии (Богемии) и Моравии. Поэтому первоначальные общины именовали себя Моравской церковью или “моравскими братьями” (“богемскими братьями”, “чешскими братьями”). В силу того, что общины “моравских братьев” преследовались Римско-католической Церковью, последователи этого учения постепенно расселились в разных странах Европы.

В 1722 г. представители разных протестантских религиозных общин, в том числе бежавшие от религиозных гонений “моравские братья” основали в Саксонии близ г. Дрездена поселение Гернгут (*нем.* Herrnhut; “Град Господень”). Члены религиозной общины “моравских братьев”, составившие основное число жителей этого поселения, стали именовать себя “гернгутерами”. Нужно отметить, что название “гернгутеры” закрепилось только за теми из наследников “моравских братьев”, которые остались жить в Германии или являются выходцами из Германии².

Отличительной чертой вероучения гернгутеров считается так называемая “религия сердца”, т.е. интимно-эмоциональное, почти

² См.: Миллер А. История христианской Церкви. Т. 2. М., 1992. С. 650–651.

мистическое переживание единства с Иисусом Христом как Хранителем и Спасителем мира. Отсюда — повышенная эмоциональность религиозной жизни и пиетизм гернгутеров. По мнению гернгутеров, истинным главой их братства является Христос, волю Которого они пытаются узнать с помощью жребия при принятии важных решений. Кроме того, гернгутеры признают таинства крещения и причащения, проповедуют покаяние, требуют соблюдения христианского благочестия, считают недопустимым вмешательство светских властей в религиозные дела, отвергают ношение оружия, несение государственной службы, уплату военных налогов. Важной частью учения гернгутеров является их вера в то, что в 1741 г. они “заключили” союз со Спасителем об особом покровительстве над братством в целом и над каждым отдельным его членом³.

В России первые последователи братства появились в начале второй четверти XVIII в. в Лифляндской губернии, но оказались под подозрением властей, потому что сохраняли тесные связи с немецкими гернгутерами. Более того, в годы правления императрицы Елизаветы Петровны лидеры общины попали под следствие и в 1747–1759 гг. оказались в заключении в Петропавловской крепости по обвинению в шпионаже в пользу Пруссии. По окончании следствия они были высланы в разные провинциальные российские города. Лишь в 1762 г., после воцарения Петра III, они смогли вернуться в Санкт-Петербург, и только в феврале 1764 г., в соответствии с дозволением императрицы Екатерины II, гернгутеры получили право беспрепятственного отправления религиозных обрядов⁴. В 1765 г. они основали колонию Сарепта (близ г. Царицына в Астраханской губ.)⁵. Правда, условием приглашения колонистов в новую общину русские власти установили запрет религиозной пропаганды среди православных. Поэтому сарептские гернгутеры старались соблюдать самоизоляцию внутри России, но при этом сохраняли тесные связи с “Союзной дирекцией” Гернгута⁶.

³ См. подробнее: *Herzog J.* Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. Bd. 18. Gotha, 1864. S. 573, 584; *Ардер А.* Моравские братья (гернгутеры) // Братский вестник. 1990. № 6. С. 51–53; *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 430–466.

⁴ Императрица Екатерина II. О дозволении братьям гернгутерам селиться в России // Русская старина. 1878. № 12. С. 712–713.

⁵ См. подробнее: *Плеве И.Р.* Сарепта / Сост., авт. вст. ст. И.Р. Плеве. Саратов, 1995.

⁶ Позднее гернгутеры основали поселения среди немецких колонистов, а также в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. В СССР общины гернгутеров были закрыты. В современной Российской Федерации община гернгутеров возродилась на территории музея-заповедника “Старая Сарепта” в 1995 г.

Иоганн Виганд оказался одним из самых последовательных сторонников учения гернгутеров. В своих записках он честно признается, что служение братству стало смыслом его жизни, и все вокруг он воспринимал через призму этого служения. Даже жену среди сестер общины он себе выбрал не по собственному желанию, а по указанию братства⁷. Собственно говоря, он и на службу в Московский университет согласился поступить только потому, что этого потребовали от него гернгутеры во время его пребывания за границей: “Я всегда чувствовал предубеждение к службе в казенном заведении... Однако, я изъявил согласие исполнить возлагаемое на меня поручение, надеясь, что Спаситель даст мне силу исполнить его. При этом я был окончательно принят в общину и затем мы отправились в Россию”⁸. На протяжении всего времени пребывания в университете, Виганд очень тяготился своей московской жизнью. Ведь главным для него оставалось служение братству гернгутеров, поэтому Российское государство и русское общество он воспринимал лишь как инструменты для обеспечения интересов своего братства. Поэтому неслучайно, когда ему предложили принять чин надворного советника и русское подданство, Виганд отказался и от одного, и от другого⁹. Зато, когда он получил предложение занять почетное место священника и представителя братства в Петербурге, то с радостью согласился. Но с еще большей радостью в 1800 г. Виганд покинул Петербург, когда был отозван братством в Сарепту. Именно эта внутренняя сосредоточенность автора записок на идее служения братству гернгутеров позволила ему воспринимать внутреннюю жизнь Московского университета как бы со стороны, хотя он и оказался свидетелем и участником не только явных, но и некоторых тайных событий.

Неудовлетворение Виганда своим московским бытием было вызвано еще одним обстоятельством — встречами с московскими масонами. Особенно тягостным для его религиозного сознания был тот факт, что многие из встреченных им в Москве масонов оказались атеистами: “Я имел случай убедиться в том, что все служащие при Московском университете были масоны самого худшего разбора, отчасти отъявленные атеисты, с которыми я никак

(Красноармейский район г. Волгограда). См: Музей-заповедник “Старая Сарепта”. URL: <https://sareptamuseum.ru/>.

⁷ Тимощук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // Русская старина. 1892. № 6. С. 559.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 563.

не мог сойтись”¹⁰. Впрочем, высказанная в записках неприязнь к масонам не помешала И. Виганду иметь с ними довольно тесные связи, более того, воспользоваться их тайной поддержкой при поступлении на службу в университет: “С помощью Божиею, это дело, казавшееся мне невозможным, устроилось не более как в три дня, — как оказалось впоследствии, благодаря участию, принятому во мне известным масоном Шварцем. Этот замечательный человек воспитывался в Силезии, под руководством одной женщины, принадлежавшей к нашей религиозной общине”¹¹. При этом с другой стороны протекцию Виганду оказал и открытый враг Шварца, один из университетских кураторов Иван Иванович Мелиссиано (1718–1795). Протекция Мелиссиано объяснялась тем, что он всячески потворствовал распространению протестантизма в России, более того, в бытность свою в 1763–1768 гг. обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода бравировал своим атеизмом, пытался провести реформу Православной Российской Церкви в духе протестантизма. Кроме того, Мелиссиано тоже был масоном, но при этом оставался откровенным врагом И.Г. Шварца и его ложи масонов-мартинистов¹².

Здесь уместно напомнить о том, что представляло собой российское масонство в XVIII в. Масонство (франкмасонство, от фр. franc mason — “вольный каменщик”) — наднациональное общественное движение и система тайных организаций¹³. Масонство состоит из отдельных организаций, которые называются “ложами”. Члены лож именуют друг друга “братьями”. В масонских ложах действует строгая масонская иерархия — “степени посвящения”, количество которых в разных ложах насчитывается от 3-х до 99-ти. Руководитель каждой ложи имеет степень “мастера”. Масонские ложи строго подчиняются вышестоящим масонским организациям. Масонство в целом является тайной организацией, действительные цели масонства и средства их достижения скрываются от “непосвященных” (не состоящих в организации, согласно масонской

¹⁰ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 559.

¹¹ Там же. С. 561.

¹² Там же.

¹³ О масонстве вообще и российском масонстве XVIII в., в частности, подробнее см.: Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869; Пытин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916; Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России: Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998; Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000; Соловьев О.Ф. Русские масоны. М., 2007.

терминологии — “профанов”). Полная информация о целях масонства доводится до “братьев” в зависимости от места в масонской иерархии (“степени посвящения”). По масонским преданиям, корни организации уходят в глубокую древность. В XIV–XVII вв. предтечами масонства в Европе считаются ордена тамплиеров (“рыцарей-храмовников”) и розенкрейцеров (“Рыцарей Злато-Розового Креста”). Родиной современного масонства называют Англию: в начале XVIII в. была создана “Великая ложа Англии”. В XVIII в. в европейских странах возникли разные масонские системы, отличавшиеся количеством степеней посвящения, некоторыми уставными положениями, структурой лож и политическими предпочтениями. Во Франции сложилось шотландское масонство, восходящее, якобы, к рыцарям ордена тамплиеров, а также система “Великий Восток Франции”. В Германии во второй половине XVIII в. появились системы “строгочисленности”. Оригинальная масонская система возникла в Швеции. В ряде католических стран Церковь запрещала масонскую деятельность.

В России первая известная ложа “вольных каменщиков” возникла в 1730 г. и состояла из иностранцев на русской службе. В 1750–1760-е гг. популярность масонских лож в России значительно возрастает (ложи “Скромность”, “Северная звезда”, “Постоянство”). Новый этап в развитии масонства в России начинается в 1770-е гг., когда одновременно утверждаются две системы, начинающие играть ведущую роль по отношению к другим. В марте 1771 г. в Петербурге была учреждена ложа “Аполлона” — первая ложа т. н. Циннендорфовской (или шведско-берлинской) системы. В феврале 1772 г. учреждена русская “Великая ложа” (“великий мастер” — И.П. Елагин), подчиняющаяся “Великой ложе Англии”. Во второй половине 1770-х гг. русские масоны были подчинены шведскому масонству “Строгочисленности”, но Екатерина II, расценившая этот акт как покушение на российский суверенитет, запретила масонство в Петербурге. Центр масонской деятельности России был перенесен в Москву. В 1780-е гг. русские масоны входят в систему немецкого ордена розенкрейцеров. В этот же период четыре русские ложи (“Трех знамен”, “Озириса”, “Латоны” и “Сфинкса”) получили статус “материнских” и право самостоятельного учреждения лож. Впрочем, история русского масонства XVIII в. — это предмет научной дискуссии. В целом, современные специалисты называют 187 русских лож четырех направлений: английское (глава И.П. Елагин), шведское (глава А.Б. Куракин), рейхельское (глава барон Рейхель, затем Елагин), берлинское (глава И.Г. Шварц). В свою очередь, в на-

правлениях принято выделять виды: мартинисты, розенкрейцеры и т.п. По мнению С.Е. Юркова, русские масоны не поднимались выше третьей степени посвящения, в то время как в некоторых ложах степеней (градусов) насчитывалось 33, а иногда и 99¹⁴.

Если И.И. Мелиссиано был членом петербургской масонской ложи “Скромность”, то И.Г. Шварц, при активном участии издателя Николая Ивановича Новикова (1744–1818) и еще одного куратора Московского университета поэта, прозаика и драматурга Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807), основали в Москве внутри российского отделения немецкого ордена розенкрейцеров тайную мартинистскую (“сиентифическую”) ложу “Гармония”¹⁵. В 1782 г., когда Виганд устраивался на службу в университет, Мелиссиано только что возвратился из-за границы, где пребывал в течение четырех лет, одновременно сохраняя пост куратора Московского университета. В его отсутствие непосредственное управление университетом было поручено М.М. Хераскову, а главным куратором оставался основатель Московского университета Иван Иванович Шувалов (1727–1797), живший при дворе в Санкт-Петербурге. Таким образом, у университета оказалось одновременно три куратора: Шувалов в Санкт-Петербурге, Мелиссиано и Херасков — в Москве, положение двух последних было неоднозначным. В частности, Мелиссиано нашел в университете многое из того, что его не устраивало, особенно его беспокоило покровительство Хераскова масонам-мартинистам¹⁶.

Главным инициатором основания мартинистской масонской ложи был Иван Григорьевич Шварц (*нем.* Johann Georg Schwarz, вариант: von Schwartz, варианты отчества в русской традиции: Георгиевич, Егорович; 1751–1784). И.Г. Шварц родился в Германии, учился в университетах Галле и Йены. Благодаря знакомству с главой шведской системой масонства в России Иваном Сергеевичем Гагариным (1752–1810), оказался в России, где был принят в масонскую ложу князя Николая Никитича Трубецкого (1744–1820), затем создал ложу в Могилеве, где получил степень мастера стула. В 1779 г. приехал в Москву и, благодаря содействию масона М.М. Хераскова, получил должность лектора немецкого языка в Московском университете. Вскоре Шварц стал экстраординарным профессором, а в 1780–1782 гг. уже занимал должность ординарного профессора

¹⁴ См. подробнее: Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. СПб., 2003.

¹⁵ См. об этом: Кондаков Ю.Е. Орден Золотого и Розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012. С. 215–220 и др.

¹⁶ См.: Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 188.

кафедры философии, читал лекции по философии, эстетике, философской истории¹⁷.

Необходимо отметить, что в Россию Шварц прибыл не по собственному желанию, но был направлен сюда масонами-мартинистами. Мартинистами в России обычно называли последователей радикального мистического учения французского философа Луи Клода де Сен-Мартена (*фр.* Louis-Claude de Saint-Martin; 1743–1803), который был известен как *le philosophe inconnu* (под таким псевдонимом публиковались его работы). Сен-Мартен был влиятельным мистиком, стал вдохновителем мистического направления в масонстве, бывал в России, и, как считается, оказал огромное влияние на развитие русского масонства XVIII в. В частности, его книга “*Des erreurs et de la verite*” (“О заблуждении и истине”), вышедшая в свет на французском языке в 1775 г., была широко распространена среди русских масонов. Европейские последователи Сен-Мартена объединились в тайные кружки под названием “Друзья Сен-Мартена”, но при этом многие из мартинистов состояли в других масонских ложах. Вот и в России одними из основных поклонников мартинистов были И.Г. Шварц, Н.И. Новиков, М.М. Херасков, И.В. Лопухин и др. Однако в России в 1780–1790-е гг. так называли еще и розенкрейцеров — членов Ордена Золотого и Розового креста¹⁸. И неслучайно тайная мартинистская ложа “Гармония”, созданная И. Г. Шварцем и другими, находилась как бы внутри русского ордена розенкрейцеров.

И. Виганд по его собственным уверениям настолько близко сошелся со Шварцем, что Шварц раскрыл перед ним смысл своей миссии в России — искоренение традиционного православного вероисповедания: “Руководитель общества, проф. Шварц, оказывал мне полное доверие и открыл мне сокровенные цели общества, клонившиеся ни к чему иному, как к ниспровержению православного вероисповедания в России; я советовал ему действовать осторожнее, оставить мистицизм и не смешивать своих целей с целью общины, чтобы они не повредили друг другу. Относительно религиозной реформы, Шварц зашел уже далеко и план его был близок к осуществлению”¹⁹. Характерно, что подобные планы Шварца не

¹⁷ Подробнее об И.Г. Шварце см.: *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997. С. 31; *Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С.* Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. С. 274–275.

¹⁸ *Кондаков Ю.Е.* Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012. С. 13, 534–535.

¹⁹ *Тимошук В.В.* Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 562.

вызвали какого-то протеста у автора записок. Для Виганда Россия была лишь страной проживания и, как правоверный гернгутер, видимо, он тоже считал, что традиционная православная вера в России должна быть “ниспровергнута”. Поэтому он всего лишь посоветовал своему собеседнику “действовать осторожнее”. Необходимо также отметить, что трудно сказать, насколько это свидетельство о целях деятельности масонов-мартинистов в России соответствует действительности, ведь известно, к примеру, что после кончины в 1782 г. сам И.Г. Шварц был похоронен по православному обряду в церкви подмосковного села Очакова (имение князя Н.Н. Трубецкого), при этом могила была устроена напротив алтаря²⁰.

Однако также известно, что И.Г. Шварц, опираясь на поддержку М.М. Хераскова и Н.И. Новикова, действовал очень активно. М.М. Херасков, который в 1778–1782 гг. самостоятельно управлял Московским университетом, будучи сам деятельным масоном (ему был присужден “теоретический градус” Ордена розенкрейцеров), использовал появившиеся у него возможности для расширения общественной значимости масонских идей. Херасков не только принял в университет Шварца, который в этот период стал оказывать большое влияние на университетскую жизнь, но и передал в аренду Н.И. Новикову университетскую типографию, благодаря которой Новиков развил бурную издательскую деятельность, издавая и распространяя, в первую очередь, масонскую литературу. По сути дела, усилиями Хераскова, Московский университет стал использоваться масонами, как их крупный идейно-политический и религиозно-философский центр.

Шварц, уверенный в необходимости искоренения традиционного православного вероисповедания в России, развил бурную деятельность по организации различных образовательных проектов, в частности, при содействии Хераскова, открыл при университете филологическую (переводческую) семинарию для подготовки преподавателей-масонов из русских, создал “Дружеское ученое общество”, деятельность которого руководствовалась философской программой “мартинистов”, основанной на учениях французских и немецких мистиков XVIII в., читал у себя дома частные философско-мистические лекции “О трех познаниях: любопытном, приятном и полезном” и др.²¹

²⁰ Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 454.

²¹ См.: *Серков А.И.* “Дружеское ученое общество”, масонский проект, “чтоб профаны и подозревать не могли” // Россия и гнозис. Труды Международной науч-

В числе московских мартинистов, а также в “Дружеском ученом обществе” оказались многие студенты и профессора Московского университета, а также известные представители знатных дворянских фамилий. Общее число участников общества составляло около 50 человек²². Особое внимание уделялось тем, кто был наиболее приближен к наследнику престола Павлу Петровичу. К примеру, Сергей Иванович Плещеев (1752–1802), близкий товарищ Павла Петровича с 1781 г., географ и переводчик, вице-адмирал с 1797 г. (вступил в масонскую ложу 1788 г. за границей, в 1792 г. был принят в розенкрейцеры); философ, публицист, мемуарист и издатель Иван Владимирович Лопухин (1756–1816), один из виднейших представителей русского масонства, розенкрейцер-мартинист; знаменитый архитектор и хороший знакомый Павла Петровича Василий Иванович Баженов (1737 или 1738–1799).

Интерес лидера мартинистов к друзьям цесаревича Павла Петровича объяснялась просто. Известно, что для достижения своей цели Шварц пытался объединить все российские масонские ложи под своим руководством, а “великим мастером” всего российского масонства предполагалось сделать наследника престола Павла Петровича. В 1781 г. Шварц ездил за границу для установления контактов с руководителями европейских масонских орденов, был возведен ими в “Теоретическую степень соломоновых наук” и признан единственным верховным представителем этой степени в России, с правом не давать отчет никому, кроме руководства розенкрейцеров. Одним из результатов этой поездки стал тот факт, что в 1782 г. на Вильгельмсбадском конвенте масонов, в России была учреждена независимая VIII провинция Исправленного шотландского устава, канцлером был назначен Шварц, казначеем — Новиков, а вот звание “великого мастера” провинции конвент оставил вакантным в ожидании воцарения Павла Петровича²³. Судя по всему, розенкрейцеры планировали реализовать в России тот же план, который им удался в Пруссии, где в 1786 г. после кончины Фридриха Великого на престол взошел розенкрейцер принц Фридрих Вильгельм, ставший королем Фридрихом Вильгельмом II²⁴.

ной конференции “Судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга” в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 15–17.10.2012. Т. 2. СПб., 2015. С. 391–402.

²² Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион. М., 1858. С. 21.

²³ См.: Лучинский Г.А. Франк-масонство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1902. Т. XXXVIa. С. 511.

²⁴ См. об этом: Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012. С. 104, 244–245.

Судя по мемуарам И. Виганда, он довольно хорошо ориентировался в противоречиях между двумя кураторами Московского университета и стоящими за ними групп профессоров. Больше того, оставаясь верным учению братства гернгутеров и не желая вступать ни в какую из масонских лож, Виганд оказался, как он сам писал, “между двумя в высшей степени враждебными партиями”²⁵. Как считают специалисты, первую “партию”, составляли мартинисты-розенкрейцеры во главе со И.Г. Шварцем: М.М. Херасков, Н.И. Новиков, а также Харитон Андреевич Чеботарев (1745–1815), профессор и первый ректор Московского университета, по определению историка русского масонства, “ревностный мартинист и розенкрейцер”²⁶, и Петр Иванович Страхов (1757–1813), секретарь Хераскова в 1778–1785 гг., позднее — русский физик, профессор и ректор Московского университета в 1805–1807 гг. Вторая “партия”, оппонировавшая первой, включала куратора И.И. Мелиссино и его ближайших сторонников: профессора кафедры философии и кафедры политики Иоганна Матиаса Шадена (*нем.* Johann Matthias Schaden, 1731–1797) и профессора красноречия Антона Алексеевича Барсова (1730–1791)²⁷.

Основное столкновение между этими “партиями” произошло в конце 1782 г., когда Мелиссиано обвинил Шварца в создании мартинистской организации в университете под прикрытием “Дружеского ученого общества”. В ответ Шварц составил оправдательную записку с перечислением собственных заслуг перед университетом и подал ее через Хераскова И.И. Шувалову, признавая, что хоть и сам является масоном, но “Дружеское общество” имеет чисто просветительский характер, больше того, заявлял, что мало кто из его членов вообще знает, что такое масонство. В этом отношении Шварц откровенно лгал, к примеру, П.И. Страхов возглавлял университетскую масонскую ложу “Гермес”. Записка совершенно испортила отношения Шварца и Мелиссиано, и в конце концов Шварцу пришлось выйти в отставку²⁸.

Покинув стены Московского университета, И.Г. Шварц продолжал активно “вербовать” новых членов ложи, число их достигло 85

²⁵ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 562.

²⁶ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 188.

²⁷ См.: Серков А.И. “Дружеское ученое общество”, масонский проект, “чтоб профаны и подозревать не могли”. С. 391–402; Зарецкий Ю.П. Пастор и масоны (из ранней истории Московского университета) // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 258–273.

²⁸ См.: Серков А.И. “Дружеское ученое общество”, масонский проект, “чтоб профаны и подозревать не могли”. С. 391–402.

человек. Но в 1784 г. он заболел и вскоре скончался. Впрочем, мартинисты продолжали свою деятельность, типография Н.И. Новикова продолжала выпускать и распространять масонскую литературу. Так в 1784 г. мартинисты издали большим тиражом ранее запрещенную императрицей Елизаветой Петровной книгу немецкого лютеранского богослова Иоганна Арндта (нем. Johann Arndt (Arndt), 1555–1621) “Vom wahren Christentum” в переводе на русский язык И.П. Тургенева²⁹.

С болезнью И.Г. Шварца связано еще одно уникальное свидетельство И. Виганда. Рассказывая о своих взаимоотношениях с И.Г. Шварцем, Виганд неоднократно пишет о том, что его проповеди христианской веры (естественно, в рамках учения гернгутеров), произносимые в личных беседах со Шварцем, оказывали заметное влияние на лидера московских мартинистов. Особенно сильным это влияние, по словам Виганда, стало в последние месяцы жизни Шварца, когда он был уже сильно болен. Виганд в своих записках даже утверждает, что незадолго до своей кончины Шварц сказал, что, “если Господь пошлет ему исцеление”, то он готов вступить в братство гернгутеров: «Я навещал его ежедневно, — пишет Виганд, — и он всегда просил меня беседовать с ним о Спасителе, но мы не могли говорить свободно, так как нас всегда подслушивали масоны, опасавшиеся того, чтобы он, под влиянием столь нового для него настроения духа, не выдал их тайн. Я и сам всячески избегал этого; только однажды он высказался, что “это дьявольский орден и что если Господь пошлет ему исцеление, то он поступит в общину”»³⁰.

Несколько эти утверждения Виганда соответствуют действительности сказать трудно. Дело в том, что это свидетельство Виганда также не подтверждается иными источниками, более того, оно противоречит иным свидетельствам, согласно которым Шварц до конца дней оставался верен масонским идеалам. Возможно, в автобиографических записках, предназначенных для чтения братьям и сестрам гернгутерам, Виганд пытался преувеличить не столько собственный вклад в духовное преображение масона-мартиниста, сколько стремился показать целительное духовное действие учения гернгутеров.

²⁹ Арндт И. О истинном христианстве шесть книг: с присовокуплением Райскаго вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя. В 4-х ч. М., 1784. См. об этих изданиях: Reichelt S. Johann Arndts “Vier Bücher von wahren Christentum” in Russland. Leipzig, 2011. S. 433, 442–444.

³⁰ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 562.

После кончины И.Г. Шварца над мартинистами стугились тучи. Подозревая московских мартинистов в антигосударственной деятельности, императрица Екатерина II повелела московскому гражданскому губернатору П.В. Лопухину надзирать за их деятельностью. Однако Лопухин потворствовал московским мартинистам, поэтому возникло подозрение, что Лопухин сам является масоном, хотя, как потом выяснилось, в масонских ложах он не состоял. Тем не менее, он потерял доверие императрицы. В 1790 г. в наказе московскому генерал-губернатору А.А. Прозоровскому Екатерина II рекомендовала рассмотреть вопрос о снятии Лопухина с должности за потворство масонам: “Дошли здесь слухи, что... известная шайка людей, обществу вредных, под именем мартинистов умножается и что губернатор московский генерал-майор Лопухин сам в числе таких суеверных и заблужденных людей находится. Сообщая сие для собственного знания вашего, поручаю вам дать совет помянутому губернатору, чтоб он через посредство ваше прислал прошение об увольнении от настоящей должности... Вы можете внушить ему, что гораздо приличнее для него просить о том, нежели без просьбы уволену быть от места”³¹.

Вскоре началось преследование московских масонов. Определенную роль в этом сыграл помощник московского почт-директора Иван Борисович Пестель (1765–1843), который с подозрением относился к московским мартинистам, поэтому, используя служебное положение, переписывал масонскую переписку и представлял начальству. Существует мнение, что именно эти копии, попав в руки Екатерине II, решили судьбу московских мартинистов и, в частности, Н.И. Новикова³². Исследователи предполагают, что императрице Екатерине стали известны планы масонов-мартинистов использовать в своих целях наследника престола. Возможно, она могла знать о решении Вильгельмсбадского конвента³³. Несколько раз по прямому указанию Екатерины II изымались тиражи различных новиковских изданий, книги и журналы подвергали жесткой цензуре, по указу императрицы в 1788 г. Новикову было отказано в продлении аренды Университетской типографии. Наконец, 13 апреля 1792 г. Н.И. Новиков был арестован с указанием расследовать, не печатает ли он книг церковной тематики, что было запрещено.

³¹ Письма и рескрипты Екатерины II к московским главнокомандующим // Русский архив. 1872. № 3–4. С. 553–554.

³² *Киянская О.И.* Пестель. М., 2014. С. 14.

³³ См. об этом: *Зарецкий Ю.* Пастор и масоны (из ранней истории Московского университета) // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 258–273.

В круг следствия попали и другие московские масоны Н.Н. Трубецкой, И.В. Лопухин, И.П. Тургенев, архитектор В.И. Баженов и др.

И снова И. Виганд опять оказался между двух огней. С одной стороны, его включили в состав секретной комиссии, имевшей поручение рассмотреть бумаги арестованного Н.И. Новикова³⁴. Но, с другой стороны, А.А. Прозоровский, взявший следствие под свой контроль, подозревал Виганда в масонстве. Во всяком случае, Виганду передали сказанные Прозоровским слова: “Гернгутеры и мартинисты — одного поля ягода”³⁵. Все же другим участникам следственной комиссии удалось убедить Прозоровского в невинности Виганда.

Как член секретной комиссии, Виганд продолжал в первую очередь заботиться об интересах своего братства. Разбирая книги Новикова, он наткнулся на рукописный перевод книги Августа Готтлиба Спангенберга “Суть веры братьев”³⁶. Виганд совсем неслучайно обратил внимание на эту книгу. Дело в том, что А.Г. Спангенберг был преемником основателя Моравской церкви Николая Людвиг Цинцендорфа, а его труд гернгутеры относили к числу своих канонических книг. Виганд решил обратиться за разъяснением к православным иерархам: «Так как это сочинение принадлежало к числу наших общинных изданий, то я дал его для прочтения русскому архипастырю; прочитав его с начала до конца, он не нашел в нем ничего предосудительного, однако, припомнил, что, с год тому назад, нечто подобное этой рукописи проходило чрез цензуру Святейшего Синода; желая в этом убедиться, он потребовал из Синода об этом справку; в присланном отзыве было сказано, что “Idea fidei” не везде согласуется с Священным Писанием и поэтому в печати допущено быть не может. Доброму архипастырю мнение это показалось столь же непонятным, как и мне самому, но делать было нечего, приговор был произнесен»³⁷. Таким образом, Виганд сделал очень неприятное для его общины открытие: Святейший Синод рассматривал одну из настольных книг братьев как сомнительную с точки зрения православной веры.

³⁴ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 564.

³⁵ Там же. С. 565.

³⁶ Spangenberg August Gottlieb. Idea fidei fratrum oder kurzer Begriff der christlichen Lehre in den evangelischen Brüdergemeinen, dargelegt von August Gottlieb Spangenberg. Barby; zu finden in den Brüdergemeinen. Leipzig, 1789.

³⁷ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. С. 566.

Участие И. Виганда в работе секретной комиссии завершилось в июне 1793 г., когда московский главнокомандующий А.А. Прозоровский подписал прошение Виганда об отставке с поста профессора Московского университета.

Следствие над мартинистами шло своим чередом и было жестким, однако Новиков ни в чем предосудительном не признался. Зато другие масоны дали признательные показания. В частности, князь Н.Н. Трубецкой заявил о заговоре масонов, о том, что главой этого заговора был Шварц и что Шварц хотел использовать для своих целей Павла Петровича. Более того, Трубецкой высказал предположение, впрочем, никем не подтвержденное, что во время одной из поездок цесаревича за границу, тот был принят в масоны³⁸. Следствие вскрыло контакты мартинистов с великим князем, по крайней мере, шедшие через архитектора В.И. Баженова, который трижды, по поручению мартинистов, встречался с наследником. Екатерина отнеслась к этому факту чрезвычайно болезненно. Однако следствие показало, что Павел Петрович масоном не был. Статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий зафиксировал в своем дневнике, имея в виду Павла: “Он еще не масон”³⁹. Именно поэтому сурово обошлись лишь с Новиковым, прочие фигуранты, фактически не пострадали. Но масонские ложи были прикрыты⁴⁰.

Как видно, автобиографические записки Иоганна Виганда содержат немало интересной информации о деятельности масонов-мартинистов в стенах Московского университета. Не вся эта информация подтверждается другими источниками, однако, именно в этом и состоит их оригинальность.

³⁸ См.: Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. Т. 2. М., 1915. С. 147.

³⁹ Впрочем, современные исследователи считают, что Павел Петрович рассматривал московских мартинистов в качестве своих союзников: «Очевидно, что существование в 80-е годы в России “прусской партии” в лице Павла Петровича и московских розенкрейцеров, пытавшейся играть роль внутренней консервативной оппозиции к Екатерине II, не должно вызывать больших сомнений». Подчеркивается также тот факт, что вскоре после своего воцарения император Павел I повелел выпустить из заключения Н. И. Новикова, вернул из опалы, а также приблизил к себе многих видных масонов. См. об этом: *Брачев В.С.* Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000. URL: https://tsibanoff.narod.ru/brachev_masonry.pdf.

⁴⁰ См.: *Сорокин Ю.А.* Павел I и “вольные каменщики” // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 19–37. Впрочем, по некоторым данным, и в Москве, и в Петербурге масонские ложи функционировали до 1797 г. См.: К истории масонства в России. Перевод с немецкой неизданной рукописи // Русская старина. 1882. № 9. С. 544; *Семевский В.И.* Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардер А.* Моравские братья (гернгутеры) // Братский вестник. 1990. № 6. С. 51–53.
- Арндт И.* О истинном христианстве шесть книг: с присовокуплением Райсаго вертограда и других некоторых мелких сочинений сего писателя. В 4-х ч. М., 1784.
- Брачев В.С.* Мasons в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000.
- Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С.* Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006.
- Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. М., 2000.
- Зарецкий Ю.П.* Пастор и масоны (из ранней истории Московского университета) // Неприкосновенный запас. 2017. № 3. С. 258–273.
- Императрица Екатерина II.* О дозволении братьям гернгутерам селиться в России // Русская старина. 1878. № 12. С. 712–713.
- К истории масонства в России.* Перевод с немецкой неизданной рукописи // Русская старина. 1882. № 9. С. 533–560.
- Киянская О.И.* Пестель. М., 2014.
- Кондаков Ю.Е.* Орден Золотого и Розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. СПб., 2012.
- Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- Лучинский Г.А.* Франк-масонство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1902. Т. XXXVIa.
- Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века.* Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 451–463.
- Миллер А.* История христианской Церкви. Т. 2. М., 1992.
- Пахомова Л.М.* Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России: Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998.
- Пекарский П.П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869.
- Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997.
- Письма и рескрипты Екатерины II к московским главнокомандующим // Русский архив. 1872. № 3–4. С. 553–554.*
- Плеве И.Р.* Сарепта / Сост., авт. вст. ст. И.Р. Плеве. Саратов, 1995.
- Музей-заповедник “Старая Сарепта”.* URL: <https://sareptamuseum.ru/>
- Пытин А.Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916.
- Семевский В.И.* Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 1–50.
- Серков А.И.* “Дружеское ученое общество”, масонский проект, “чтоб профаны и подозревать не могли” // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции “Судьбы религиозно-философских исканий Николая Новикова и его круга” в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 15–17.10.2012. Т. 2. СПб., 2015. С. 391–402.
- Соловьев О.Ф.* Русские масоны. М., 2007.
- Сорокин Ю.А.* Павел I и “вольные каменщики” // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 19–37.
- Сушков Н.В.* Московский университетский благородный пансион. М., 1858.

Тимощук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764–1808 гг. // Русская старина. 1892. № 6. С. 545–568.

Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. Т. 2. М., 1915. С. 135–153.

Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре. СПб., 2003.

REFERENCES

Arder A. Moravskie brat'ya (gerngutery) [Moravian Brethren (Hernhuters)] // Bratskij vestnik. 1990. N 6. S. 51–53 (in Russian).

Arndt I. O istinnom hristijanstve shest' knig: s prisovokupleniem Rajskago vertograda i drugih nekotoryh melkih sochinenij sego pisatelya [Six Books on True Christianity: with the Addition of the Garden of Paradise and Some Other Minor Works by This Writer]. V 4-h ch. M., 1784 (in Russian).

Brachev V.S. Masony v Rossii: Ot Petra I do nashih dnei [Masons in Russia: From Peter I to the Present Day]. SPb., 2000 (in Russian).

Ditc Y.A. Istoriya povolzhskih nemcev-kolonistov [History of the Volga German Colonists]. M., 2000 (in Russian).

Herzog J. Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. Bd. 18. Gotha, 1864.

Imperatriza Ekaterina II. O dozvolenii brat'yam gernguteram selit'sya v Rossii [Empress Catherine II. On permission for the Herrnhuter brothers to settle in Russia] // Russkaya starina. 1878. N 12. S. 712–713 (in Russian).

K istorii masonstva v Rossii. Perevod s nemeckoj neizdannoj rukopisi [On the history of Freemasonry in Russia. Translation from an unpublished German manuscript] // Russkaya starina. 1882. N 9. S. 533–560 (in Russian).

Kiyanskaya O.I. Pestel' [Pestel]. M., 2014 (in Russian).

Kondakov Yu.E. Orden Zolotogo i Rozovogo kresta v Rossii. Teoreti-cheskij gradus solomonovyh nauk [The Order of the Golden and Pink Cross in Russia. Theoretical degree of Solomonian sciences]. SPb., 2012 (in Russian).

Longinov M.N. Novikov i moskovskie martinisty [Novikov and the Moscow Martinists]. M., 1867 (in Russian).

Luchinskij G.A. Frank-masonstvo [Freemasonry] // Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. SPb., 1902. T. XXXVIa (in Russian).

Materialy dlya istorii russkogo prosveshcheniya i literatury v konce XVIII veka. Novye podrobnosti dlya biografij Novikova i SHvarca. Soobshch. M.N. Longinova [Materials for the history of Russian education and literature at the end of the 18th century. New details for the biographies of Novikov and Schwartz. Report by M.N. Longinov] // Russkij vestnik. 1858. T. 16. S. 451–463 (in Russian).

Miller A. Istoriya hristianskoj Cerkvi [History of the Christian Church]. T. 2. M., 1992 (in Russian).

Pahomova L.M. Rossijskoe masonstvo XVIII veka kak fenomen obshchestvenno-politicheskoj i filosofskoj zhizni Rossii: Diss. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk. [Russian Freemasonry of the 18th Century as a Phenomenon of the Socio-Political and Philosophical Life of Russia: Diss. for a Ph.D. in History]. Perm', 1998 (in Russian).

Pekarskij P.P. Dopolneniya k istorii masonstva v Rossii XVIII stoletiya [Supplements to the History of Freemasonry in Russia in the 18th Century]. SPb., 1869 (in Russian).

Petrov F.A. Nemeckie professora v Moskovskom universitete [German professors at Moscow University]. M., 1997 (in Russian).

Pis'ma i reskripty Ekateriny II k moskovskim glavnokomanduyushchim [Letters and rescripts of Catherine II to the Moscow commanders-in-chief] // Russkij arhiv. 1872. N 3–4. S. 553–554 (in Russian).

Pleve I.R. Sarepta [Sarepta] / Sost., avt. vst. st. I.R. Pleve. Saratov, 1995 (in Russian).

Muzej-zapovednik “Staraya Sarepta” [Museum-reserve “Old Sarepta”]. URL: <https://sareptamuseum.ru/> (in Russian).

Pypin A.N. Russkoe masonstvo. XVIII i pervaya chetvert' XIX vekov [Russian Freemasonry. XVIII and the first quarter of the XIX centuries]. Pg., 1916 (in Russian).

Reichelt S. Johann Arndts “Vier Bücher von wahrem Christentum” in Russland. Leipzig, 2011.

Semevskij V.I. Dekabristy-masonry [Decembrist Masons] // Minuvshie gody. 1908. N 2. S. 1–50 (in Russian).

Serkov A.I. “Druzheskoe uchenoe obshchestvo”, masonskij proekt, “chtob profany i podozrevat' ne mogli” [“Friendly Learned Society”, a Masonic Project, “So That the Laymen Could Not Even Suspect”] // Rossiya i gnozis. Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Sud'by religiozno-filosofskih iskanij Nikolaya Novikova i ego kruga” v VGBIL im. M.I. Rudomino 15–17.10.2012. T. 2. SPb., 2015. S. 391–402 (in Russian).

Shumigorskij E.S. Imperator Pavel I i masonstvo [Emperor Paul I and Freemasonry] // Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem / Pod red. S.P. Mel'gunova i N.P. Sidorova. T. 2. M., 1915. S. 135–153 (in Russian).

Solov'ev O.F. Russkie masony [Russian Masons]. M., 2007 (in Russian).

Sorokin Yu.A. Pavel I i “vol'nye kamenshchiki” [Paul I and the “Freemasons”] // Voprosy istorii. 2005. N 11. S. 19–37 (in Russian).

Spangenberg A.G. Idea fidei fratrum oder kurzer Begriff der christlichen Lehre in den evangelischen Brüdergemeinen, dargelegt von August Gottlieb Spangenberg. Barby; zu finden in den Brüdergemeinen. Leipzig, 1789.

Sushkov N.V. Moskovskij universitetskij blagorodnyj pansion [Moscow University Noble Boarding School]. M., 1858 (in Russian).

Timoshchuk V.V. Pastor Vigand. Ego zhizn' i deyatel'nost' v Rossii. 1764–1808 gg. [Pastor Wigand. His life and work in Russia. 1764–1808] // Russkaya starina. 1892. N 6. S. 545–568 (in Russian).

Volkov V.A., Kulikova M.V., Loginov V.S. Moskovskie professora XVIII — nachala XX vekov. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki [Moscow Professors of the 18th — Early 20th Centuries. Humanities and Social Sciences]. M., 2006 (in Russian).

Zareckij Yu.P. Pastor i masony (iz rannej istorii Moskovskogo universiteta) [Pastor and Masons (from the Early History of Moscow University)] // Neprikosnovennyj zapas. 2017. N 3. S. 258–273 (in Russian).

Yurkov S.E. Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture [Under the Sign of the Grotesque: Anti-Behavior in Russian Culture]. SPb., 2003 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-26-52

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Т.В. Семина, докт. социол. наук, старший научный сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой медицинского права, социологии и философии ФГБУ “НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева” Минздрава России, начальник юридического отдела ФГБУ “НМИЦ ССХ им. А.Н. Бакулева” Минздрава России, Ленинский просп., д. 8, корп. 7, г. Москва, Российская Федерация, 119049***

Настоящая статья поднимает проблему общественного здоровья, которое является одной из областей социальной реальности, а также важной сферой жизнедеятельности общества, которая подлежит социальному конструированию. Важной составляющей механизма подобного конструирования является укрепление индивидуального здоровья, конструирование траектории здоровой личности, которые осуществляются в процессе ее социализации.

Авторами подчеркивается, что сегодня социализация, вхождение человека в социальную среду через овладение общепринятыми социальными ценностями и нормами, рассматривается как фактор, влияющий на показатели здоровьесберегающего поведения. Соответственно, ее основным структурообразующим элементом должна стать популяризация системы ценностей и установок, имеющих отношение к высшей ценности — здоровью, основанных на убежденности в необходимости ведения здорового образа жизни.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

*** **Семина Татьяна Васильевна**, e-mail: stv.semina1911@yandex.ru

Врачебное сообщество едино во мнении, что активность населения в отношении здоровьесбережения является важнейшим фактором сохранения, восстановления и поддержания здоровья нации. В профессиональной медицинской среде под медицинской активностью принято понимать деятельность людей по отношению как к своему (личному, персональному), так и общественному здоровью. К показателям медицинской активности относятся: санитарную грамотность, гигиенические привычки, обращаемость за медицинской помощью, отношение к медосмотрам, выполнение медицинских рекомендаций, рациональность питания, физическую активность, отсутствие вредных привычек, своевременность обращений за медицинской помощью.

Значительное внимание в данной статье уделяется деструктивным факторам, прямо или косвенно влияющим на здоровье современного человека. К ним, прежде всего, относятся переизбыток информации, которая буквально обрушивается из интернета и вызывает синдром информационной усталости и интернет-зависимость, которая плохо влияет на самочувствие человека, ухудшая сон, память, внимание, а отсутствие лечения может привести даже к психическим расстройствам.

Одной из важнейших проблем XXI в. является гиподинамия — пониженная активность, которая запускает негативные изменения в работе внутренних органов и систем, ведет к активному росту заболеваний позвоночника, остеохондрозу, обострению хронических патологий и неизбежно приводит к ожирению.

В последнее время во всем мире наблюдается рост частоты ожирения у детей и подростков: 25% подростков имеют избыточную массу тела, а 15% страдают ожирением. Избыточный вес в детстве — значимый фактор ожирения во взрослом возрасте: 50% детей, имевших избыточный вес в 6 лет, становятся тучными во взрослом возрасте, а в подростковом возрасте эта вероятность увеличивается до 80%. Очевидной социальной проблемой, с которой сталкиваются люди, страдающие ожирением, является стигматизация людей в зависимости от параметров тела, которую существенно облегчают цифровые информационные технологии. Наряду с ожирением серьезный вред здоровью человека наносят алкоголизм, наркомания и табакурение — факторы, которые становятся самой злободневной проблемой в нашем обществе.

Авторы утверждают, что в основу формирования ценностных ориентиров в отношениях личности и общества, которых должен быть заложен системный подход, который осуществляется путем систематических реализации различных мероприятий и национальных проектов, направленных на повышение продолжительности жизни, укрепление общественного здоровья в период от младенчества до пожилого и старческого возраста.

Ключевые слова: здоровье населения, социальное конструирование здоровья, социализация личности, здоровый образ жизни, медицинская активность населения, синдром информационной усталости, гиподинамия, ожирение, стигматизация, вредные привычки, социальные болезни.

HEALTH CARE AS A FACTOR OF PERSONALITY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF SOCIALIZATION

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Semina Tatiana V., Doctor of Sociology, Senior Researcher at the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Medical Law, Sociology and Philosophy of the A.N. Bakulev, NCSSH Head of the Legal Department of the A.N. Bakulev NCSSH, Leninsky prospekt, 8, bldg. 7, Moscow, Russian Federation, 119049, e-mail: stv.semina1911@yandex.ru

This article raises the problem of public health, which is one of the areas of social reality, as well as an important area of society's life, which is subject to social construction. An important component of the mechanism of such construction is the strengthening of individual health, the construction of a health-saving trajectory of a personality, which are carried out in the process of its socialization.

The authors emphasize that today socialization, the entry of a person into a social environment through the mastery of generally accepted social values and norms, is considered as a factor influencing the indicators of health-saving behavior. Accordingly, its main structural element should be the popularization of a system of values and attitudes related to the highest value — health, based on the conviction of the need for a healthy lifestyle.

The medical community is united in the opinion that the activity of the population in relation to health care is the most important factor in preserving, restoring and maintaining the health of the nation. In the professional medical environment, medical activity is commonly understood as the activity of people in relation to both their own (personal, personal) and public health. Indicators of medical activity include: sanitary literacy, hygienic habits, access to medical care, attitude to medical examinations, implementation of medical recommendations, rationality of nutrition, physical activity, absence of bad habits, timeliness of requests for medical help.

Considerable attention in this article is paid to destructive factors that directly or indirectly affect the health of a modern person. These include, first of all, an overabundance of information that literally collapses from the Internet and causes information fatigue syndrome and Internet addiction, which has a bad effect on human well-being, impairing sleep, memory, attention, lack of treatment can even lead to mental disorders.

One of the most important problems of the XXI century is inactivity - reduced activity, which triggers negative changes in the work of internal organs and systems, leads to an active increase in spinal diseases, osteochondrosis, exacerbation of chronic pathologies and inevitably leads to obesity.

Recently, there has been an increase in the incidence of obesity in children and adolescents worldwide: 25% of adolescents are overweight, and 15% are obese. Overweight in childhood is a significant factor of obesity in adulthood: 50% of children who were overweight at 6 years old become obese in adulthood, and in adolescence this probability

* The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science

increases to 80%. An obvious social problem faced by obese people is the stigmatization of people depending on body parameters, which is significantly facilitated by digital information technologies. Along with obesity, alcoholism, drug addiction and tobacco smoking cause serious harm to human health — factors that are becoming the most pressing problem in our society.

The authors argue that the basis for the formation of value orientations in the relationship between the individual and society, which should be based on a systematic approach, which is carried out through the systematic implementation of various activities and national projects aimed at increasing life expectancy, strengthening public health in the period from infancy to the elderly and senile age.

Key words: public health, social construction of health, socialization of personal-ity, healthy lifestyle, medical activity of the population, information fatigue syndrome, physical inactivity, obesity, stigmatization, bad habits, social diseases.

Здоровье населения является одним из важнейших и основополагающих факторов, влияющих на экономическое и социальное развитие современного общества. В данной связи вполне закономерно, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации “укрепление здоровья граждан, а именно — увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности и уровня инвалидизации населения, профилактика профессиональных заболеваний является одной из задач, способствующих достижению приоритетных целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала”¹.

Общественное здоровье (здоровье населения) — это интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества, которое отражает “степень вероятности для каждого человека достижения максимального уровня здоровья и творческой работоспособности на протяжении максимально продленной индивидуальной жизни, а также характеризует жизнеспособность всего общества как социального организма и его возможности гармоничного роста и социально-экономического развития”². Общественное здоровье является одной из областей социальной реальности, а также важной сферой жизнедеятельности общества, которая подлежит социальному конструированию³. Важной составляющей механизма подобного конструирования является укрепление индивидуального здоровья, конструирование здоровьесбере-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021.

² Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997. С. 216.

³ *Осипова Н.Г.* Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. 2023. № 3. С. 9.

гающей траектории личности, которые осуществляются в процессе ее социализации.

По мнению академика Г.В. Осипова, социализация — это “процесс интеграции индивида в общество, в различные типы социальных групп и социальных структур, в различные действия социальных норм посредством усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются социально значимые черты личности”⁴.

Сегодня социализация, вхождение человека в социальную среду через овладение общепринятыми социальными ценностями нормами, рассматривается в как фактор, влияющий на показатели здоровьесберегающего поведения. Соответственно, ее основным структурообразующим элементом должна стать популяризация системы ценностей и установок, имеющих отношение к высшей ценности — здоровью, основанных на убежденности в необходимости здорового образа жизни.

Определение мер по повышению активности граждан в укреплении собственного здоровья, создание современной нормативно-правовой базы для общественного здравоохранения является непосредственной задачей как широкой общественности, так и узких специалистов. Успех в данном направлении достигается, прежде всего, за счет совместных усилий и ответственных действий государства и членов социума в построении “здорового общества”, отраженных в Государственной программе Российской Федерации “Развитие здравоохранения”⁵.

Всестороннее изучение человека, в контексте его социализации и формирования отношений с окружающим миром привели ученых к пониманию того, что здоровье — это не только отсутствие болезней, но и физическое, психическое и социальное благополучие человека⁶. В свое время академик РАН Ю.П. Лисицын утверждал, что “здоровый образ жизни — это не просто все то, что благотворно влияет на здоровье людей, не только соблюдение медико-социальной активности, искоренение вредных привычек, правильное питание и т.д., а, прежде всего, использование материальных и духовных

⁴ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М., 2010. С. 135.

⁵ Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения” // Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 03.05.2024).

⁶ См.: Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровой личности: обособленные дилеммы и псевдонаучные подходы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1. С. 7–31.

условий и возможностей в интересах здоровья, гармоническое физическое и духовное развитие человека”⁷.

“Здоровье — это капитал, данный нам не только природой от рождения, но и теми условиями, в которых мы живем”⁸. Поведение, направленное на борьбу с вредными привычками, негативно влияющими на здоровье, позволяет до глубокой старости сохранять хорошее нравственное, психическое и физическое здоровье.

Согласно концепции здорового образа жизни, разработанной А.М. Карповым, «здоровый образ жизни — это, прежде всего, разумный образ жизни, который формируется в процессе саногенеза (“рождение здоровья”) на всех уровнях биологической и социальной организации жизни человека, и включает механизм обучения»⁹.

Здоровый образ жизни — это поведение и привычки человека, помогающие ему сохранить и улучшить здоровье. Заботясь о физическом и ментальном здоровье, человек способен предотвращать разные заболевания, лучше справляться с проблемами, стрессами и наслаждаться жизнью. Ведение здорового образа жизни имеет решающее значение для каждого человека, поскольку обеспечивает хорошее самочувствие и долголетие¹⁰.

Следует отметить, что проблемы укрепления здоровья и здорового долголетия волновали ученых во все времена. Анализ работ античных философов показывает, что можно с уверенностью утверждать о существовании ценностного подхода к проблеме здоровья человека еще в Древние времена. Так, в сочинениях Платона, Сократа и Аристотеля теме здоровья уделяется значительное внимание — оно отождествляется с такими составляющими человека, как красота и добродетель. Таким образом, комплексный подход к здоровью, который актуален и сегодня, начал зарождаться еще в Античности, когда здоровье рассматривалось не только как физическое благо для человека (что видно через отождествление здоровья с красотой), но и как духовная составляющая человеческой сущности. Подтверждение тому мы находим в диалогах Платона: “...добродетель — это некое здоровье, красота, благоденствие души, а пороч-

⁷ См.: Лисицын Ю.П. Образ жизни и здоровье населения. М., 1982.

⁸ Виноградова Н.В., Сайфуллин А.А. Экология и здоровье человека // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 41–43. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22807/> (дата обращения: 19.02.2024).

⁹ См. подробнее: Карпов А.М. Здравствуйте, если хотите. Образовательно-воспитательные основы интеграции медицины, экологии, образа жизни и власти. Казань, 2008.

¹⁰ Почему важно вести здоровый образ жизни. URL: <http://www.virusbol.ru/pages/informatsiya-dlya-naseleniya/zdorovyy-obraz-zhizni> (дата обращения: 02.05.2024).

ность — болезнь, безобразие, слабость”¹¹. Аристотель также делил блага на духовные и физические, причисляя добродетель к первой категории, а здоровье и красоту — ко второй. Таким образом, можно согласиться с тем, что наряду с ценностным подходом к здоровью существовал и эстетический подход¹².

Размышляя о здоровье, его нормах и патологиях, философы античности заметили, что здоровье существенно зависит от образа жизни и поведения человека. Так, в античную эпоху причины болезней нашли отражение в реалистических (стихийно-материалистических), онтологических и демонических концепциях. Представители реалистических концепций причины заболеваний искали в природных факторах. В рамках онтологических концепций болезнь считалась внешним и враждебным человеку конкретным материальным живым существом, которое внедряется в тело человека извне и тем самым вызывает болезненное состояние. Суть демонических концепций основано на представлении о духах, заселяющихся в тело больного¹³.

Действительно, по прошествии столетий ученым удалось установить, что постоянное нахождение людей в условиях стресса, травмирующей ситуации, имеющих отражение в их внутренней жизни, может стать причиной запуска разрушительных для здоровья человека процессов.

Медицина столетиями занималась поиском способов увеличения продолжительности жизни и максимально плавного перехода к антивозрастной терапии. За последние несколько столетий сфера здравоохранения сделала мощный рывок в своем развитии и стала тем новым общественным институтом, роль которого для общества и людей возрастает. Участие медицины в жизни людей стало тотальным, поскольку от рождения до смерти институты медицины и здравоохранения контролируют, поддерживают и детерминируют состояние здоровья населения.

Так, Министерство здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России) — федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации, осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения. К основным полномочиям Минздрава Рос-

¹¹ Платон. Диалоги. Харьков, 1999.

¹² Терешкина В.Н. Эволюция подходов к изучению здоровья в социогуманитарном контексте // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С. 327–329. URL: <https://moluch.ru/archive/10/747/>

¹³ См. об этом: Заблудский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левин М.М. История медицины. М., 1961; Мультиановский М.П. История медицины. М., 1967.

сии относятся: защита прав и свобод человека и гражданина в сфере охраны здоровья; организация системы, продолжительность жизни, санитарной охраны на территории Российской Федерации. Залогом сохранения жизни и здоровья нации России является профилактическая модель современного здравоохранения, которая направлена на предупреждение развития заболеваний и организованную медицинскую помощь по их лечению. Благодаря этому показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении за период с 2021 по 2022 г. вырос на 2,7 года и составил 72,8 года. По сравнению с 2021 г. общий коэффициент смертности снизился на 22,8% — до 12,9 на 1000 населения, сократилась смертность населения от основных причин — болезней системы кровообращения на 11,1% — до 570,6 на 100 тыс. населения, от злокачественных новообразований — на 4,6% — до 190,9 на 100 тыс. населения, что является лучшими значениями в сравнении допандемийным 2019 г.¹⁴

Таким образом, стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний, осуществляется путем реализации различных мероприятий и национальных проектов, направленных на повышение продолжительности жизни, укрепление общественного здоровья в период от младенчества до пожилого и старческого возраста.

Наиболее эффективным направлением работы институтов медицины и здравоохранения является диспансеризация населения как комплексный метод раннего выявления заболеваний, динамического наблюдения, направленного лечения, рационального и последовательного оздоровления. В данной связи профилактические меры — это часть широкого комплекса мер государства, направленных на укрепление здоровья населения и профилактику заболеваний.

Так, диспансеризацию и профилактические медицинские осмотры с января по сентябрь 2023 г. прошли 60,6 млн россиян, что на 69,2% больше, чем за аналогичный период 2022 г. Анализ оперативных данных, представленных ФОМС, показал, что на 1 октября 2023 г. численность лиц, прошедших профилактические медицинские осмотры и диспансеризацию, составляет 60 652 393 человека, что на 24 812 290 человек, или на 69,2%, больше показателя по итогам девяти месяцев 2022 года (35 840 103 человека)¹⁵.

¹⁴ Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год. URL: <http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023/04/Об-итогах-работы.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).

¹⁵ Более 60 млн россиян прошли диспансеризацию в 2023 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19358657> (дата обращения: 16.03.2024).

Врачебное сообщество едино во мнении, что активность населения в отношении диспансеризации является важнейшим фактором сохранения, восстановления и поддержания здоровья нации. В профессиональной медицинской среде под медицинской активностью принято понимать деятельность людей по отношению как к своему (личному, персональному), так и общественному здоровью¹⁶. В частности, по мнению академика РАН Ю.П. Лисицына, медицинская активность — это наиболее характерная, типичная для определенного исторического периода деятельность людей по отношению к личному и общественному здоровью¹⁷. К показателям медицинской активности этот ученый относит: санитарную грамотность, гигиенические привычки, обращаемость за медицинской помощью, отношение к медосмотрам, выполнение медицинских рекомендаций, рациональность питания, физическую активность, отсутствие вредных привычек, своевременность обращений за медицинской помощью¹⁸.

Однако XXI в. — век бурного и стремительного развития интернета, который занимает одну из ведущих позиций в жизни человека. Человек живет и взаимодействует в мире, где господствуют информационные технологии, и, пожалуй, никто не может представить себе и дня без использования какого-либо электронного устройства. Не выходя из дома, можно приобрести билет в кинотеатр, совершить любые покупки, вести свой профессиональный блог, развивать бизнес с помощью интернет-ресурсов, общаться через мессенджеры и социальные сети и многое другое. Но также не нуждается в доказательстве тот факт, что от избыточного использования интернет-технологий страдает физическое здоровье, что чревато целым рядом опасных последствий для здоровья, а социальная изоляция может привести к утрате навыков общения и социальной дезадаптации.

Переизбыток информации, которая буквально обрушивается из интернета, негативные новости с комментариями вызывают синдром информационной усталости, когда мозг физически не способен перерабатывать то количество информации, которое он ежедневно получает. Синдром информационной усталости может рассматриваться не только как социальная, но и как медицинская проблема, поскольку сопровождается всеми признаками нарушения сердечно-сосудистой и центральной нервной систем.

¹⁶ Чумаков Б.Н. Валеология: Учебн. пособие. М., 2000. URL: http://pedlib.ru/Books/5/0122/5_0122-35.shtml (дата обращения: 16.08.2023).

¹⁷ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: Уч. М., 2002.

¹⁸ Лисицын Ю.П. Социально-гигиенические исследования образа жизни и состояния здоровья населения. М., 1985.

С течением времени проблема избытка информации становится острее, хотя серьезным изучением ее влияния на мозг человека начали заниматься еще в XX в. Первым, кто обратил внимание на проблему информационного перенасыщения общества был Бертрам Гросс, который в своей книге «Управление организацией», увидевшей свет в 1964 г. ввел в публичный оборот термин «информационная перегрузка». Популяризировал же этот термин в своей работе «Шок будущего» американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества Элвин Тоффлер. Этот ученый утверждал, что «когда человек погружается в быстро и нерегулярно меняющуюся ситуацию или новый насыщенный контекст, его предсказательная точность падает. Он больше не может сделать достоверную оценку, от которой зависит рациональное поведение»¹⁹.

Серьезный ущерб психологическому здоровью человека причиняют риски, связанные с развитием в интернете таких деструктивных практик, как кибербулинг, флейминг, троллинг, деструктивные виртуальные сообщества, опасности, связанные с ростом киберпреступности и др.

Интернет-зависимость отрицательно влияет на социализацию мирового сообщества, стрессогенность внешней среды. С течением времени в социуме все больше преобладает интернет-зависимость, за которой кроются такие серьезные проблемы, как депрессия, низкая самооценка, одиночество, организм испытывает сильный стресс при помощи игр или веб-серфинга. Признаки интернет-зависимости — это расстройство в психике, сопровождающееся большим количеством поведенческих проблем, неудержимой тяги к онлайн погружениям, человек находится постоянно в тревожном состоянии. Человек отдаляется от близких людей, друзей, теряет способность контролировать свои чувства, постепенно полностью уходя в виртуальное пространство. Интернет-зависимость плохо влияет на самочувствие человека, ухудшая сон, память, внимание, отсутствие лечения может привести даже к психическим расстройствам.

В медицинском смысле слова негативные эмоции, симптом потери контроля, возникающие из-за отсутствия доступа интернет-зависимого к интернету, — это своеобразная ломка, симптом социальной дезадаптации, который связан с возникновением проблем и конфликтов в социальном окружении. Опасности интернет-зависимости со стороны физического здоровья заключаются в следующем: нарушения работы сердечно-сосудистой системы, ухудшение памя-

¹⁹ См. подробнее: Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.

ти, нарушения сна, резко падает острота зрения, снижение иммунитета, со временем может наблюдаться искривление позвоночника и многое другое. Со временем развивается гиподинамия, ослабление мышечной деятельности, вызванное сидячим образом жизни и ограничением двигательной активности.

Действительно, современные научно-технические реалии привели к резкому сокращению активности человека — люди практически не передвигаются пешком, используют личный и общественный автотранспорт, лифты. Так, одной из важнейших проблем XXI в. является гиподинамия — пониженная активность, которая запускает негативные изменения в работе внутренних органов и систем, ведет к активному росту заболеваний позвоночника, остеохондрозу, обострению хронических патологий. Согласно обнародованному исследованию Европейского отделения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 60% взрослых и 75% молодежи страдают от гиподинамии. Эксперты утверждают, что малоподвижный образ жизни становится причиной 10% смертей²⁰.

Отечественными учеными А.А. Рубизовой, Д.Р. Ждановой и М.О. Джейрановой проведены социологические исследования, в результате которых установлено, что спортивный зал регулярно посещают 28% мужчин и только 9,5% девушек. Если обратиться к более ранним исследованиям, то 18% девушек и 22% мужчин посещали спортзал регулярно, т.е. процент посещения у женщин существенно понизился, а процент мужчин незначительно увеличился. Однако уменьшился процент мужчин, которые добираются на учебу и работу пешком или на велосипеде (с 44 до 40%). У девушек данный показатель тоже оказался немного уменьшенным (с 21 до 20%). Вопрос в отношении досуговой активности также показал, что 28% мужчин и 52,4% девушек чередуют активный отдых и посиделки с друзьями. 60% мужчин и 38,1% девушек отмечают, что “очень сильно устают и им не хватает сил для активного отдыха. Их выходной день состоит из компьютерных игр и просмотра телевизионных передач”. Ответы на вопрос о том, каким видом спорта они занимались, показали, что 12% мужчин и 14,3% девушек вообще были освобождены от физической культуры, 47,6% девушек и 40% мужчин как все в детстве играли в спортивные игры футбол, бадминтон и прочие, 48% мужчин и 38,1% девушек посещали различные спортивные секции²¹.

²⁰ Кардозу В.М., Фернандеш Д.М. Гиподинамия — болезнь цивилизации // Научная статья. 2014. Т. 4. № 5. С. 704.

²¹ Рубизова А.А., Жданова Д.Р., Джейранова М.О. Гиподинамия — болезнь цивилизации // Бюллетень медицинских Интернет-конференций (ISSN 2224-6150). 2017. Т. 7. № 6. С. 1031.

Известно, что своевременная коррекция образа жизни, увеличение ежедневных физических нагрузок помогают вернуть здоровый метаболизм, нормализуют обменные процессы, предотвращают ожирение и атеросклероз. Однако по данным ВОЗ, каждый четвертый человек на планете ведет малоподвижный образ жизни. В странах с высоким уровнем доходов у населения гиподинамия наблюдается у 26% мужчин и 35% женщин, а в развивающихся странах этот показатель составляет 12% и 24% соответственно. Неблагоприятная ситуация складывается среди подростков: 80% детей в возрасте 11–17 лет недостаточно физически активны. Среди причин смертности гиподинамия занимает 4-е место, поскольку способствует возникновению опасных кардиологических и эндокринных болезней²².

Научные исследования убедительно доказали, что одним из серьезных последствий гиподинамии является снижение иммунитета у человека. Длительная гиподинамия способствует развитию инфекционных заболеваний, осложняя их течение и замедляя восстановительные процессы в организме²³.

Основные симптомы гиподинамии — постоянная усталость и снижение работоспособности, избыточный вес, бессонница и эмоциональная усталость. Вредное влияние гиподинамии сказывается на возникновении желудочно-кишечных заболеваний, приводит к нарушению функций опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы, варикозному расширению вен, гипертонической болезни, заболеваниям суставов, атеросклерозу, сказывается на обмене веществ и неизбежно приводит к ожирению.

В настоящее время проблема ожирения становится не только все более актуальной, но и начинает представлять непосредственную угрозу для жизни множества людей, независимо от их социальной и профессиональной принадлежности, зоны проживания, возраста и пола. Наряду с гиподинамией, ВОЗ рассматривает ожирение как глобальную эпидемию, охватывающую миллионы людей. Так, в Европе ожирением страдает от 15 до 25% взрослого населения. В последнее время во всем мире наблюдается рост частоты ожирения у детей и подростков: 25% подростков имеют избыточную массу тела, а 15% страдают ожирением. Избыточный вес в детстве — значимый фактор ожирения во взрослом возрасте: 50% детей, имевших избыточный вес в 6 лет, становятся тучными

²² Герасименко М.В. Гиподинамия. URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/zabolevanija_cardiology/hypodynamia (дата обращения: 03.03.2024).

²³ Барышников М.А. Понятие гиподинамии и меры по ее предупреждению // Актуальные исследования. 2024. № 2 (184). Ч. III. С. 65–68.

во взрослом возрасте, а в подростковом возрасте эта вероятность увеличивается до 80%²⁴.

В 2022 г. в России было выявлено более 419 тыс. новых случаев ожирения. Об этом свидетельствуют данные, опубликованные в сборнике Росстата “Здравоохранение в России-2023”, который издается раз в два года. В 2020 г. врачи поставили 372 тыс. таких диагнозов, в 2021 г. — 383 тыс. Всего болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ в 2022 г. были у 13,05 млн россиян, за два года до этого их было почти на миллион меньше — 12,07 млн. Из них сахарный диабет в 2022 г. был у 5,27 млн россиян, а ожирение — у 2,17 млн. Среди детей до 14 лет у 108 тыс. в 2022 г. было выявлено ожирение. В 2010 г. такой диагноз поставили 69 тыс. детей, в 2015 г. — около 93 тыс. Более 40 тыс. подростков от 15 до 18 лет получили в 2022 г. диагноз ожирение, хотя в 2010-м г. их было почти в два раза меньше — 21 тыс.²⁵

Согласно опубликованному докладу Всемирной федерации борьбы с ожирением (The World Obesity Federation), к 2035 г. более половины населения планеты (51%, или более 4 млрд человек) будет иметь избыточный вес или страдать ожирением. Россию это также касается, поскольку более чем в два раза с 2005 по 2020 гг. выросло число подростков в России, получивших диагноз “ожирение”. По оценке экспертов этой федерации, к 2035 г. число детей, страдающих ожирением, может более чем удвоиться по сравнению с уровнем 2020 г. — до 208 млн мальчиков и 175 млн девочек. Эпидемия ожирения охватывает все регионы мира, но в разных странах и регионах уровень ожирения может существенно отличаться. Страны с самым высоким уровнем ожирения — США (36,2% населения страдает ожирением), Иордания (35,5%), Саудовская Аравия (35,4%). Главные мировые центры ожирения — Северная и Южная Америки, мусульманские страны, ЮАР, Австралия и Новая Зеландия. В 2006 г. исследование, проведенное Гарвардским университетом, показало, что выходцы из других стран, переезжающие в США, рискуют потолстеть. Лишь 8% иммигрантов, которые живут в США менее одного года, обладают лишним весом. Среди тех, кто прожил в США более 15 лет, доля полных составляет 19%. (Для американцев на тот момент этот показатель был равен 22%). При этом меньше всего

²⁴ Ожирение — глобальная проблема современного общества. URL: <https://cgon.rospotrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/istoriya-pitanija/ozirenie-globalnaya-problema-sovremennogo-obshhestva/> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁵ Росстат назвал число россиян с диагнозом ожирение. URL: <https://dzen.ru/a/Za33FsrQA0RX-z4c> (дата обращения: 15.03.2024).

людей с ожирением в странах Азии и Африки. Во Вьетнаме — всего 2,1%, в Бангладеш — 3,6%, в Тиморе — 3,8%. Недоедание, недостаток калорий — первое, что подходит в качестве объяснения. Но Япония тоже вошла в список лидеров “худощавого мира” — 4,3% населения с ожирением, хотя в Японии явных проблем с калориями, а тем более с голодом, нет²⁶.

Ученые считают, что главными причинами небольшого веса японцев, является не генетика, а особенности национальной кулинарии и культуры питания в русле исторически сложившиеся традиции. Культуру питания на протяжении восьмисот лет практиковали японские монахи, но этот принцип питания до сих пор популярен — в японской национальной кухне мало жареных блюд и жирного мяса, в основном преобладает еда, приготовленная на пару, а также вареные, запечённые и сырые продукты.

Общепризнанно, что любые отклонения в процессе питания влекут за собой нежелательные физические и социальные последствия, а многочисленные наблюдения ученых убедительно свидетельствуют об отрицательном влиянии ожирения на функциональное состояние многих органов. К негативным последствиям относят наличие избыточной жировой ткани, которая приводит к серьезным последствиям для здоровья, таким как сердечно-сосудистые заболевания, диабет 2-го типа, заболевания опорно-двигательного аппарата, артериальная гипертензия, дислипидемия, атеросклероз. Кроме того, ожирение влияет на развитие нарушения репродуктивной функции как у женщин, так и у мужчин.

Положительным обстоятельством является то, что избыточная масса тела и ожирение в значительной степени являются предотвратимыми — воспитать культуру питания вполне возможно. Однако система питания в последние десятилетия изменилась коренным образом, — благодаря навязчивой рекламе быстрая еда (фастфуд) пользуется исключительно большой популярностью, прежде всего, у молодежи.

Очевидной социальной проблемой, с которой сталкиваются люди, страдающие ожирением, является стигматизация людей в зависимости от параметров тела, которую существенно облегчают цифровые информационные технологии.

Как отмечает известная исследовательница в данной области Д. Лаптон, “социальные сети способствуют тому, что порицание и стигматизация тучных людей усиливаются, и подобные установки,

²⁶ Ваганов А. Можно ли считать глобальной эпидемией рост числа людей с избыточным весом. URL: https://www.ng.ru/science/2023-12-26/9_11_8912_fatworld.html (дата обращения: 12.03.2024).

быстро распространяясь, охватывают все более широкую аудиторию. Новые цифровые медиа и устройства продвигают культуру интенсивного мониторинга состояния своего тела, параметры которого постоянно сравниваются с определенными нормами. На рынке появилось огромное количество приложений и портативных гаджетов, которые позволяют подсчитывать калории, измерять физическую активность и следить за весом тела, чтобы соответствовать этим идеалам. Таким образом, цифровые медиа подвергают тела всех размеров еще более пристальному вниманию, чем раньше, выставляя их напоказ и делая их объектом постоянного оценивания как на частном, так и на общественном уровне»²⁷.

Результаты анализа различных источников показывают, что многие авторы выделяют у пациентов с избыточным весом одинаковые психологические особенности: высокую тревожность, осознание несоответствия общепринятым эталонам и неадекватную самооценку, наличие чувства внутренней пустоты, потерянности, подавленности, склонность к психосоматическим заболеваниям и чрезмерное беспокойство за состояние своего здоровья; сложности в межличностных отношениях, стремление уклониться от социальных контактов и обязанностей; сильное чувство вины после эпизодов переедания.

В применении различных методов психологической коррекции у людей с избыточным весом многочисленные исследования выделяют именно комплексный индивидуальный подход, включающий изменение образа жизни, занятия физической культурой и психологическую коррекцию, который будет способствовать снижению избыточного веса²⁸. В то же время получает активное распространение мифологизация диетологии — серии мифов, которые активно используются лицами, занимающимися популяризацией и продажей различных строгих, а на самом деле — «убийственных» диет²⁹. «Приверженцами подобных диет являются в основном женщины и девушки, хотя в последнее время возросло и количество мужчин, стремящихся похудеть при помощи диет. Причем в погоню за идеалом стройности и красоты пускаются те, кому это совершенно не нужно. Девушки, совершенно не страдающие ожирением, стремятся добиться невероятной, «модельной» худобы и, стремясь похудеть

²⁷ Лаптон Д. Жирные / Под научн. ред. А. Смирнова. М., 2021. С. 7.

²⁸ Костерева Л.И. Особенности личности людей с избыточным весом // Молодой ученый. 2023. № 32 (479). С. 140–143. URL: <https://moluch.ru/archive/479/105406/> (дата обращения: 26.03.2024).

²⁹ Краснова С.А., Селезнева Т.Д., Абрамович О.Д. и др. Диеты убийцы. Ростов н/Д., 2013. С. 8.

выматывают себя постоянными голодовками и различными диетами, что приводит к весьма серьезным обменным нарушениям и проблемам со здоровьем, таким тяжелым заболеваниями как булимия и анорексия»³⁰.

Безусловно, общенациональные проблемы избыточной массы тела должны решаться комплексно. Так, существует несколько путей социально-политико-экономической и пропагандистской направленности, в рамках которых предлагаются решения и разрабатываются мероприятия:

- 1) разработка, внедрение и совершенствование финансовых инструментов управления потреблением и качеством продуктов питания;
- 2) улучшение доступа широких масс населения к качественной еде;
- 3) снижение содержания жира, сахара и соли в пищевых продуктах; ограничение на рекламу вредных пищевых продуктов;
- 4) осуществление мер политического характера, направленных на формирование здорового образа жизни населения;
- 5) активная пропаганда здорового питания;
- 6) активная пропаганда повышения уровня физической активности, здорового образа жизни среди всего населения, введение в повседневную культуру образцов поведения, предполагающих повышение двигательной активности, включая создание и внедрение моды на хорошее физическое состояние организма в среде представителей обширного множества имеющих в обществе социальных групп³¹.

Тем самым поднимается вопрос о включении социализации здоровьесбережения, включения его в процесс социализации личности. Социализация здоровьесбережения — это процесс и результат становления личности, усвоения человеком ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих здоровому образу жизни. В процессе социализации человек не только формируется как личность, но и усваивает различные формы активности, способствующие сохранению и укреплению здоровья человека, необходимые для развития мобилизации в интересах не только личного здоровья, но и общественного здоровья.

³⁰ Там же.

³¹ Крысанова В.С., Журавлева М.В., Сереброва С.Ю. Социальная и экономическая значимость избыточной массы тела и ожирения в Российской Федерации. Основные подходы к лечению ожирения // Российский медицинский журнал. 2015. № 26. С. 1534–1537.

Наряду с ожирением серьезный вред здоровью человека наносят алкоголизм, наркомания и табакокурение — факторы, которые становятся самой злободневной проблемой в нашем обществе.

Алкоголизм — это не что иное, как наркотическая зависимость организма, при которой человек ощущает болезненную тягу к употреблению алкоголя. Алкоголизм и наркомания давно уже вышли за пределы понятия “вредная привычка” и признаны болезнью. Так, в последние годы в РФ вновь наблюдается рост смертности, связанной с алкоголем и наркотиками. В 2020 г. только по официальной статистике от алкоголя умерло 50 435 человек, а от наркотиков — 7316³².

Следует отметить, что алкоголизация и наркотизация в отечественной литературе рассматриваются и в контексте социальных девиаций и тем самым вводятся в предметную область социологии. При этом имеются два основных, не исключающих друг друга социологических подхода к изучению алкоголизма и наркотизма: 1) анализ этих явлений как видов девиантного поведения 2) идентификация их как социальной проблемы. Предметом исследования с этих позиций становятся динамика наркотизации и алкоголизации общества, причины этого процесса, его социальные последствия. Таким образом, алкоголизация и наркотизация представляют интерес для социологии как формы социальных девиаций, отклоняющиеся практики³³.

Так, исследования, проведенные авторами среди студенческой молодежи в 2023 г., показали, что каждый четвертый респондент (25%) в настоящее время курит какие-либо табачные изделия (сигареты, сигары, табак, вейпы), более половины (54%) участников опроса употребляют спиртное. Среди тех, кто употребляет напитки, содержащие алкоголь, 44% употребляют его примерно раз в месяц и реже, 30% — 2–3 раза в месяц, 17% — 3–4 раза в месяц, 9% — каждую неделю, обычно в выходные.

Известно, что последствия приема наркотических веществ наносят удар по всем системам организма. При данном заболевании развивается не только психическая, но и физическая зависимость. Эти привычки наносят непоправимый вред не только самому человеку, а также семье, коллективу и обществу в целом. Поведение наркоманов в социуме опасно, наркотик попадает в мозг и его функ-

³² Страшная статистика: сколько жизней ежегодно уносят алкоголь и наркотики? URL: https://dzen.ru/a/YxmE_tmDUnMX3Z1v

³³ *Калашикова Г.В.* Алкоголизм и наркомания как причины смертности населения // Молодой ученый. 2011. № 10 (33). Т. 2. С. 132–133.

ционирование нарушается. При употреблении наркотиков и алкоголя наблюдается тяжелое поражение внутренних органов (особенно печени), происходит общая деградация личности. Систематическое употребление алкоголя и наркотиков приводит к развитию специфических гепатологических болезней. Самый страшный итог — цирроз печени, который, как правило, приводит зависимого к смерти. Помимо вреда, наносимого здоровью, также можно выделить и социальные последствия. Они выливаются в то, что в результате деградации личности человек не отдает себе отчет в происходящем. Алкоголь деморализуется в моральном и этическом плане, вызывая изменения личности, паранойю и другие расстройства.

Постепенно больные алкогольной зависимостью психически деградируют, у них сужается круг интересов, нарушаются когнитивные способности, снижается уровень интеллекта и т.п. В результате происходит распад семьи, потеря регулярной работы, а формирование соответствующего окружения довольно часто приводят к беспорядочной сексуальной жизни³⁴ и заражению венерическими заболеваниями, СПИДу. Алкоголик теряет интерес к жизни, работе, хобби, саморазвитию, становится равнодушным к своим обязанностям, ценностям, нормам поведения.

Аналитики отмечают, что сокращение трудоспособного населения может негативно сказаться на экономике страны. Оно может привести к снижению производительности труда и проблемам на рынке труда, таким как нехватка рабочей силы и повышение уровня безработицы³⁵. Кроме этого, неуклонно растет количество детей с психическими расстройствами такими как психозы и состояния слабоумия, шизофрения, шизоаффективные психозы, шизотипическое расстройство, аффективные психозы с неконгруэнтным аффекту бредом.

Недостаток знаний, умений и навыков в проведении мероприятий по оздоровлению, нежелание применять общую оздоровительную практику в домашней обстановке для профилактики болезней — характерная черта многих граждан. Однако для того, чтобы быть здоровым нужно владеть искусством его сохранения и укрепления.

Необходимо формировать установки на сохранение и укрепление здоровья, которые будут направлены на организацию здо-

³⁴ *Rehn J.* The risks associated with alcohol use and alcoholism // *Alcohol Res Health.* 2011. N 34 (2). P. 135–143.

³⁵ Росстат: трудоспособное население России в 2023 году. URL: <https://investim.guru/faq/rosstat-trudospobnoe-naselenie-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 17.03.2024).

рового образа жизни от старшего поколения младшему, а также преемственность семейных ценностей, традиций по отношению к здоровью. Формирование ценностных ориентиров в отношениях личности и общества, в основу которых должен быть заложен системный подход по внедрению здоровьесберегающих технологий обучения.

В то же время для решения задачи по сохранению и укреплению здоровья детей и молодежи в нашей стране необходимо заручиться поддержкой различных государственных и общественных институтов, среди которых основное место занимает школа, выполняющая важную общественно-воспитательную функцию. Поэтому общественные, политические, экономические, экологические условия все чаще выдвигают на первый план проблему формирования здоровьесберегающей компетентности как предпосылку здорового образа жизни. В свою очередь, образование должно помочь учащимся в определении жизненных приоритетов, направить их на ценностное отношение к собственному здоровью, вооружить школьников необходимыми средствами и методами, обеспечивающими физическое и психическое здоровье³⁶.

Известно, что здоровьесберегающие технологии в семье реализуются на основе личностно-ориентированного подхода взрослых членов семьи. В данном контексте здоровый образ жизни во многом способствует выполнению человеком своих профессиональных, общественных и бытовых функций в конечном итоге формируя, сохраняя и укрепляя не только свое индивидуальное, но и общественное здоровье.

Общественное здоровье — это не просто отсутствие болезней индивидов в рамках общества, это их способность активно участвовать в общественной жизни и планировать в долгосрочном периоде свою индивидуальную жизнь. Ряд авторов, в частности, В.С. Лучкевич к данной проблеме подходят с позиций здравоохранения и предлагают трактовать образ жизни человека как ведущий обобщенный фактор, определяющий основные тенденции в изменении здоровья. К структурным элементам образа жизни автор относит трудовую, хозяйственно-бытовую, рекреационную (восстановление физического здоровья) и социализаторскую (уход за малолетними и престарелыми членами семьи) деятельность. В числе не менее важных элементов, составляющих образа жизни человека, В.С. Лу-

³⁶ Иванова А.Н. Формирование здоровьесберегающей компетентности учащихся // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 364–367. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77680/> (дата обращения: 07.11.2023).

кевич выделяет и медико-социальную активность, т.е. отношение к здоровью, медицине, а также установку на здоровый образ жизни³⁷.

Таким образом состояние и динамика здоровья человека зависит не только от условий его жизни и финансирования государством системы здравоохранения, но также от характера поведения личности во всех сферах деятельности, его самоохранительной направленности.

Необходимо подчеркнуть, что уровень качества жизни и состоянию здоровья граждан служит своего рода индикатором эффективности государственной политики в области социальной сферы.

Так, в Российской Федерации на законодательном уровне установлена обязанность граждан заботиться о сохранении своего здоровья. В то же время ч.1 ст. 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” провозглашает и дублирует конституционное право каждого на охрану здоровья. Таким образом, имеется несоответствие между правами и обязанности человека: с одной стороны, это право на охрану здоровья, с другой — обязанность человека и гражданина заботиться о своем здоровье³⁸. Данная норма, так же, как и норма, обязывающая пациента заботиться о своем здоровье, носит скорее декларативный характер, выражающая общие ценности, принципы и идеи. На практике ответственность за состояние здоровья граждан несут медицинские работники, а для самих граждан, это общая нормативная установка, которая имеет лишь перспективную воспитательную цель³⁹.

В данной связи одним из важнейших условий для установления взаимопонимания между врачом и пациентом — это развитие патернализма в медицине — системы социальных отношений, которая будет обеспечивать модели поведения, не только врача, но и пациента. Патернализм способен отражать перспективу, социального объединения по сохранению и укреплению здоровья населения, кроме того, он должен подкрепляться в том числе пропагандой здорового образа жизни.

Однако стоит отметить, что “взаимодействие населения с медицинскими учреждениями — одна из самых малоизученных и слож-

³⁷ Лучкевич В.С. Основы социальной медицины и управления здравоохранением: Уч. пособ. СПб., 1997. С. 84.

³⁸ Попова О.В. Статья: конституционные обязанности граждан // Современный юрист. 2016. № 2.

³⁹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. ст. 6724.

ных проблем в отечественных исследованиях медико-социального плана. В данной связи взаимодействие людей со здравоохранением можно рассматривать в качестве важной стороны самосохранительного поведения — существенного элемента всей социальной жизнедеятельности”⁴⁰.

Следует признать, что наши соотечественники все еще не в полной мере понимают последствия недобросовестного отношения к сохранению и поддержанию своего здоровья и еще далеко не все готовы к восприятию и ведению здорового образа жизни и как правило им пренебрегают. Особенно в случае, когда факторы риска не оказывают быстрого и заметного воздействия на их здоровье. Между тем, осознанное желание индивидуума трансформировать свои поведенческие стереотипы напрямую определяет успех программ профилактики⁴¹.

Наблюдающаяся в последние годы переориентация приоритетов здравоохранения с лечебных мероприятий на профилактические обусловлена возрастающей ролью здоровья населения в условиях экономического развития страны⁴². Таким образом, в связи с переходом политики здравоохранения в России от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной позиции в сохранении здоровья⁴³ во многом возросла значимость личной ответственности населения за свое здоровье, а также принятия мер в отношении его сохранения и укрепления. Данный факт присутствует в числе целевых ориентиров национального проекта “Демография”, рассчитанного на период с 2019 по 2024 г. Своей целью национальный проект “Демография” ставит увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; снижение смертности населения старше трудоспособного возраста, увеличение суммарной рождаемости. Также одними из основных целей являются увеличение доли гражд-

⁴⁰ *Медик В.А., Осипов А.М.* Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М., 2012. С. 299.

⁴¹ *Калинина А.М., Концевая А.В., Омельяненко М.Г.* Оценка моделей профилактического поведения пациентов первичного звена здравоохранения в отношении факторов риска основных сердечно-сосудистых заболеваний // Профилактическая медицина. 2008. № 11(4). С. 3–8.

⁴² *Шабунова А.А.* Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика. Автореф. дисс. ... докт. эконом. наук. М., 2011. С. 30.

⁴³ *Сабгайда Т.П., Сергиевская А.Л.* Детерминанты отношения успешных студентов к сохранению своего здоровья // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/331/30/> (дата обращения: 16.08.2023).

дан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55% доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом⁴⁴.

Но, к сожалению, на практике складывается так, что именно больной человек окружен заботой и вниманием — к его услугам поликлиника, санатории, освобождение от работы и пр. При этом профилактике и предупреждению заболеваний не во всех регионах уделяется должное внимание. В данной связи формированию у населения осознанного отношения к собственному здоровью может способствовать все большая вовлеченность граждан в различные программы и проекты по воспитанию культуры здоровья и пропаганде здорового образа жизни, отказу от вредных привычек и профилактике болезней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барышников М.А. Понятие гиподинамии и меры по ее предупреждению // Актуальные исследования. 2024. № 2 (184). Ч. III. С. 65–68.

Более 60 млн россиян прошли диспансеризацию в 2023 году. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19358657> (дата обращения: 16.03.2024).

Ваганов А. Можно ли считать глобальной эпидемией рост числа людей с избыточным весом. URL: https://www.ng.ru/science/2023-12-26/9_11_8912_fatworld.html (дата обращения: 12.03.2024).

Виноградова. Н.В., Сайфуллин А.А. Экология и здоровье человека // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 41–43. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22807/> (дата обращения: 19.02.2024).

Герасименко М.В. Гиподинамия. URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/zabolevaniya_cardiology/hypodynamia (дата обращения: 03.03.2024).

Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения” // Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 03.05.2024).

Заблудский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левин М.М. История медицины. М., 1961.

Иванова А.Н. Формирование здоровьесберегающей компетентности учащихся // Молодой ученый. 2021. № 3 (345). С. 364–367. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77680/> (дата обращения: 07.11.2023).

Калашиникова Г.В. Алкоголизм и наркомания как причины смертности населения // Молодой ученый. 2011. № 10 (33). Т. 2. С. 132–133.

Калинина А.М., Концевая А.В., Омеляненко М.Г. Оценка моделей профилактического поведения пациентов первичного звена здравоохранения в

⁴⁴ Национальный проект “Демография” (паспорт). URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya>; <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 05.05.2024).

- отношении факторов риска основных сердечно-сосудистых заболеваний // Профилактическая медицина. 2008. № 11 (4). С. 3–8.
- Кардозу В.М., Фернандеш Д.М.* Гиподинамия — болезнь цивилизации // Научная статья. 2014. Т. 4. № 5.
- Картов А.М.* Здравствуйте, если хотите. Образовательно-воспитательные основы интеграции медицины, экологии, образа жизни и власти. Казань, 2008.
- Костерева Л.И.* Особенности личности людей с избыточным весом // Молодой ученый. 2023. № 32 (479). С. 140–143. URL: <https://moluch.ru/archive/479/105406/> (дата обращения: 26.03.2024).
- Краснова С.А., Селезнева Т.Д., Абрамович О.Д.* и др. Диеты-убийцы. Ростов н/Д., 2013.
- Крысанова В.С., Журавлева М.В., Сереброва С.Ю.* Социальная и экономическая значимость избыточной массы тела и ожирения в Российской Федерации. Основные подходы к лечению ожирения // Русский медицинский журнал. 2015. № 26. С. 1534–1537.
- Лантон Д.* Жирные / Под научн. ред. А. Смирнова. М., 2021.
- Лисицын Ю.П.* Общественное здоровье и здравоохранение: Уч. М., 2002.
- Лучкевич В.С.* Основы социальной медицины и управления здравоохранением: Уч. пособ. СПб., 1997.
- Медик В.А., Осипов А.М.* Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М., 2012.
- Мультиановский М.П.* История медицины. М., 1967.
- Национальный проект “Демография” (паспорт). URL: <https://xn--80aарамремсчфмо7а3с9еhј.хn--р1аi/рroјeсtѕ/demograftуa>; <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 05.05.2024).
- Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год. URL: <http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023/04/Об-итогах-работы.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.
- Ожирение — глобальная проблема современного общества. URL: <https://сgоn.rosрoтrebnadzоr.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/istoriya-pitaniya/ozirenie-globalnaya-problema-sovremennogo-obshhestva/> (дата обращения: 15.03.2024)
- Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. М., 2010.
- Осипова Н.Г.* Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. 2023. № 3.
- Осипова Н.Г.* Социальное конструирование здоровой личности: обоснованные дилеммы и псевдонаучные подходы // Вестник Московского университета. 2024. № 1. С. 7–31.
- Платон.* Диалоги. Харьков, 1999.
- Попова О.В.* Конституционные обязанности граждан // Современный юрист. 2016. № 2.
- Почему важно вести здоровый образ жизни. URL: <http://www.virusbol.ru/pages/informatsiya-dlya-naseleniya/zdoroviy-obraz-zhizni> (дата обращения: 02.05.2024).
- Росстат назвал число россиян с диагнозом ожирение. URL: <https://dzen.ru/a/Za33FsrQA0RX-z4с> (дата обращения: 15.03.2024).

Рубизова А.А., Жданова Д.Р., Джейранова М.О. Гиподинамия — болезнь цивилизации // Бюллетень медицинских Интернет-конференций (ISSN 2224-6150). 2017. Т. 7. № 6.

Сабгайда Т.П., Сергиевская А.Л. Детерминанты отношения успешных студентов к сохранению своего здоровья // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/331/30/> (дата обращения: 16.08.2023).

Страшная статистика: сколько жизней ежегодно уносят алкоголь и наркотики? URL: https://dzen.ru/a/YxmE_tmDUnMX3Z1v (дата обращения: 15.03.2024).

Терешкина В.Н. Эволюция подходов к изучению здоровья в социогуманитарном контексте // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С. 327–329. URL: <https://moluch.ru/archive/10/747/> (дата обращения: 15.03.2024).

Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2008.

Чумаков Б.Н. Валеология: Уч. пособ. М., 2000. URL: http://pedlib.ru/Books/5/0122/5_0122-35.shtml (дата обращения: 16.08.2023).

Шабунова А.А. Общественное и индивидуальное здоровье в современной России: состояние и динамика. Автореф. дисс. ... докт. эконом. наук. М., 2011.

Экология, охрана природы и экологическая безопасность / Под общ. ред. В.И. Данилова-Данильяна. М., 1997.

REFERENCES

Baryshnikov M.A. Ponyatie gipodinamii i mery po ee preduprezhdeniyu [The concept of physical inactivity and measures to prevent it] // Aktual'nye issledovaniya. 2024. N 2 (184). Ch. III. S. 65–68 (in Russian).

Bolee 60 mln rossiiyan proshli dispanserizatsiyu v 2023 godu [More than 60 million Russians underwent medical examination in 2023]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19358657> (data obrashcheniya: 16.03.2024) (in Russian).

Chumakov B.N. Valeologiya: Uchebn. Posobie [Valeology: Textbook]. М., 2000. URL: http://pedlib.ru/Books/5/0122/5_0122-35.shtml (data obrashcheniya: 16.08.2023) (in Russian).

Ekologiya, ohrana prirody i ekologicheskaya bezopasnost' [Ecology, nature conservation and environmental safety] / Pod obshch. red. V.I. Danilova-Danil'yana. М., 1997 (in Russian).

Gerasimenko M.V. Gipodinamiya [Hypodynamia]. URL: https://www.krasotai-medicina.ru/diseases/zabolevaniya_cardiology/hypodynamia (data obrashcheniya: 03.03.2024) (in Russian).

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Razvitie zdavoohraneniya" [State Program of the Russian Federation "Healthcare Development"] // Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrya 2017 goda N 1640 (v redakcii, vvedennoj v dejstvie s 1 yanvarya 2023 goda postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2022 goda N 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (data obrashcheniya: 03.05.2024) (in Russian).

<https://investim.guru/faq/rosstat-trudosposobnoe-naselenie-rossii-v-2023-godu> (data obrashcheniya: 17.03.2024) (in Russian).

Ivanova A.N. Formirovanie zdorov'esberegayushchej kompetentnosti uchashchihsya [Formation of Health-Saving Competence of Students] // Molodoj uchenyj.

2021. N 3 (345). S. 364–367. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77680/> (data obrashcheniya: 07.11.2023) (in Russian).
- Kalashnikova G.V.* Alkogolizm i narkomaniya kak prichiny smertnosti naseleniya [Alcoholism and drug addiction as causes of mortality of the population] // *Molodoy uchenyj*. 2011. N 10 (33). T. 2. S. 132–133 (in Russian).
- Kalinina A.M., Koncevyaya A.V., Omel'yanenko M.G.* Ocenka modelej profilakticheskogo povedeniya pacientov pervichnogo zvena zdravoohraneniya v otnoshenii faktorov riska osnovnykh serdechno-sosudistykh zabolevanij [Evaluation of models of preventive behavior of primary health care patients in relation to risk factors for major cardiovascular diseases] // *Profilakticheskaya medicina*. 2008. N 11 (4). S. 3–8 (in Russian).
- Kardozu V.M., Fernandesh D.M.* Gipodinamiya — bolezni civilizatsii [Hypodynamia is a disease of civilization] // *Nauchnaya stat'ya*. 2014. T. 4. N 5 (in Russian).
- Karpov A.M.* Zdravstvujte, esli hotite. Obrazovatel'no-vospitatel'nye osnovy integratsii mediciny, ekologii, obraza zhizni i vlasti [Hello, if you want. Educational and training foundations for the integration of medicine, ecology, lifestyle and government]. Kazan', 2008 (in Russian).
- Kostereva L.I.* Osobennosti lichnosti lyudej s izbytochnym vesom [Personality traits of overweight people] // *Molodoy uchenyj*. 2023. N 32 (479). S. 140–143. URL: <https://moluch.ru/archive/479/105406/> (data obrashcheniya: 26.03.2024) (in Russian).
- Krasnova S.A., Selezneva T.D., Abramovich O.D.* i dr. Diety-ubijcy [Killer diets]. Rostov n/D., 2013 (in Russian).
- Krysanova V.S., Zhuravleva M.V., Serebrova S.Yu.* Social'naya i ekonomicheskaya znachimost' izbytochnoy massy tela i ozhireniya v Rossijskoj Federatsii. Osnovnye podhody k lecheniyu ozhireniya [Social and economic significance of overweight and obesity in the Russian Federation. Main approaches to obesity treatment] // *Rossijskij medicinskij zhurnal*. 2015. N 26. C. 1534–1537 (in Russian).
- Lapton D.* Zhirnye [Fat] / Pod nauchn. red. A. Smirnova. M., 2021 (in Russian).
- Lisicyn Yu.P.* Obshchestvennoe zdorov'e i zdravoohraneniye: uchebnik [Public health and healthcare: textbook]. M., 2002 (in Russian).
- Luchkevich V.S.* Osnovy social'noj mediciny i upravleniya zdravoohraneniem: uchebnoe posobie [Fundamentals of social medicine and healthcare management: textbook]. SPb., 1997 (in Russian).
- Medik V.A., Osipov A.M.* Obshchestvennoe zdorov'e i zdravoohraneniye: mediko-sociologicheskij analiz [Public health and healthcare: medical and sociological analysis]. M., 2012 (in Russian).
- Mul'tanovskij M.P.* Istoriya mediciny [History of Medicine]. M., 1967 (in Russian).
- Nacional'nyj proekt "Demografiya" (pasport) [National project "Demography" (passport)]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya>; <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (data obrashcheniya: 05.05.2024) (in Russian).
- Ob itogah raboty Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federatsii v 2022 godu i zadachah na 2023 god [On the results of the work of the Ministry of Health of the Russian Federation in 2022 and tasks for 2023]. URL: <http://medinvestclub.ru/>

wp-content/uploads/2023/04/Ob-itogah-raboty.pdf (data obrashcheniya: 30.04.2024) (in Russian).

Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ (red. ot 06.03.2019) [On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 06.03.2019)] // Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.11.2011. N 48. St. 6724 (in Russian).

Ozhirenie — global'naya problema sovremennogo obshchestva [Obesity is a global problem of modern society]. URL: <https://cgon.rosпотреbnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/istoriya-pitaniya/ozhirenie-globalnaya-problema-sovremennogo-obshhestva/> (data obrashcheniya: 15.03.2024) (in Russian).

Osipov G.V. Vvedenie v sociologicheskuyu nauku [Introduction to sociological science]. M., 2010 (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovaniye zdorovoy lichnosti: obosnovannyye dilemmy i psevdonauchnye podhody [Social construction of a healthy personality: substantiated dilemmas and pseudoscientific approaches] // Vestnik moskovskogo universiteta. 2024. N 1. S. 7–31 (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovyye manipul'yacii psichicheskim zdorov'em sovremennoy molodyozhi [Digital manipulation of the mental health of modern youth] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2023. N 3 (in Russian).

Platon. Dialogi [Dialogues]. Har'kov, 1999 (in Russian).

Popova O.V. Konstitucionnyye obyazannosti grazhdan [Constitutional duties of citizens] // Sovremennyy jurist. 2016. N 2 (in Russian).

Pochemu vazhno vesti zdorovyy obraz zhizni [Why is it important to lead a healthy lifestyle]. URL: <http://www.virusbol.ru/pages/informatsiya-dlya-naseleniya/zdorovyy-obraz-zhizni> (data obrashcheniya 02.05.2024) (in Russian).

Rehn J. The risks associated with alcohol use and alcoholism // Alcohol Res Health. 2011. N 34 (2). P. 135–143.

Rosstat nazval chislo rossiyan s diagnozom ozhirenie [Rosstat named the number of Russians diagnosed with obesity]. URL: <https://dzen.ru/a/Za33FsrQA0RX-z4c> (data obrashcheniya: 15.03.2024) (in Russian).

Rubizova A.A., Zhdanova D.R., Dzhejranova M.O. Gipodinamiya — bolezn' civilizacii [Hypodynamia is a disease of civilization] // Byulleten' medicinskih Internet-konferencij (ISSN 2224-6150). 2017. T. 7. N 6 (in Russian).

Sabgajda T.P., Sergievskaya A.L. Determinanty otnosheniya uspešnyh studentov k sohraneniyu svoego zdorov'ya [Determinants of the attitude of successful students to maintaining their health] // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2011. N 4 (20). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/331/30/> (data obrashcheniya: 16.08.2023) (in Russian).

Shabunova A.A. Obshchestvennoe i individual'noe zdorov'e v sovremennoj Rossii: sostoyaniye i dinamika. Avtoref. dis. ... doktora ekonom. Nauk [Public and individual health in modern Russia: state and dynamics. Abstract. dis. ... doctor of economic sciences]. M., 2011 (in Russian).

Strashnaya statistika: skol'ko zhiznej ezhegodno unosyat alkogol' i narkotiki? [Scary statistics: how many lives are claimed annually by alcohol and drugs?]. URL: https://dzen.ru/a/YxmE_tmDUnMX3Z1v (data obrashcheniya: 15.03.2024) (in Russian).

Tereshkina V.N. Evolyuciya podhodov k izucheniyu zdorov'ya v sociogumanitarnom kontekste [Evolution of approaches to the study of health in the socio-humanitarian context] // *Molodoj uchenyj.* 2009. N 10 (10). S. 327–329. URL: <https://moluch.ru/archive/10/747/> (data obrashcheniya: 15.03.2024) (in Russian).

Toffler E. Shok budushchego [Shock of the Future]. M., 2008 (in Russian).

Vaganov A. Mozhno li schitat' global'noj epidemiej rost chisla lyudej s izbytochnym vesom [Can the increase in the number of overweight people be considered a global epidemic]. URL: https://www.ng.ru/science/2023-12-26/9_11_8912_fatworld.html (data obrashcheniya: 12.03.2024) (in Russian).

Vinogradova N.V., Sajfullin A.A. Ekologiya i zdorov'e cheloveka [Ecology and human health] // *Molodoj uchenyj.* 2015. N 21 (101). S. 41–43. URL: <https://moluch.ru/archive/101/22807/> (data obrashcheniya: 19.02.2024) (in Russian).

Zabludskij P.E., Kryuchok G.R., Kuz'min M.K., Levin, M.M. Istoriya mediciny [History of Medicine]. M., 1961 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-53-77

МЕДИАТИЗАЦИЯ МЕДИЦИНЫ И ЗДОРОВЬЯ В ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

А.А. Белов, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

Статья посвящена социологическому анализу особенностей процесса медиатизации в ее электронно-цифровой форме и его влиянию на такие важнейшие сферы социальной жизни как медицина и здоровье. Авторы отмечают, что в настоящее время многие социальные процессы, происходящие в обществе, трактуются, преимущественно, через призму медиaprостранства, представленного, в большинстве случаев, новыми медиа. Такое явление исследователи трактуют как медиатизация, уделяя особое внимание его новой модификации — цифровой медиатизации.

Спектр современных социогуманитарных исследований, посвящённых социальным проблемам, вызванным к жизни процессом медиатизации, достаточно широк. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей показывает, что термин “медиатизация” сегодня широко востребован в не только в журналистике и коммуникативистике, но и в социологии, где закрепился в качестве ключевого для обозначения процесса влияния медиа на различные стороны жизни социума.

В третьем тысячелетии новые, электронно-цифровые средства массовой информации стали не просто неотъемлемой частью повседневной жизни индивида и общества, но и главным инструментом, воздействующим и на общественное сознание, и на процесс реформирования социальных институтов, среди которых особенно следует выделить медицину и здравоохранение.

Под медиатизацией медицины и здравоохранения понимается трансформация этих социальных институтов, вызванная появлением средств цифровой коммуникации, в результате которого массы получили свободный доступ к медицинской информации, медицинское знание стало менее сакральным, личность конкретного актора и его коммуникативные навыки получили решающее значение во взаимодействии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

*** **Белов Антон Александрович**, e-mail: pochtabelov@gmail.com

Однако в отношении медицины и здоровья новые СМИ служат не только источником медицинской информации и целевого распределения, учитывающего самые разные аудитории и использующего информационные запросы, в числе которых основы здорового образа жизни, диагностика, профилактика и лечение болезней, лекарственные препараты, социально-медицинское обслуживание, организация системы здравоохранения и т.п., но и понимание в обществе здоровья как важнейшей жизненной стратегии. Таким образом, все вопросы, связанные со здоровьем человека и общества, диалоги специалиста и пациента (потребителя) оказываются сегодня в СМИ, а медиатизация медицины становится процессом, наблюдающимся сегодня в любом обществе.

Обозначенная ситуация ставит серьезные социальные проблемы, которые требуют взвешенного научного анализа. Спектр таких проблем достаточно широк: это и выход на арену медицинской практики явных мошенников, и реклама, под видом нетрадиционной медицины, разрушительных для физического и психического здоровья человека практик, и агрессивная реклама лекарственных препаратов и многое другое. В данной связи первостепенное значение имеет выделение самых острых, ключевых проблем, которые однозначно влекут за собой деструктивные социальные последствия не только для отдельных индивидов, но и для всего общества. К ним авторы относят: популяризацию медицины посредством электронно-цифровых СМИ, выход медицинского знания за пределы профессиональных границ; перевод медицинской практик в онлайн формат, в котором все большую популярность приобретают врачи — блогеры; активное включение сугубо медицинских проблем в актуальную повестку дня и организация медицинского дискурса СМИ широкого профиля, которые детально раскрывают как с помощью теоретического анализа, так и посредством результатов эмпирических исследований.

Ключевые слова: медиатизация, новые медиа, цифровая медиатизация, медиатизация медицины, врачи-блогеры, конструирование медицинских проблем, новые жанры медицинского дискурса.

THE MEDIATIZATION OF MEDICINE AND HEALTH IN THE DIGITAL AGE*

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Belov Anton A., Postgraduate Student of the Department of Modern Sociology of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pochtabelov@gmail.com

The article is devoted to the sociological analysis of the peculiarities of the process of mediatization in its electronic and digital form and its impact on such important

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

spheres of social life as medicine and health. The authors note that currently many social processes taking place in society are interpreted mainly through the prism of the media space, represented, in most cases, by new media. Researchers interpret this phenomenon as mediatization, paying special attention to its new modification — digital mediatization.

The range of modern socio-humanitarian studies devoted to social problems brought to life by the process of mediatization is quite wide. An analysis of the works of domestic and foreign researchers shows that the term “mediatization” is widely in demand today not only in journalism and communication studies, but also in sociology, where it has become entrenched as a key term for denoting the process of media influence on various aspects of society.

In the third millennium, new electronic and digital mass media have become not only an integral part of the daily life of an individual and society, but also the main tool influencing both public consciousness and the process of reforming social institutions, among which medicine and healthcare should be especially highlighted.

The mediatization of medicine and healthcare is understood as the transformation of these social institutions caused by the emergence of digital communication tools, as a result of which the masses received free access to medical information, medical knowledge became less sacred, the personality of a particular actor and his communication skills became crucial in interaction.

However, with regard to medicine and health, new media serve not only as a source of medical information and targeted distribution, taking into account a wide variety of audiences and using information requests, including the basics of a healthy lifestyle, diagnosis, prevention and treatment of diseases, medicines, social and medical care, organization of the health system, etc., but also an understanding of the society of health as the most important life strategy. Thus, all issues related to human and social health, dialogues between a specialist and a patient (consumer) are now in the media, and the mediatization of medicine is becoming a process observed today in any society.

This situation poses serious social problems that require a balanced scientific analysis. The range of such problems is quite wide: This includes the entry into the arena of medical practice of obvious scammers, and advertising, under the guise of alternative medicine, practices destructive to physical and mental health of a person, and aggressive advertising of medicines and much more. In this regard, it is of paramount importance to highlight the most acute, key problems that clearly entail destructive social consequences not only for individuals, but also for the whole society. These include the authors: popularization of medicine through electronic and digital media, the expansion of medical knowledge beyond professional boundaries; the transfer of medical practices to an online format in which bloggers are becoming increasingly popular; the active inclusion of purely medical problems in the current agenda and the organization of medical discourse in the general media, which are disclosed in detail both through theoretical analysis and through the results of empirical research.

Key words: mediatization, new media, digital mediation, mediatization of medicine, doctors-bloggers, construction of medical problems, new genres of medical discourse.

Объективный процесс научно-технического развития современного социума, сопровождаемый стремительным внедрением цифровых коммуникативных технологий в различные сферы общественной жизни, предопределил наступление новой — электронно-цифровой эпохи¹. Ее неотъемлемой частью являются средства коммуникации или медиа², а производное от “медиа” слово “медиа-тизация” служит злободневным предметом социологического дискурса. Как отмечают исследователи, термин “медиа-тизация”, который все чаще употребляется в российских научных статьях, “должен быть осмыслен более глубоко, описан более адекватно и введен в русскоязычный академический дискурс в уточненной формулировке, чтобы его использование в различных теоретико-прикладных исследованиях стало более эффективным”³.

Действительно, в настоящее время многие социальные процессы, происходящие в обществе, трактуются, преимущественно, через призму медиaprостранства, представленного, в большинстве случаев, новыми медиа⁴. Такое явление исследователи трактуют как медиа-тизация⁵, уделяя особое внимание его новой модификации — цифровой медиа-тизации⁶.

Термин медиа-тизация происходит от латинского “mediatus” (выступающий посредником). В Священной Римской империи им обо-

¹ См. об этом: Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Научно-практическая конференция. М.; СПб., 2020.

² См.: Гусева А.Н. Теоретическое понимание медиа-тизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/> (дата обращения: 16.05.2024).

³ Наседкина Н.И. Сущность медиа-тизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2018. № 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 29.06.2023).

⁴ Новые медиа — это термин, который определяет новейший цифровой формат существования средств массовой информации в сети Интернет, а также способ распространения контента и новые формы коммуникации. К ним относят: интернет-СМИ (сайты информационных агентств); электронные версии СМИ (радио, телевидение, газеты); подкастинг; блоги разных видов (фото, видео, текстовые); социальные сети; виртуальные игры. К признакам новых медиа специалисты относят интерактивность, гипертекстуальность, конвергентность, дигитализацию и принадлежность к медиaprостранству (Иовва Н.И. Новые медиа: понятие и особенности. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92988/1/978-5-7996-3080-5_2020-18.pdf (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Наседкина Н.И. Сущность медиа-тизации как явления современного общества.

⁶ Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиа-тизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 154–164.

значали политический акт, согласно которому мелкие владетельные лица переходят под подчинение или подданство более могущественным, оставив за собой только некоторые права⁷.

Достаточно известной является трактовка однокоренного слова “медиация” (от латинского *mediare* — “посредничать”) как метода разрешения спора при участии нейтральной стороны или медиатора, оказывающей содействие лицам, вовлеченным в спор и добровольно участвующим в процедуре медиации, с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по его урегулированию на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы⁸.

Анализ работ современных исследователей массовых коммуникаций дает ученым основание для вывода о том, что, отталкиваясь от традиционного понимания “медиации” как посредничества в спорах или конфликтах, этот феномен постепенно стали трактовать как проявление преобразующей функции СМИ, которые в процессе сбора, обработки (“фильтрации”) и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или искажать), отдавая им свои медиативированные значения, возникающие в ходе фабрикации мнимых образов реальности на основе действительных событий⁹.

Считается, что одним из первых в широкий словесный оборот термин “медиатизация” именно в данной трактовке ввел известный исследователь Дж. Томпсон в работе “Медиа и современность” для обозначения роли медиа как институционально организованных структур, передающих не просто информацию, а элементы самой культуры, которые призваны формировать современное общество. По его мнению, это слово яснее подчеркивает растущее подчинение влиянию масс-медиа всего современного жизненного пространства, а возведение события в публичный статус медиа-факта коренным образом изменяет саму природу происходящего¹⁰.

⁷ Медиатизация. URL: <https://sanstv.ru/dict/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 16.05.2024).

⁸ О медиации. URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (дата обращения: 16.05.2024).

⁹ См., например: Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов. Вып. 9. Алматы, 2017. С. 31–40.

¹⁰ *Thompson J.B.* The media and modernity. A social theory of the media. Cambridge, 1995. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/> (accessed: 16.05.2024); Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества; Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы.

Сегодня “медиатизация” — признанный междисциплинарный научный термин, применяемый для анализа механизмов взаимодействия медиа с различными социальными институтами. Актуальность изучения медиатизации обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, жизнь индивидов и социальных групп в XXI в. протекает во все более медиатизированном пространстве, в котором различные формы общественной деятельности и процесс создания смыслов неразрывно связаны с активно развивающимися средствами массовой информации и коммуникации, в равной степени проникающими в публичную сферу и личное пространство человека, в его повседневную жизнь. Во-вторых, социологическое сообщество оказывается перед необходимостью осмысления меняющихся практик и поиска адекватного терминологического аппарата и релевантных методов для объяснения медийно обусловленных и медийно опосредованных социальных процессов.

Проблемой теоретического осмысления феномена медиатизации занимаются такие зарубежные ученые как Х. Кепплингер, Ф. Кротц, Дж. Маццолени, Дж. Томпсон и С. Хьярвард и многие другие. В отечественной социологии понятие медиатизации получает разнообразную интерпретацию в трудах Л.М. Земляновой, Н.Б. Кирилловой, И.В. Рогозиной, А.И. Черных, Д.И. Шаронова и целого ряда исследователей. Однако до сих пор данное понятие не имеет устоявшегося академического определения. В научных дискуссиях можно увидеть иронические замечания по поводу избыточного употребления данного термина, попытки описать трудности, связанные с конструированием таких однокоренных терминов как “медиация”, “медиация”, “медиализация”, “медиатализация” и применением их в различных контекстах¹¹.

Тем не менее спектр современных социогуманитарных исследований, посвящённых социальным проблемам, вызванным к жизни процессом медиатизации, достаточно широк. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей показывает, что термин “медиатизация” сегодня широко востребован не только в журналистике и коммуникативистике, но и в социологии, где закрепился в качестве ключевого для обозначения процесса влияния медиа на различные стороны жизни социума.

В различных исследованиях акцентируются социокультурные последствия медиатизации, а сама медиатизация признается фактором, вызывающим социальные изменения в современных обществах, процессом, от которого зависят элементы системы социальной

¹¹ *Наседкина Н.И.* Сущность медиатизации как явления современного общества.

и культурной активности. Значение термина “медиа́тизация” уточняется и актуализируется в уже привычных словосочетаниях, таких как медиа́тизация политики, медиа́тизация культуры, медиа́тизация науки, медиа́тизация правовой жизни, медиа́тизация рекламы, медиа́тизация спорта и т.п. В научный оборот постепенной вводятся понятия “медиа́тизации социальной реальности”, “медиа́тизации публичной сферы” и “медиа́тизации современного общества”.

Новый, электронно-цифровой этап развития информационно-го общества, доминирующей характеристикой которого можно назвать экспансию технологической среды в жизненное пространство человека, многократное увеличение доли технически опосредованной коммуникации, конструирование посредством медиакоммуникаций новой цифровой символической реальности, оказывающей влияние на социальные практики и институты, на структуры повседневности во многом обусловило введение в научный оборот понятия “цифровая медиа́тизация”, имеющего специфические характеристики.

На новую, цифровую ступень процесс медиа́тизации вывела пандемия новой коронавирусной инфекции и режим локдауна, повлекшие за собой определённую отмену привычного жизненного мира, переход на опосредованные компьютерными технологиями коммуникации там, где их не было до этого¹².

Так, исследователи отмечают, что “если традиционно коммуникативная активность человека интерпретировалась, прежде всего, как индивидуальное качество личности, то сегодня медиа́тизованная действительность навязывает ее характер и способы, и она оказывается сильнее, чем его природная предрасположенность. Наличие доступных цифровых сервисов требует от человека расширения способов его коммуникативной активности”¹³.

Возможно, именно в этот период тотального техногенного опосредования жизни человек начал осознавать, что такое “цифровой мир”. Посредством компьютерных технологий были сформированы модели удаленных форм трудовой деятельности не на привычных рабочих местах, а на невидимых технологических платформах. Изменение конфигурации рабочей среды человека, появление модели “удаленной работы” привело не только к существенной индивиду-

¹² Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиа́тизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 154–164.

¹³ Пивоварчик Т.А. Медиа́тизация как фактор развития коммуникативной активности личности // Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности: Мат-лы Второй Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Ответ. ред. И.В. Сидорская. Минск, 2018. С. 150.

ализации трудовой деятельности, но и повседневности, а призрак цифрового монополизма стал очевидным в конкурентной борьбе интернет-платформ¹⁴.

В этой ситуации главным субъектом информационно-коммуникационного процесса стали новые медиа, отличительной чертой которых является интерактивная связь с аудиторией и высокая динамичность. Важным свойством можно назвать “демократизацию” создания, распространения и потребления информации, когда каждый человек создает информацию и получает ее в равных или различных пропорциях.

Новые медиа предоставляют большее количество возможностей участия в процессе “создания” новостей, в большей степени, чем традиционные, реализуют функцию инструмента для выражения мнений. Используя этот инструмент, каждый человек имеет неограниченный доступ к информации и к площадкам, где эта информация создается. Через интернет можно задать вопрос президенту, можно участвовать в антиправительственных движениях, снимать и размещать ролики сомнительного содержания — все это дает возможность повлиять на общественную повестку дня¹⁵. Кроме того, наблюдается влияние социальных сетей на медийную систему, в которой образуются новые гибридные медиа, что ведет к становлению новых источников получения информации, а, значит, к увеличению степени информационного воздействия на аудиторию¹⁶.

Как отмечает В.В. Смеюха, “процесс цифровой медиатизации позволяет создать абсолютно новое медиaprостранство с охватом аудитории в разы превышающее существующее, и тем самым сформировать новый тип восприятия аудиторией информации путем генерирования контента самим потребителем, и новый тип аудитории, как таковой”¹⁷.

В то же время этот исследователь подчеркивает, что значительную часть аудитории “новых медиа” отличает:

- отсутствие умения анализировать полученные факты в силу ее неспособности выстраивать логические связи, сопоставлять их с уже представленными в эволюционном развитии социума событиями по причине фрагментарного образования и мозаичности знаний;
- нежелание перепроверять достоверность информации, так как современное потребление медиaproдукта приравнено к инфор-

¹⁴ Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиатизации...

¹⁵ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы.

¹⁶ См.: Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Выпуск 27. С. 38–48.

¹⁷ Там же.

мационному развлечению, которое являет собой отдых и не предполагает приложения дополнительных усилий, направленных на поиск альтернативных источников информации и процедуры верификации информационных потоков.

Исходя из этого, “массовая аудитория в цифровом информационном пространстве является легко управляемой, а ее поведение — предсказуемым. Данная ситуация ведет к тому, что массовый информационный потребитель обращает внимание на некачественный, но интересный ему контент и выстраивает личностную модель поведения, соответствующую схеме, разработанной авторами информационного продукта. В результате массовая аудитория следит за развитием искусственных, специально созданных событий, основной целью которых является увлечение и отвлечение аудитории, легко воспринимает ложную и недостоверную информацию”¹⁸.

Отражая те или иные события, новые СМИ создают особую медиареальность (т.е. “псевдореальность”, существующую параллельно с действительной, “ложную окружающую среду”), заметно отличающуюся от истинной действительности. При этом люди, зачастую не имея возможности проверить сообщения СМИ, вынуждены доверять им, принимая медиареальность за подлинную, а события, попадающие в фокус внимания СМИ, — за действительно важные. Телевидение, радио, пресса, новостные интернет-сайты не просто сообщают о происходящем, а формируют повестку дня. Они отбирают определенные вопросы из множества сообщений, поступающих в информационные агентства, редакции газет и телекомпаний, и выстраивают их в определенном порядке в соответствии с их предполагаемой значимостью.

Следует отметить, что подавляющий процент аудитории новых СМИ составляют молодые люди, которые практически погружены в интернет, отводя общению в сетях и просмотру различных сайтов очень значительную часть своего времени. Следовательно, интернет-среда превращается в превалирующую молодежных аудиторных групп и единственную информационно-коммуникативную сферу, отвечающую их интересам и потребностям.

Активные пользователи интернета, не ощущая подмены эмпирической действительности предлагаемой медиареальностью, выстраивают свои отношения с окружающим миром, ориентируясь во многом не на саму реальность, а на ее медийную интерпретацию. Эта интерпретация, формирующая образ события или проблемы, становится важнее происходящего в реальности, а освещение со-

¹⁸ Смеюха В.В. Медиатизация общества...

бытий — важнее самих событий. Современные СМИ, опираясь на знание массовой психологии, незаинтересованности широкой аудитории в поиске и анализе специализированной информации, а также на тот факт, что массовое общество потребляет (смотрит, читает, слушает) только ту информацию, которую ему предлагают медийные холдинги и издательские дома, намеренно ограничивают тематику популярного медийного контента, как правило, сенсационной, скандальной, криминальной информацией¹⁹.

Таким образом, в третьем тысячелетии средства массовой информации стали не просто неотъемлемой частью повседневной жизни индивида и общества, но и главным инструментом, воздействующим и на общественное сознание, и на процесс реформирования социальных институтов, среди которых особенно следует выделить медицину и здравоохранение.

Современные медицина и здравоохранение являются особым объектом преобразований под воздействием электронно-цифровых технологий, что позволяет ученым вплотную обратиться к анализу процессов медиатизации этих социальных институтов. Под медиатизацией медицины и здравоохранения понимается “трансформация этих социальных институтов, вызванная появлением средств цифровой коммуникации, в результате которого массы получили свободный доступ к медицинской информации, медицинское знание стало менее сакральным, личность конкретного актора и его коммуникативные навыки получили решающее значение во взаимодействии”²⁰.

Однако в отношении медицины и здоровья новые СМИ служат не только источником медицинской информации и целевого распределения, учитывающего самые разные аудитории и использующего информационные запросы, в числе которых основы здорового образа жизни, диагностика, профилактика и лечение болезней, лекарственные препараты, социально-медицинское обслуживание, организация системы здравоохранения и т.п., но и понимание в обществе здоровья как важнейшей жизненной стратегии²¹. Таким

¹⁹ См. об этом: *Смеюха В.В.* Медиатизация общества: проблемы и последствия; *Семина Т.В.* Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020. С. 113–140.

²⁰ *Рочева Я.С., Шутова М.В.* Цифровая медиатизация в медицине: новые модели взаимодействия клиника-пациент-доктор // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4. С. 722–729.

²¹ *Василенко В.И., Воскобойникова А.П., Полонский А.В., Короченский А.П.* Медицинский дискурс как социальная деятельность: становление, приоритеты, динамика (на материалах российского научно-популярного журнала “Здоровье”) //

образом, все вопросы, связанные со здоровьем человека и общества, диалоги специалиста и пациента (потребителя медицинских услуг) оказываются сегодня в СМИ, а медиатизация медицины становится процессом, наблюдающимся сегодня в любом обществе²².

Обозначенная ситуация ставит серьезные социальные проблемы, которые требуют взвешенного научного анализа. Спектр таких проблем достаточно широк: это и выход на арену медицинской практики явных интернет-мошенников, и реклама, под видом нетрадиционной медицины, разрушительных для физического и психического здоровья человека практик, и агрессивное навязывание лекарственных препаратов и многое другое. Например, широко признанным является тот факт, что в деятельности современных СМИ явно присутствуют признаки экономической заинтересованности, а сам процесс распространения информации все больше приобретает прагматичный и корыстный характер. Главным источником дохода для средств массовой информации стала реклама, особенно лекарственных и фармацевтических препаратов. Различные компании рекламируют свою лечебную продукцию, а средства массовой информации не только окупают материально-технические затраты, но и получают солидную прибыль²³.

В данной связи первостепенное значение имеет выделение самых острых, ключевых проблем, которые однозначно влекут за собой деструктивные социальные последствия не только для отдельных индивидов, но и для всего общества. К ним, на наш взгляд, следует отнести: 1) популяризацию медицины посредством электронно-цифровых СМИ и выход медицинского знания за пределы профессиональных границ; 2) перевод медицинской практики в онлайн формат, в котором все большую популярность приобретают врачи — блогеры; 3) активное включение сугубо медицинских проблем в актуальную повестку дня и технологии конструирования медицинских проблем с помощью цифровых СМИ.

Одной из наиболее серьезных проблем является популяризация медицины посредством электронно-цифровых СМИ, выход медицинского знания за пределы профессиональных границ. Так, в интернете можно найти абсолютно любые сведения о болезнях и их симптомах, размещенные как на специализированных сайтах для врачей, так и на сайтах для обычных пользователей.

Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31. С. 693.

²² Там же.

²³ Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2014. С. 258.

Медиатизация достижений в области медицины, современных естественных наук приводит к кардинальным изменениям в том, как общество обращается с медицинской информацией, а в дальнейшем — к новому пониманию здоровья, недугов, уроков исцеления и повышения жизненного тонуса. Сегодня любой человек — специалист и тот, для кого медицина не является сферой профессиональной деятельности, благодаря широкому предложению, найдет в интернете нужную ему, полезную, интересную и даже курьезную информацию, при этом как качественную, так и не совсем надежную.

На самом деле, этот информационный ресурс насыщен агрессивной и вредной информацией, которая сопровождает буквально каждую ссылку и которая, как утверждают врачи-эксперты, не только недостоверна, но и наносит вред больному человеку, поскольку формирует фобии по поводу его здоровья. Более того человек, не имеющий медицинского образования, поставив себе заведомо ложный диагноз без обращения к врачу и предприняв “рекомендованное лечение”, существенно подрывает свое здоровье.

В частности, результаты социологического исследования, проведенного доктором социологических наук Т.В. Семиной показали, что абсолютное большинство врачей (68,8%) и пациентов (82,2%) считают, что из-за СМИ, интернета, популярных телепередач, разбирающих неудачные случаи лечения и, тем самым, влияющих на общественное мнение, очень сильно увеличивается количество больных людей, занимающихся самолечением, не прибегая к услугам профессиональных медиков²⁴. Одновременно анализ ответов врачей на вопрос: “Какое влияние оказывают на пациента публицистические псевдонаучные материалы о лечении заболеваний, распространяемые в СМИ?”, показал, что 59% из числа респондентов-врачей различных возрастных категорий считают, что “реклама через СМИ или Интернет, публицистических и псевдонаучных материалов о лечении заболеваний оказывают отрицательное воздействие на пациентов — они начинают заниматься самолечением и болезнь запускается”. При этом 38,6% врачей считают, что при таких обстоятельствах “пациент игнорирует назначения врача, считает, что он обладает медицинскими познаниями в полном объеме, и это порождает конфликт интересов”²⁵.

Таким образом, медиатизация научных медицинских знаний способствует их популяризации, распространению достоверной профессиональной информации, повышению качества информа-

²⁴ *Семина Т.В.* Медицина и общество: солидарность и конфликт. С. 123.

²⁵ Там же. С. 133–134.

ционного пространства и, как результат, медицинской грамотности массового адресата. Однако одновременно медиатизация медицинского дискурса несет риск распространения деструктивных социальных практик²⁶.

В контексте широкой медиатизации общественной жизни медицинский дискурс находит свою реализацию не только в научном, профессиональном, но и в медийном пространстве. С одной стороны, это обусловлено проникновением медицинских знаний в сферу непрофессионального, повседневного общения. Широкая доступность медицинской информации (о признаках, проявлениях, клиническом течении и способах лечения различных заболеваний; способе приема медицинских препаратов; онлайн-дешифровка даже самых сложных медицинских анализов и т.д.) привела к высокой степени ангажированности непрофессионала в узко специализированную функциональную сферу. С другой стороны, сама природа медиа-дискурса предполагает его широкие инклюзивные возможности. Медиадискурс является действительно медиумом между самыми различными областями человеческой деятельности (политика, наука, образование, культура и т.д.) и обществом как непосредственным адресатом медиатекстов²⁷.

На наш взгляд, в значительной степени популяризации медицины способствуют новые жанры медицинского дискурса. Так, в условиях новой медийной реальности среди жанров, наряду с традиционными жанрами медицинского дискурса, активно заявляют о себе шоу и лонгрид. В шоу герои делятся своим опытом, рассказывают свою историю “до диагноза и после” или представляют свой всегда непростой путь к здоровому образу жизни. В информационном лонгриде ведется повествование о медицине, здоровьесбережении или профилактике, диагностике и лечении заболевания.

Относительно новым жанром являются личная история, маленькая история — истории болезни и выздоровления в сопровождении с советами и рекомендации, опытом применения. Так, главная декларируемая цель научно-популярного журнала “Здоровье” — формирование у самой широкой аудитории понимания здоровья как важной стратегической ценности жизни. Но на страницах журнала присутствует не только журналистский контент, но и рекламный, способствующий продвижению медицинского продукта, практики, конечной целью которого является увеличение

²⁶ Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 421–437.

²⁷ Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса... С. 421–422.

доверия потребителей. Оздоровительные методики и лекарственные препараты, которыми делятся самые разные люди, акцентируя внимание не только на знаковых этапах преодоления проблем, но и на положительном результате, поскольку история, пересказанная и врачом, и пациентом должна быть показательной, поручительной и позитивно мотивирующей²⁸. Однако это “поучительство” обычно отторгает людей от научной медицины и адекватных общепринятых практик лечения заболеваний.

Еще одной из серьезнейших проблем, связанных с медиатизацией медицины и здравоохранения в электронно-цифровую эпоху, является перевод медицинской практики в онлайн формат, на полях которого все большую популярность приобретают врачи — блогеры.

Интернет-технологии обеспечивают свободный доступ к медицинской информации, и миллионы людей имеют возможность диагностировать свое состояние и самим назначить себе лечение на основе полученной из интернета информации. Доступная, но зачастую сомнительная информация в интернете о здоровье и лечении часто дезинформирует пациентов и приводит их к замешательству, расстройству, склонности к вредному самолечению и/или неправильным представлениям о конкретных заболеваниях. Исследования показывают, что люди старшего возраста, с более низким уровнем цифровых компетенций и навыками работы в интернете, как правило, используют медицинского работника в качестве основного источника медицинской информации²⁹. Однако, несмотря на то что живое общение по-прежнему остается наиболее надежным и значимым для пациентов, медицинские специалисты активно внедряются в интернет-сферу, расширяя свою профессиональную деятельность на основе формирования блогосферы — пространства коммуникации посредством ведения персонального блога³⁰.

В большинстве своем авторами медицинских блогов становятся врачи. С одной стороны, такая инклюзия профессионала в сферу СМИ способствует популяризации медицинских знаний, распространению достоверной профессиональной информации и повышению медицинской грамотности адресата. С другой стороны, речь идет об определенных рисках, связанных с медиатизацией профессионального дискурса, когда каждый читатель/слушатель имеет воз-

²⁸ *Василенко В.И., Воскобойникова А.П., Полонский А.В., Короченский А.П.* Медицинский дискурс как социальная деятельность... С. 693.

²⁹ *Петросян А.Д.* Медицина и блогосфера (обзор литературы) // *The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2022. N 3 30 (6). P. 1220.

³⁰ Там же.

возможность вольной интерпретации полученной информации (в том числе через комментарии в виртуальной дискуссии) со ссылкой на “авторитетное мнение специалиста”³¹.

При этом все шире получает распространение не профессиональная, а массовая и обыденная медицинская культура, что создает дополнительные риски для заболевших людей и обесценивает в глазах обывателя знания узких специалистов. В свою очередь, социальный успех врачей-блогеров не просто привлекает внимание пациентов, но переводит фокус внимания обывателя с социальных институтов (учреждений здравоохранения) и их публичных репрезентаций на конкретных индивидов (врачей) и создает стимул для медицинских специалистов следовать этому образцу³².

Как отмечают исследователи, “медицинская блогосфера — это особенно переполненный небосвод: возможность оставлять мгновенные комментарии и делиться информацией стала увлекательным времяпрепровождением для многих врачей. Область развилась до такой степени, что преданные полагаются на свои любимые блоги в качестве первого порта захода для обсуждения актуальных мнений и дискуссий”³³. Так, в социальных сетях блогеры, часто без необходимого медицинского образования дают советы, проводят марафоны по оздоровлению организма и правильному приему лекарств. Вместо того чтобы консультироваться с профессионалами, люди верят тому, что говорят “эксперты” в соцсетях³⁴.

Медицинские блогеры часто вводят людей в заблуждение своими комментариями, которые не поддерживаются международным клиническим опытом. Пациенты могут неправильно растолковать советы таких медиков и навредить своему здоровью, последовав их рекомендациям. Специалисты уверены, что нет ни одного медицинского блогера, которому можно доверять на 100%. При этом, если после выполнения рекомендаций блогера человек попадет в больницу, ответственность этот “медик” не понесет, поскольку он не заключил прямого договора с пациентом о консультации. Более того, все советы подобный “эксперт” дает лишь на словах, поэтому доказать его причастность к ухудшению здоровья пострадавшего невозможно. И хотя у профессиональных врачей есть свои личные

³¹ Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса... С. 424.

³² Рочева Я.С., Шутова М.В. Цифровая медиатизация в медицине...

³³ Coombs R. Patient blogs — do doctors have anything to fear? // BM. 2007. Sept. 29.

³⁴ Стоит ли верить медицинским блогерам и как среди них найти профессионала: мнение врача. URL: <https://yamal-media.ru/narrative/stoit-li-verit-meditsinskim-blogeram-i-kak-sredi-nih-najti-professionalna-mnenie-vracha> (Дата обращения: 16.05.2024).

сайты, но и там необходимо обращать внимание на документы, подтверждающие его компетентность³⁵.

Достаточно часто популяризации врачей блогеров способствуют откровенно заказные материалы, нацеленные на дискредитацию традиционной клинической практики и медицинского сообщества в целом. Примером тому служит публикация, в которой излагается не внятная по своей сути история одной женщины, очевидной целью которой является реклама медицины “онлайн”.

«Некоторое время назад я решила, что по длительным, хроническим проблемам со здоровьем перестану пытаться лечиться “возле дома”. Возле дома это обычные медцентры, которые расположены на 1-м этаже девятиэтажки. В нашей реальности там сидят те же врачи, что и в поликлинике по ОМС. Различия в том, что в медцентре проще записаться, в туалетах есть бумага и мыло, больше времени на прием. За сумму 1000–1500 руб. разницы в квалификации врача нет. Это значит, что, если твою проблему не могут или не хотят лечить по ОМС, в медцентре тоже, с большой долей вероятности, не помогут.

Есть в медицине такие проклятые вопросы, которые почти никто не умеет лечить. И им не стыдно, они не хотят ничего уметь. Они сидят и раз за разом выписывают набор ненужных анализов и несуществующих лекарств.

По моему опыту, больше всего этого там, где болеют долго, но не умирают:

- почти вся гинекология: кисты, миомы, эндометриоз, СПКЯ и ПМС, и несчастная ШМ, которую все прижигают и прижигают;
- неврология — массовое неумение и неделание лечить хоть что-то;
- эндокринология, гастроэнтерология, дерматология (если не заразное) в большой степени.

Можно годами ходить и ходить к разным врачам, оплачивать самые разные процедуры, диагностические и лечебные, но улучшения может не быть. Либо лечение будет совсем неправильным.

У меня есть несколько фактов, что мне назначали не просто недействующее, а опасное лечение. Разумеется, за это никто никогда не понесет ответственности.

Так вот, в последние годы стало очень много врачей-блогеров, которые в своих блогах разъясняют эти проклятые вопросы. Раз-

³⁵ Стоит ли верить медицинским блогерам и как среди них найти профессионала: мнение врача.

умеется, не просто так, а с приведением фактов и ссылок на исследования. Часто они опровергают то, что назначают их коллеги»³⁶.

Многие врачи активно продвигают свой бренд через различные интернет-платформы и сети, используя преимущество перед остальными инфлюенсерами. «Подписчикам нравятся качественный профессиональный медицинский контент и возможность получить бесплатную консультацию. А если страница врача “приправлена” долей юмора, то ей обеспечены успех и большое количество подписчиков»³⁷. Примером, не нуждающимся в комментариях, служит реклама стоматолога-хирурга-имплантолога стоматологической клиники “Dr. Blumkin” Игоря Блюмкина³⁸. «Каждый экспертный пост Игоря пронизан остроумием и получает хорошую обратную связь от читателей. Кроме того, Блюмкин часто проводит розыгрыши с подарками. К своим подписчикам доктор обращается “Привет, банда”, а в шапке профиля указан статус “доктор — хрен запишешься”»³⁹.

В то же время, исследование, представленное “Газета.Ru”, показало, что каждый пятый россиянин против врачей-блогеров, тогда как 12% считают медицинский блогинг знаком экспертности. Согласно исследованию, подписчики медицинских блогов с большей вероятностью обратятся к врачу, которого они читают в социальных сетях, так как формируется высокое доверие. Поэтому часть респондентов все же положительно оценивает врачей-блогеров. Они считают, что активный блогинг помогает врачу формировать репутацию (14%), продемонстрировать экспертность (5%). Еще 7% уверены, что добиться популярности может только хороший врач. «Запросы растут, и клиникам сложнее бороться за внимание пациентов, поэтому они вкладываются в развитие блогов “врачей-звезд”. Людям спокойнее посетить платную клинику и выбрать уже известного в соцсетях врача, например, по харизме и доброжелательности. “Софт скиллы” не заменят знания и опыт, но становятся дополнительным конкурентным преимуществом. Поэтому часть аудитории врачей-блогеров перерастет в клиентов, а другая половина всегда будет противиться медицинскому блогингу»⁴⁰.

³⁶ <https://dzen.ru/a/ZbFYFB5ysnPТ-Cjk> (дата обращения: 16.05.2024).

³⁷ Врачи покоряют соцсети. URL: <https://medadvisor.ru/articles/64> (дата обращения: 16.05.2024).

³⁸ @dr.blumkin (79 тыс. подписчиков).

³⁹ <https://medadvisor.ru/articles/64>

⁴⁰ Одинцов Е. Каждый пятый россиянин против врачей-блогеров и лечения в интернете. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/12/22526263.shtml> (дата обращения: 16.05.2024).

Однако большинство россиян отметили, что они равнодушны к наличию активности в блоге врача, к которому они планируют обратиться (57%). Некоторые высказывались негативно: каждый пятый уверен, что лечить в интернете нельзя, а врачи не должны вести блоги⁴¹. Одна из причин подобного отношения — опасение людей, что медицинские советы в интернете могут навредить, так как человек занимается самолечением и теряет время. Добавляет недоверия и множество псевдомедицинских блогов, бум которых пришелся на пандемийный период, а также публикация материалов, свидетельствующих против псевдоврачей.

Так, в феврале 2019 г. портал РБК выпустил большую статью о Елене Корниловой: юное медицинское дарование с модельной внешностью, блогер-биохимик с дипломом Мюнхенского технического университета, проходящее обучение в Национальном университете Сингапура, рассказывала о витаминах, долголетию и принципах ЗОЖ. Сейчас на месте статьи — опровержение. Реальное наличие профильного образования поставили под сомнение члены Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований. Оказалось, что в университетах о сотрудничестве с Еленой Корниловой ничего не знают. Инстаграм-блогер Наталья Зубарева, имевшая 2,5 млн подписчиков, врач-терапевт, кардиолог, называла себя также эндокринологом, диетологом, детским диетологом и спортивным нутрициологом, публиковала псевдомедицинские книги о дырявом кишечнике, чакрах и лечении гормонального дисбаланса биодобавками. До сих пор инста-врач радуется подписчиков продолжением саги о кишечнике и ведет марафон “7 дней без сахара”⁴².

Еще 9% полагают, что ведение блога — это маркетинговый ход и способ поднять цены, а 4% считают блогинг несерьезным занятием для медиков. По результатам исследований, доверяют информации в медицинских блогах только 6% опрошенных. Наличие блога — далеко не единственный критерий выбора врача. Большинство людей, прежде чем обратиться в клинику, будут изучать отзывы о ней. Наибольшее доверие вызывают отзывы знакомых врачей (29%), друзей (28%), родственников (24%), интернет-пользователей (18%)⁴³.

К числу серьезнейших проблем, вызванных медиатизацией медицины и здравоохранения, следует отнести включение медицин-

⁴¹ Там же.

⁴² Дырявый кишечник и трансерфинг реальности: 5 инста-врачей, от которых стоит отписаться. URL: <https://www.sobaka.ru/health/health/100098> (дата обращения: 16.05.2024).

⁴³ Одинцов Е. Каждый пятый россиянин против врачей-блогеров и лечения в интернете.

ских проблем в актуальную повестку дня теми СМИ, которые для этого совсем не предназначены.

О многих событиях и проблемах люди просто не в состоянии составить свое собственное мнение: особенно это касается отдаленных событий или сложных проблем — и в этом случае именно от сообщений СМИ будет зависеть, насколько важной сочтут люди ту или иную информацию, а также то, как они будут на нее реагировать. Так, зачастую какое-либо явление действительности, вне зависимости от своего масштаба, может стать по-настоящему заметным, только если попадет в СМИ и в силу этого приобретет общественную значимость. И наоборот, даже крупное событие, если оно не замечено СМИ, может не произвести никакого эффекта. Более того, о некоторых событиях люди никогда и не узнали бы, если бы не деятельность СМИ. Тем самым СМИ не просто предлагают аудитории информационную повестку дня, т.е. список наиболее важных, по мнению массмедиа, тем и событий, но и вынуждает разделять это мнение.

Реальность, создаваемая средствами массовой информации, не может полностью совпадать с обычной реальностью. Ведь СМИ не могут вместить в себя всю жизнь, а значит, любое сообщение СМИ, даже самое беспристрастное, это уже не событие, а лишь его отражение, “смоделированная реальность”⁴⁴. В данной связи правомерно возникает вопрос о технологиях конструирования медицинских проблем с помощью цифровых СМИ.

Таким образом, помимо реальных социальных проблем, сформулированных на основе объективных и всесторонних исследований, глубоких экспертных изысканий и пр., в общественное сознание начинают “внедряться” так называемые конструируемые социальные проблемы. Яркие примеры конструирования социальных проблем и их последующая медиализация — атипичная пневмония, птичий, свиной и все остальные еще не “созданные” и/или не раскрученные гриппы и т.д.

В то же время целый ряд явлений по тем или иным причинам не проблематизируется (или проблематизируется в незначительной степени), т.е. находится за пределами или на периферии “повестки дня”, устанавливаемой средствами массовой коммуникации, и соответственно выносится за рамки публичного дискурса. Так, например, в случае с современным российским обществом можно говорить об отсутствующей или слабой проблематизации таких явлений, как алкоголизация населения, распространение наркомании,

⁴⁴ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы.

домашнее насилие, детская безнадзорность, компьютерная зависимость и другие⁴⁵.

Действительно, телевидение, радио, газеты, интернет-сайты не могут сообщать обо всем, что происходит в обществе. Их пропускная способность ограничена рамками эфирного времени информационных программ, газетными площадями и пр. Вследствие этого в информационных агентствах, редакциях газет, телекомпаний, радиостанций постоянно осуществляется отбор социальных проблем — медиа-контролеры принимают решения о том, какие проблемы являются более важными в настоящий момент, заслуживают внимания и тех или иных действий. При этом значительный успех какой-либо проблемы в такой конкуренции обычно сопровождается вытеснением других социальных проблем на периферию или за пределы публичного дискурса⁴⁶.

Кроме тематически ориентированных (специализированных) периодических изданий, теле- и радиопередач, новых медиа, тексты медицинской тематики широко представлены в традиционных общественно-политических СМИ. В этой связи с лингвистической точки зрения особенно интересны медицинские тексты в их медиа-интерпретации, которая ведет к трансформации содержания, способов языкового оформления и перцепции⁴⁷.

Как отмечает исследователь М.П. Кожарнович, в традиционных общественно-политических СМИ преобладают тексты двух публицистических жанров: интервью и традиционная журналистская статья. В случае интервью речь идет о разговоре со специалистом из сферы медицины, компетентным в освещаемой теме. На первый план выходит мнение эксперта, который излагает конкретные медицинские факты, оперирует цифрами, приводит примеры из собственной медицинской практики. Журналист, в свою очередь, определяет круг релевантных вопросов и выступает своеобразным медиумом между медицинским научным миром и непрофессиональным адресатом, стремясь адаптировать (путем уточнений, подбора синонимических эквивалентов к узкоспециализированной терминологии и т. д.) излагаемый материал.

Тексты журналистских статей в рамках рубрики отличаются структурным и языковым шаблонами, что обусловлено включением медицинского текста в медиасферу, где действуют свои правила и принципы языкового оформления материала. Одновременно речь идет и об инклюзии профессионального журналиста в узко специ-

⁴⁵ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса... С. 424.

ализированную сферу медицины, в которой он экспертом не является. И если в интервью авторитетным источником информации может быть собеседник — профессионал из медицинской сферы, то в статье эта роль отводится авторитетному медицинскому изданию или уже озвученному авторитетному мнению. Журналист лишь выбирает информацию и излагает ее в публицистическом ключе. Однако и сам процесс подборки информации требует от него определенной медицинской грамотности, которая зачастую становится второстепенным условием при медиареализации медицинского текста, уступая ведущие позиции актуальности статьи, оперативности ее подготовки и привлечению максимального количества читателей⁴⁸.

Широкая информатизация коммуникативного пространства, в свою очередь, позволяет адресату (гетерогенному в своих знаниях, опыте, представлениях, целях) непосредственным образом участвовать в последующей интерпретации текста, т.е. речь идет о широком виртуальном диалоге между автором и читателем (зрителем), между самими читателями (зрителями), что в конечном результате ведет к активному участию непрофессионала в процессе формирования информационного пространства, которое влияет на выбор и распространение определенных социальных практик. Таким образом, проникновение медицинской информации в медиасферу позволяет говорить о формировании медиамедицинского дискурса в его тексто-контекстуальном и институциональном понимании⁴⁹.

Сегодня медицинский дискурс — это один из самых востребованных в СМИ, что позволяет исследователям говорить не только о медиатизации медицины, а даже о процессе “медиализации медиа”⁵⁰, который ведет к больному обществу.

Безусловно, сегодня СМИ играют решающую роль в поставке информации для принятия решений индивидом и обществом. Однако проблема состоит в том, что до тех пор, пока средства массовой информации способны играть эту роль, их “побудительные мотивы могут идти вразрез с интересами общества”⁵¹.

Исследователями доказано, что в отношении медицины СМИ часто играют антисоциальную роль, транслируя скандальные телепередачи, в которых на суд зрителей выносятся неудачные случаи лечения пациентов с позиции недобросовестных отдельных жур-

⁴⁸ Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса... С. 430.

⁴⁹ Там же. С. 434.

⁵⁰ Sertac T.D. Medicalization of media: medicalization of medicine: towards an illness society // Journal of Media Critiques. 2017. N 3 (10). P. 75–85.

⁵¹ Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. С. 124.

налистов, адвокатов, конкурентов, коммерчески заинтересованных лиц, которые не имеют ничего общего с медициной. Популярные телепередачи в СМИ, в которых знаменитые ведущие, совместно с аудиторией, выражая возмущение непрофессиональными действиями или бездействиями врачей с помощью непроверенной информации, на самом деле пороча честь и достоинство целой клиники, существенно снижают социальный статус врача в общественном сознании⁵².

Массированное, а порой агрессивное воздействие СМИ, включая телекоммуникации и информационно-компьютерные технологии, на восприятие аудиторией современного здравоохранения не вызывает сомнений. Неконтролируемая подача “квазимедицинской” информации, негативные репортажи о состоянии сферы здравоохранения служат провокатором стрессовых ситуаций для больших групп людей, вызывают ухудшение состояния больных, а, в конечном счете, пагубно сказываются на доверии к врачебному сообществу и медицине в целом⁵³. Ведь массовая аудитория воспринимает медиаинформацию как продукт, не придавая значения его функционально-смысловой направленности, что превращает аудиторный сегмент в объект информационных атак. Противостоять влиянию ложных (неэтичных, компрометирующих) медиапотоков может индивид с высоким уровнем медиаобразования, в связи с чем вопрос введения медиаобучения для различных сегментов населения не теряет своей актуальности⁵⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василенко В.И., Воскобойникова А.П., Полонский А.В., Короченский А.П. Медицинский дискурс как социальная деятельность: становление, приоритеты, динамика (на материалах российского научно-популярного журнала “Здоровье”) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. № 31.

Врачи покоряют соцсети. URL: <https://medadvisor.ru/articles/64> (дата обращения: 16.05.2024).

Гусева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/> (дата обращения: 16.05.2024).

Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов. Вып. 9. Алматы, 2017. С. 31–40.

⁵² *Семина Т.В.* Медицина и общество: солидарность и конфликт. С. 124–125.

⁵³ Там же. С. 133–134.

⁵⁴ *Смеуха В.В.* Медиатизация общества: проблемы и последствия.

Дырявый кишечник и трансерфинг реальности: 5 инста-врачей, от которых стоит отписаться. URL: <https://www.sobaka.ru/health/health/100098> (дата обращения: 16.05.2024).

Иовва Н.И. Новые медиа: понятие и особенности. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92988/1/978-5-7996-3080-5_2020-18.pdf (дата обращения: 20.05.2024).

Кожарнович М.П. Медиатизация медицинского дискурса: способы, атрибуты и риски // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4).

Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2.

Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2014.

Медиатизация. URL: <https://sanstv.ru/dict/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 16.05.2024).

Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал. 2018. № 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 29.06.2023).

О медиации. URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (дата обращения: 16.05.2024).

Одинцов Е. Каждый пятый россиянин против врачей-блогеров и лечения в интернете. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/12/22526263.shtml> (дата обращения: 16.05.2024).

Петросян А.Д. Медицина и блогосфера (обзор литературы) // The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2022. № 330 (6).

Пивоварчик Т.А. Медиатизация как фактор развития коммуникативной активности личности // Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности. Мат-лы Второй Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Ответ. ред. И.В. Сидорская. Минск, 2018.

Рочева Я.С., Шутова М.В. Цифровая медиатизация в медицине: новые модели взаимодействия клиника-пациент-доктор // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 4.

Семина Т.В. Медицина и общество: солидарность и конфликт. М., 2020.

Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 38–48.

Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Науч.-практ. конф. М.; СПб., 2020.

REFERENCES

Coombs R. Patient blogs — do doctors have anything to fear? // BM. 2007. Sept. 29.

Guseva A.N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizacii v usloviyah cifrovoj sredy [Theoretical understanding of mediatization in the digital environment] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2016. N 6. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2016/6/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyakh-tsifrovoy-sredy/> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

Dyryavyj kishhechnik i transerfing real'nosti: 5 insta-vrachej, ot kotoryh stoit otpisat'sya [Leaky gut and reality transurfing: 5 Instagram doctors worth unsubscribing from]. URL: <https://www.sobaka.ru/health/health/100098> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

Dzhaloshinskij I.M., Dzhaloshinskaya M.I. Mediatizaciya social'noj sfery [Mediatization of the social sphere] // Sbornik PR i SMI v Kazahstane: Sb. nauchn. trudov. Vyp. 9. Almaty, 2017. S. 31–40 (in Russian).

Iovva N.I. Novye media: ponyatie i osobennosti [New media: concept and features]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/92988/1/978-5-7996-3080-5_2020-18.pdf (data obrashcheniya 20.05.2024) (in Russian).

Kozharnovich M.P. Mediatizaciya medicinskogo diskursa: sposoby, atributy i riski [Mediatization of medical discourse: methods, attributes and risks] // Medialingvistika. 2021. N 8 (4) (in Russian).

Kuznecova E.I. Fenomen cifrovoj mediatizacii: aksiologicheskij aspekt social'noj kommunikacii [The phenomenon of digital mediatization: the axiological aspect of social communication] // Gumanitarnyj vektor. 2022. T. 17. N 2 (in Russian).

Maklyuen G.M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: external extensions of man]. M., 2014 (in Russian).

Mediatizaciya [Mediatization]. URL: <https://sanstv.ru/dict/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

Nasedkina N.I. Sushchnost' mediatizacii kak yavleniya sovremennogo obshchestva [The essence of mediatization as a phenomenon of modern society] // Universum: filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn. 2018. N 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (data obrashcheniya: 29.06.2023) (in Russian).

O mediacii [About mediation]. URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

Odincov E. Kazhdyj pyatyj rossiyanin protiv vrachej-blogerov i lecheniya v internete [Every fifth Russian is against doctors-bloggers and treatment on the Internet]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/12/22526263.shtml> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

Petrosyan A.D. Medicina i blogosfera (obzor literatury) [Medicine and the blogosphere (literature review)] // The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine. 2022. N 330 (6) (in Russian).

Pivovarchik T.A. Mediatizaciya kak faktor razvitiya kommunikativnoj aktivnosti lichnosti [Mediatization as a factor in the development of an individual's communicative activity] // Korporativnye strategicheskie kommunikacii: novye trendy v professional'noj deyatel'nosti: materialy Vtoroj Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk, 22–23 fevr. 2018 g. Minsk, 2018 (in Russian).

Rocheva Ya.S., Shutova M.V. Cifrovaya mediatizaciya v medicine: novye modeli vzaimodejstviya klinika-pacient-doktor [Digital mediatization in medicine: new models of interaction between clinic-patient-doctor] // Vestnik RUDN. Seriya: literaturovedenie. Zhurnalistika. 2021. T. 26. N 4 (in Russian).

Semina T.V. Medicina i obshchestvo: solidarnost' i konflikt [Medicine and society: solidarity and conflict]. M., 2020 (in Russian).

Sertac T.D. Medicalization of media: medicalization of medicine: towards an illness society // Journal of Media Critiques. 2017. N 3 (10). P. 75–85.

Smeyuha V.V. Mediatizaciya obshchestva: problemy i posledstviya [Mediatization of society: problems and consequences] // Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. 2015. N 18 (215). Vyp. 27. S. 38–48 (in Russian).

Social'nye nauki i obrazovanie v usloviyah stanovleniya elektronno-cifrovoj civilizacii [Social sciences and education in the context of the formation of an electronic-digital civilization. Scientific and practical conf.]. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Thompson J.B. The media and modernity. A social theory of the media. Cambridge, 1995. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/30/communication-and-social-context-thompson-1995/> (accessed: 16.05.2024).

Vasilenko V.I., Voskoboynikova A.P., Polonskij A.V., Korochenskij A.P. Medicinskij diskurs kak social'naya deyatelnost': stanovlenie, priority, dinamika (na materialah rossijskogo nauchno-populyarnogo zhurnala "Zdorov'e") [Medical discourse as a social activity: formation, priorities, dynamics (based on the Russian popular science journal "Health")] // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2023. N 31 (in Russian).

Vrachi pokoryayut socseti [Doctors conquer social networks]. URL: <https://medadvisor.ru/articles/64> (data obrashcheniya: 16.05.2024) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-78-97

РОЛЬ БЛОГОСФЕРЫ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ: ПОЛЬЗА ИЛИ ВРЕД (Часть 2)*

А.В. Лядова, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Данная статья является логическим продолжением авторской публикации “Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ” (часть 1)¹ и посвящена исследованию влияния блогосферы на конструирование социальных представлений о здоровье и практиках заботы о нем. Данная тема рассматривается как актуальная, но недостаточно разработанная в отечественном научном дискурсе, вследствие чего, а также с учетом значимости здоровья как важнейшей составляющей общественной и индивидуальной жизнедеятельности, возникает необходимость ее изучения. В работе предпринята попытка анализа особенностей репрезентации образа здоровья и практик здоровьесбережения в блогосфере, а также основных направлений научной дискуссии по данной теме посредством систематизации релевантных отечественных и зарубежных публикаций. По результатам проведенного исследования автором выявлены факторы, направления и способы воздействия блогинга на конструирование социальных представлений о здоровье и практиках заботы о нем.

Ключевые слова: здоровье, цифровая медиатизация здоровья, новые медиа, блоги, ЗОЖ-блогинг, блогосфера, дискурс о здоровье в блогосфере, основные направления исследовательского дискурса о ЗОЖ-блогинге.

HEALTH REPRESENTATION IN THE BLOGOSPHERE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS (Part 2)

Liadova Anna V., PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

This article is a logical continuation of the author's publication “Image of health in the blogosphere: sociological analysis” (part 1), dedicated to the study of the public

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** **Лядова Анна Васильевна**, e-mail: annaslm@mail.ru

¹ См.: Лядова А.В. Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ (часть 1) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 28–49. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-28-49>

blogosphere on the construction of social ideas about health and health care practices. This topic is relevant, but not sufficiently developed in the domestic scientific discourse, which leads to, and also taking into account the innovativeness of health as the most important principles of social development and individual life, which necessitates its study. The work attempts to analyze the representation of the image of health and the practice of health conservation in the blogosphere, as well as the main directions of scientific discussion on this topic by systematizing relevant domestic and international publications. Based on the results of the study, the author identified the reasons, directions and ways of influence of blogging on the formation of social ideas about health and the practice of caring for it.

Key words: *health; mediatization of health; new media; blogs; blogging; blogosphere; health discourse in the blogosphere.*

В современном медиапространстве блоги выступают одним из ведущих каналов коммуникации. Обсуждаемые в них темы достаточно разнообразны.

К популярному направлению современного блогинга относится проблематика здоровья². Так, 80% взрослого населения в США и 69% в Великобритании в поисках информации о здоровье чаще обращаются к онлайн-сообществам в блогах³. В российском сегменте блогосферы указанная тема является ведущей по сравнению с другими⁴.

На наш взгляд, данный тренд обусловлен рядом факторов, которые можно разделить на объективные (социетальные и институциональные) и субъективные.

Первая группа связана с общими тенденциями в развитии современного общества, а также основными векторами трансформации института медицины, а именно:

а) распространение феномена индивидуализма, когда индивид, как отмечает немецкий социолог У. Бек, в условиях неопределенности и нестабильности ставит в приоритет осуществление собственной жизни и интересы⁵;

б) хабиитуализация информационно-коммуникационных технологий в повседневности современного человека;

в) активное внедрение высокотехнологичных разработок в клиническую практику, вследствие чего повышается стоимость меди-

² Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). С. 1–11.

³ Keogh A., Chadwick B. Health food blogger: friend or foe? // British Dental Journal. 2019. Vol. 227. P. 1051–1057. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41415-019-1052-6>.

⁴ Наугулить диагноз: как россияне лечатся в интернете. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6346bc2a9a79478123a3c6f0> (дата обращения: 01.03.2024).

⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 66.

цинских услуг, что, наряду с улучшением их качества, в тоже время имеет и обратный эффект — снижение уровня их доступности и появление новых технологических рисков;

г) переход к цифровым форматам взаимодействия в системе “врач–пациент”, включая практики телемедицины, расширение платформенных сервисов цифровой медицины, предоставляющих услуги поиска профильных учреждений и специалистов в интернете (например, СберЗдоровье⁶), что ведет к опривычиванию цифровых практик заботы о здоровье в жизни современного человека;

г) снижение уровня социального доверия к институту здравоохранения, что является отражением роли медицинского сообщества в расширении биополитики и медиализации современного общества⁷.

Наряду с указанными следует выделить и субъективные факторы, детерминирующие в блогосфере интерес к проблематике здоровья на индивидуальном уровне, а именно:

а) принимая во внимание такую характерную черту нынешнего общества как индивидуализм, к ним можно отнести запрос современного пациента на индивидуальный подход в рассмотрении проблемы его здоровья;

б) наряду с этим, вследствие снижения доверия к институту медицины в целом, в условиях широкого доступа к медицинской информации возникает эффект “третьего мнения”, что порождает активное обращение не только к профессиональному сообществу, но и другим источникам информации о здоровье и способах его поддержания и улучшения, включая размещенные в интернете, что способствует росту роли новых медиа в медиапотреблении современного человека;

в) еще один значимый аспект, который имеет немаловажное воздействие на распространение ЗОЖ-блогов, — это возможность их коммерциализации, что делает данное коммуникативное пространство привлекательным для различных категорий пользователей не только с целью получения информации;

г) популяризации способствует и сам формат общения: хотя сегодня интернет — необходимый компонент нашей повседневности, тем не менее участники виртуального мира тяготеют к поиску в нем облегченных форматов отношений, включая возможность сохранять

⁶ СберЗдоровье. URL: <https://sberhealth.ru/>

⁷ Темкина А.А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3. С. 321–332; Esposito R. Common immunity: biopolitics in the age of the pandemic. Hoboken, 2023.

анонимность, геймификацию и разнообразие контента через баланс пользы и развлечения, и блогинг вполне позволяет совместить экспертное знание с развлекательным содержанием, тем самым способствуя усилению вовлеченности пользователей в блогосферу;

д) и, наконец, детерминирует развитие блогинга о здоровье, в частности, среди российских пользователей, набирающий обороты тренд на здоровый образ жизни: так, по данным исследования STADA Health Report за 2021 г. Россия занимает второе место среди европейских государств по уровню интереса к здоровому образу жизни⁸.

В силу расширения проблематики здоровья в блогосфере возникает необходимость изучения роли данного медиаформата в конструировании представлений о здоровье, здоровом образе жизни, практик заботы о здоровье, что особенно актуально в отношении молодой аудитории пользователей, которая является наиболее активным участником блогинга и в тоже время не имеет достаточно опыта и сформированного знания о проблемах и рисках здоровью, а также практиках заботы о нем.

Учитывая вышеизложенное, в данном исследовании на основе контент-анализа данных зарубежных и отечественных релевантных публикаций, а также результатов авторского эмпирического исследования российского сегмента блогосферы⁹, выявлены особенности влияния блогов на конструирование представлений о здоровье и практик в сфере здоровьесбережения.

Обзор публикаций, посвященных изучению блогов о здоровье, демонстрирует, что в научном дискурсе сформировалась достаточно объемная исследовательская база, включающая широкий диапазон обсуждаемых в контексте данной темы вопросов.

Следует обратить внимание, что генезис исследовательского интереса к данной теме за рубежом и в России имеет определенные хронологические отличия. В зарубежном дискурсе его становление относится к периоду первого десятилетия 2000-х гг., наиболее же активный рост отмечается с 2010-х гг.¹⁰ При этом контент-анализ

⁸ В России растет популярность ЗОЖ. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12975793> (дата обращения: 08.03.2024).

⁹ Исследование было проведено на платформах YouTube и “Яндекс.Дзен”. Выборка составлена из 1226 блогов на платформе “Яндекс Дзен” и 1272 блогов на платформе YouTube. Поиск блогов производился по хэштегам: #здоровье, #здоровьесбережение, #медицина, #защитаздоровья, #здоровыйобразжизни, #диета, #болезнь, #питание, #спорт, #фитнес.

¹⁰ По результатам поискового запроса в базе данных научных публикаций Google Scholar по # healthblogs за период 1999–2010 гг. было выявлено 18400 релевантных источников, в период с 2011 по 2021 гг. — 30000.

релевантных публикаций демонстрирует тенденцию перехода от исследований обзорного характера к изучению отдельных вопросов о ЗОЖ-блогинге. В отечественный дискурс рассматриваемые вопросы входят позднее, с середины второго десятилетия XXI в.¹¹, что, на наш взгляд, обусловлено генезисом российского сегмента блогосферы в целом¹². Также следует обратить внимание на особую актуализацию исследований по данной теме среди российских авторов в связи с осмыслением ситуации пандемии новой коронавирусной инфекции, когда в условиях глобального витального кризиса комплаентность населения профилактическим и превентивным мерам, наряду с субъективным опытом, во многом определялась репрезентацией степени рисков и последствий заболевания, а также эффективности предлагаемых способов лечения, что активно дискутировалось в различных медиа¹³. Тем не менее, несмотря на указанные хронологические различия, анализ и систематизация релевантных публикаций позволяет выявить общность исследовательских позиций и направлений научного дискурса.

Рассматривая блогинг как социально-коммуникативную деятельность, важными для ее осмысления выступают вопросы о мотивации вовлеченных в нее участников, и, соответственно, роли данного типа интернет-коммуникации.

В этой связи блоги могут выполнять различные функции, которые определяются мотивацией участников и их статусом. На основании проведенного автором контент-анализа российского сегмента блогов о здоровье, а также данных, представленных в релевантных исследованиях, участники блогосферы представлены несколькими категориями:

а) группа “пациенты”¹⁴ (пациент-пользователь, пациент-контентмейкер, а также из близкого окружения больного (родители, родственники));

¹¹ По результатам поискового запроса в базе данных научных публикаций Google Scholar по #блогиоздоровье, #блогингоздоровье, за период 1999–2010 гг. было выявлено 940 релевантных источников, в период с 2011 по 2021 гг. — 15100.

¹² *Efimov E., Leontiev A. Socio-cultural factors of transformation of the Russian blogosphere // Primo Aspectu. 2019. N 3. P. 88–93. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-3-39-88-93.*

¹³ *Lupton D. Societies: theorising the Coronavirus crisis. N.Y., 2022; Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279–298.*

¹⁴ Под пациентами подразумеваются пользователи, которые имеют определенные вопросы о проблемах здоровья.

б) группа “любителей”¹⁵ (непрофессионалов или так называемых псевдоэкспертов¹⁶; “любители”-контентмейкеры);

в) группа представителей профессионального сообщества (врач, нутрициолог, фитнес-тренер, диетолог и т.п.; эксперт-контентмейкер, эксперт-пользователь).

Пользователи-пациенты чаще всего используют блоги для поиска информации о заболевании, способах его лечения, последствиях применяемых для улучшения состояния мер, изучения опыта других со схожей проблемой. Для данной группы участников блогосферы блоги выполняют информативную функцию¹⁷.

Наряду с этим для “пациентов” важным выступает и поиск эмоциональной поддержки, что позволяет выделить психологическую компоненту в функционировании блогов¹⁸. Так, для пациентов-пользователей с онкологическим статусом и их близких онлайн-дневники в большей степени выступают как группы поддержки, “точки опоры”, в рамках которых ситуация с болезнью переводится из “табуированной, безнадежной, кризисной” в статус ее принятия и повседневного переживания, что позволяет пациенту и его родственникам сохранять свой жизненный мир и находить силы для дальнейших усилий по борьбе с болезнью¹⁹.

Непосредственность контакта с людьми по всему миру помогает таким участникам блогинга обрести уверенность и найти поддержку в любое время, что создает эффект “нарративной песочницы”²⁰.

¹⁵ Под любителями понимаются блогеры, которые создают и транслируют контент о здоровье, но не обладают профессиональным знанием по этим вопросам.

¹⁶ *Осипова Н.Г., Лядова А.В., Заплетнюк М.А.* Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. № 3. С. 309–323.

¹⁷ *Hamm M., Chisholm A., Shulhan J.* Social media use among patients and caregivers: a scoping review // *British Medical Journal*. 2013. N e002819. DOI:10.1136/bmjopen-2013-002819; *Gupta P., Khan A., Kumar A.* Social media use by patients in health care: a scoping review // *International Journal of Healthcare Management*. 2022. Vol. 15. N 2. P. 121–131. DOI: 10.1080/20479700.2020.1860563.

¹⁸ *Moorhead S., Hazlett D., Harrison L., Carroll J., Irwin A., Hoving C.* A new dimension of health care: systematic review of the uses, benefits, and limitations of social media for health communication // *Journal of Medical Internet Research*. 2013. Vol. 23. N 15(4).

¹⁹ *Kim S.* Content analysis of cancer blog posts // *Journal of Medical Library Association*. 2009. Vol. 97(4). P. 260–266. DOI: 10.3163/1536-5050.97.4.009; *Andersson Y.* Blogs and the art of dying: blogging with, and about, severe cancer in late modern Swedish society // *Omega-journal of Death and Dying*. 2019. Vol. 79. P. 394–413; *Baik S., Klonoff E., Barnes L., Schiaffino M., Wells K.* Mapping the online social network of cancer bloggers // *Journal of Health Psychology*. 2021. Vol. 26(11). P. 2062–2068. DOI: 10.1177/1359105319888269.

²⁰ *Kotliar D.* Depression narratives in blogs: a collaborative quest for coherence // *Quality Health Research*. 2016. Vol. 26(9). P. 1203–1215.

Также важным является возможность анонимного участия, что позволяет задавать “неудобные” вопросы, которые многим было бы трудно обсуждать лицом к лицу²¹.

Наряду с этим разделенность переживаемой ситуации “срабатывает” как позитивный триггер, стимулирующий пациентов и их родственников изменить свое отношение к существующей проблеме, особенно в условиях хронических или онкологических состояний, и, опираясь на опыт других, искать новые стратегии преодоления жизненного кризиса, возникшего вследствие болезни²².

Для пациентов-контентмейкеров наряду с указанными функциями блоги могут выполнять терапевтическую роль²³. Особенно данный эффект отмечается для участников блогинга по проблемам психического здоровья²⁴. Зачастую подобные состояния вызывают стигматизацию, отрешенность окружающих от пациента, что ведет к их изоляции, формированию ощущения одиночества и ненужности. Возможность разделить свои проблемы с другими способствует конструированию “домашней” группы²⁵, принадлежность к которой придает таким пользователям уверенность и осознание своей “нормальности”, что оказывает благоприятное воздействие на их самочувствие и может способствовать даже полной ремиссии²⁶.

Также интерес представляют данные о нивелировании гендерной стигматизации в блогах о психическом здоровье²⁷. Установлено,

²¹ *Gupta P, Khan A., Kumar A.* Social media use by patients in health care: a scoping review; *Ziebland S., Wyke S.* Health and illness in a connected world: how might sharing experiences on the internet affect people's health? // *Milbank Quarterly*. 2012. Vol. 90(2). P. 219–249. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2012.00662.x.

²² *Brooks J., Savitch N.* Blogging with dementia: writing about lived experience of dementia in the public domain // *Dementia*. 2022. Vol. 21(8). P. 2402–2417. DOI: 10.1177/14713012221112384.

²³ *Taylor K., Humphrey J.* Impact of medical blog reading and information presentation on readers' preventative health intentions: mixed methods, multistudy investigation // *Journal of Medical Internet Research*. 2021. Vol. 23(12). N e23210.

²⁴ *Marcus M., Westra H., Eastwood J., Barnes K.* Mobilizing minds research group what are young adults saying about mental health? An analysis of internet blogs // *Journal of Medical Internet Research*. 2012. Vol. 14(1). N e17. DOI: 10.2196/jmir.1868; *Murphy E., Donohue G., McCann E.* Exploring mental health issues through the use of blogs: a scoping review of the research evidence // *Issues in Mental Health Nursing*. 2020. Vol. 41(4). P. 296–305. DOI: 10.1080/01612840.2019.1666326

²⁵ *Andersson Y.* Blogs and the art of dying: blogging with, and about, severe cancer in late modern Swedish society // *Omega*. 2019. Vol. 79(4). P. 394–413.

²⁶ *Harvey K., Brown B., Crawford P., Macfarlane A., MacPherson A.* “Am I normal?” Teenagers, sexual health and the internet // *Social Science & Medicine*. 2007. Vol. 65(4). P. 771–781.

²⁷ *Sundar S., Shyam E.* et all. Blogging for better health: putting the “public” back in public health // *Blogging, Citizenship and the Future of Media*. N.Y., 2007. P. 83–102.

что онлайн-дневники можно рассматривать как уникальное пространство, позволяющее и мужчинам, и женщинам рассказывать о своих эмоциональных проблемах и, тем самым, преодолеть ограничительные рамки традиционных ролевых стереотипов, что указывает на катарсическую функцию блогосферы для данной категории участников.

Наряду с этим следует отметить положительное воздействие эффекта группового давления на мотивацию и комплаентность больного выполнять предписания и соблюдать режим лечения, так как ведение онлайн-дневников ориентировано на просмотр другими, которые в данной ситуации выступают как значимая для автора аудитория поддержки и вызывает у него чувство ответственности и долга за свои действия.

Таким образом, блоги выполняют ряд функций, имеющих положительное воздействие на их пользователей среди категории “пациенты” как в отношении трансформации их представлений о проблеме, так и в аспекте изменения их поведения в ситуации болезни, а именно: управление неопределенностью; эволюция идентичности; интеграция события болезни в повседневную жизнь; разработка стратегий выхода (стресс-менеджмент); улучшение отношения и уменьшение изоляции.

Что касается других категорий, контентмейкеров, “любителей”, “псевдоэкспертов” и представителей медицинского сообщества, то для них блоги выступают как инструмент повышения статуса, включая и возможности для коммерциализации своей деятельности, а также конструирования персонального брендинга.

Для врачей блогинг может способствовать развитию их пациентской аудитории, в условиях деинституционализации их деятельности²⁸.

Наряду с этим врачебным сообществом блоги используются в просветительских целях, так как онлайн-дневники — удобное средство представления медицинского знания о рисках здоровью и способах их профилактики и превенции на понятном для обывателя языке, включая возможности визуализации самих проблем²⁹.

²⁸ Чернова И.И. Принципы разработки эффективного персонального бренда в сфере здравоохранения на площадке социальной сети Instagram // Брендинг как коммуникационная технология XXI века. М., 2021. С. 153–156.

²⁹ Park H., Rodgers S., Stemmler J. Analyzing health organizations' use of Twitter for promoting health literacy // Journal of Health Communication. 2013. Vol. 18. N 4. P. 410–425; Бунакова А. Блоги врачей как инструмент медицинской коммуникации: степень разработанности вопроса в русскоязычном научном сообществе // Врач и информационные технологии. 2021. № 4. P. 70–78.

Также блогинг выполняет определенную адаптационную функцию для молодых специалистов — “новичков”, только вступающих в медицинскую профессию³⁰. С помощью онлайн-дневников уже более опытные коллеги делятся своими профессиональными знаниями, “лайфхаками” и трудностями, с которыми они сталкиваются в своей деятельности, тем самым способствуя удержанию молодых врачей в профессии, что важно в условиях растущей нехватки кадров, особенно в отдаленных регионах, где сложно быстро найти совет и поддержку сведущих соратников³¹.

В целом, для профессионального сообщества ведение блогов становится распространенным инструментом развития публичной медицины и электронного здравоохранения³², особенностью которого в условиях современного развития является соучастие пациентов в создании контента о здоровье и в управлении.

В этой связи исследователи указывают на формирование нового типа пациента Patient 2.0, отличительными чертами которого являются информационная подготовленность, критическая рефлексия и активный шэринг своего опыта с другими путем обращения к интернету для поиска сведений о своем состоянии перед визитом к врачу, а также размещение в социальных сетях отзывов и впечатлений о лечении, посещении специалиста и т.п.³³

Тем не менее, наряду с указанными эффектами, есть и определенные ограничения, которые связаны с критической оценкой влияния блогинга на представления о здоровье, рисках ему и практиках его поддержания и улучшения.

Особый интерес в этой связи демонстрируют результаты исследований наиболее популярных тем блогов — это вопросы о правильном питании и психическом здоровье.

³⁰ *Boulos M., Maramba I., Wheeler S.* Wikis, blogs and podcasts: a new generation of Web-based tools for virtual collaborative clinical practice and education // *British Medical Centre medical education*. 2006. Vol. 6. P. 1–8; *Roland E., Johnson C., Swain D.* “Blogging” as an educational enhancement tool for improved student performance: a pilot study in undergraduate nursing education // *New Review of Information Networking*. 2011. Vol. 16. N 2. P. 151–166; *Айрапетян С.А.* и др. Оценка значимости информации, представленной в медицинских блогах, для студентов-медиков старших курсов // *Juvenis Scientia*. 2021. Т. 7. N 4. С. 32–41.

³¹ *Lagu T., Kaufman E., Asch D.* et al. Content of weblogs written by health professionals // *Journal of General Internal Medicine*. 2008. N 23. P. 1642–1646. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11606-008-0726-6>.

³² *Zeadally S.* et al. Smart healthcare: challenges and potential solutions using internet of things (IoT) and big data analytics // *PSU Research Review*. 2020. Vol. 4. N 2. P. 149–168.

³³ *Тарасенко Е.А.* Patient 2.0: коммуникации пациентов и врачей в социальных сетях // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. М., Кн. 3. С. 204.

Проблема лишнего веса и ожирения в современном мире имеет глобальный характер³⁴, что вызывает озабоченность ею среди экспертов и представителей медицинского сообщества. Однако, несмотря на прилагаемые меры в преодолении данного негативного тренда в состоянии здоровья современного человечества, проблема сохраняет свою актуальность, число тучных людей с лишним весом продолжает увеличиваться. Причина, на наш взгляд, может быть связана с тем, что классические практики и советы дипломированных специалистов, такие как, регулярность и сбалансированный характер питания, сочетание умеренной калорийности употребляемых блюд с физической нагрузкой и т.п., зачастую рассматриваются пациентами как “устарелые” способы, требующие длительного времени и усилий для достижения желаемого эффекта, что в условиях ускорения темпа жизни, новых подходов к пищевому производству, трансформации техник питания и переходу самого процесса употребления пищи из “домашней” сферы в публичное пространство, становится сложно выполнимой задачей для современного человека³⁵.

Как известно, спрос рождает предложение, и в ответ на поиск “волшебной пилюли”, которая враз избавит от лишних килограммов, возникают альтернативные традиционным способы лечения (например, известный в 1990-е гг. слоган распространителей биодобавок “Гербалайф” “Хочешь похудеть — спроси меня как”). Предлагаемые на форумах, блогах идеи и практики похудения ведут к размыванию устоявшихся социальных представлений о правильном питании, здоровом образе жизни и т.п., что, в свою очередь, существенно снижает авторитет профессионального экспертного знания и способствует расширению и разнообразию публичного дискурса по данным вопросам. Как указывает британский социолог З. Бауман, «то, что вчера считалось нормальным и, таким образом, удовлетворительным, сегодня может вызывать беспокойство или даже считаться патологией, требующей лечения; <...> значение “здорового образа жизни” не остается постоянным, <...> понятия “здоровой диеты” изменяются быстрее, чем требуется для последовательного прохождения курса рекомендованной диеты...», и далее: “...объявляется, что считавшееся здоровым или безопасным пита-

³⁴ В настоящее время каждый восьмой человек страдает ожирением // Сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/01-03-2024-one-in-eight-people-are-now-living-with-obesity> (дата обращения: 06.03.2024).

³⁵ Зарубина Н.Н. Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России // Вестник Института социологии. 2015. № 14. С. 30–48.

ние имеет опасные долговременные эффекты еще до того, как мы успеем полностью насладиться его полезным влиянием”³⁶.

При этом предлагаемые контентмейкерами “чудо”-рецепты и приемы зачастую не являются достоверными, а потому не оказывают заявляемого и демонстрируемого эффекта похудения, и даже, наоборот, вызывают серьезные негативные последствия³⁷. Так, по данным британских исследователей А. Кеога и Б. Чедвик, которые изучили составы блюд с низким содержанием сахара и жира, активно декларируемых рядом известных блогеров в контексте их пропаганды здорового образа жизни и правильного питания, было установлено, что 80% представленных рецептов содержали больше сахара и жира, чем любимый многими, но далеко не полезный, сладкий баточник “Mars”, включающий 30% ежедневной нормы насыщенных жиров для среднестатистического взрослого человека³⁸.

Наряду с этим стремление к похудению не всегда обусловлено проблемами здоровья, а вызвано, особенно среди молодой аудитории, стремлением соответствовать медиатизированным стандартам “утонченной” красоты в условиях устоявшейся в современном обществе объективации женской телесности, что указывает на ограниченное представление о здоровье через его восприятие исключительно в аспекте внешнего вида. При этом достижение идеального тела рассматривается как универсальная мотивация и для юношей, и для девушек. Молодые люди, испытывающие в силу своего возраста неуверенность, проблемы с самооценкой и самопринятием, стремятся через улучшение своей телесности получить социальное одобрение и повысить свой статус.

Для получения требуемых форм в блогах активно пропагандируются практики ограничения и полного отказа от еды (так называемое лечебное голодание), детоксикация, неконтролируемый прием медикаментов с целью выведения съеденной пищи из организма или его обмана путем создания чувства ложного насыщения, которые, согласно научным доказательствам, не являются “здоровыми”, наносят серьезный урон состоянию человека, вызывая как психические, так и глубокие физические проблемы (например, расстройство

³⁶ Бауман З. Текущая современность / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008. С. 87–88.

³⁷ Bissonnette-Maheux V, Provencher V, Lapointe A. et al. Exploring women’s beliefs and perceptions about healthy eating blogs: a qualitative study // Journal of Medical Internet Research. 2015. Vol. 17(4). N e87. DOI: 10.2196/jmir.3504.

³⁸ Keogh A., Chadwick B. Health food blogger: friend or foe? // British Dental Journal. 2019. Vol. 227. P. 1051–1057. URL: <https://doi.org/10.1038/s41415-019-1052-6>.

пищевого поведения, анорексия, булимия), и формируют фейковые представления о здоровом образе жизни³⁹.

Наряду с указанными негативными аспектами влияния блогов также следует отметить и так называемую цифровую зависимость пользователей — пациентов от групп виртуальной поддержки, особенно в контексте блогинга по психическим проблемам, что может привести к еще большей изоляции таких участников блогосферы от реального мира, а также вместо катарсиса вызывать тревогу, уныние, депрессию⁴⁰.

В целом, негативные последствия, которые могут сопровождать ведение и чтение блогов о болезни и здоровье, можно классифицировать по следующим группам:

- когнитивные аспекты: искаженное представление и/или восприятие здоровья, болезней, рисков здоровью, практик заботы и поддержания здоровья, что может вызывать неадекватное отношение к существующим проблемам или рискам здоровья у индивида, включая завышенную или заниженную самооценку своего здоровья, и, вследствие этого, иметь отрицательное влияние на его состояние в конечном итоге;

- ценностные: сдвиг ценностных ориентаций со здоровья и здорового образа жизни на достижение транслируемых стандартов телесной красоты, “личностного роста” и т.п., которые зачастую являются “навязанными” онлайн-“псевдоэкспертами” образцами с целью реализации их коммерческого или другого интереса, вследствие чего данные ориентиры не имеют реальной пользы для блоготории⁴¹;

- эмоциональные реакции: отрицательные либо для читателей, авторов или обоих психические состояния (апатия, стресс, тревога, страх, разочарование и т.п.), которые также могут вызвать риски ухудшения психического, физического, социального здоровья;

- поведенческие: действия, направленные на удовлетворение ложных потребностей и мотивов, конструируемых посредством

³⁹ *Bissonnette-Maheux V., Provencher V., Lapointe A. et al. Exploring women's beliefs and perceptions about healthy eating blogs: a qualitative study.*

⁴⁰ *Ziebland S., Wyke S. Health and illness in a connected world: how might sharing experiences on the internet affect people's health?*

⁴¹ *Холмогорова А.Б., Лепешева С.О. Участие в фитнес-блогах и неудовлетворенность своим телом у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой) “Возможности и риски цифровой среды”. Сб. мат-в конф. М., 2019. С. 365; De Regt A., Montecchi M., Ferguson S. A false image of health: how fake news and pseudo facts spread in the health and beauty industry // Journal of Product and Brand Management. 2019. N 3. DOI: <https://doi.org/10.1108/JPBM-12-2018-2180>.*

транслируемых контентмейкерами образов и смыслов, следование которым зачастую имеет амбивалентный характер, включая и очевидные отрицательные последствия для здоровья индивида.

При анализе влияния блогинга о здоровье на поведение участников в сфере здоровья важным выступает вопрос не только о последствиях, но и способах этого воздействия.

В этой связи интерес представляет изучение психологического механизма распространения фейковых идей и образов с помощью концепции медицинского дениализма⁴². Как отмечает отечественный исследователь Н.С. Волкова, данное понятие используется для обозначения феномена “отрицания апробированных методов лечения и профилактики”, в основе чего “лежит недостаточная информированность и медицинская безграмотность, которые вкупе с эмоционально уязвимым состоянием человека выступают в качестве своеобразного защитного барьера, отторгающего научно доказанные факты”, что “позволяет человеку оправдывать свой отказ от активных и порой длительных медицинских мероприятий в пользу бездействия или кратковременного использования альтернативных немедицинских методов лечения”⁴³.

Используя концептуальную рамку медицинского дениализма для анализа особенностей распространения фейков о здоровье и здоровом образе жизни в блогах, можно выделить ряд способов манипулирования, посредством которых происходит усвоение и принятие транслируемой информации:

- а) использование социально одобряемых образов;
- б) эксплуатация социально значимых идеалов и ценностных ориентаций (ценность здорового образа жизни);
- в) поддержка авторитетов (известных личностей в мире шоу-бизнеса или представителей профессионального сообщества);
- г) выборочное сообщение;
- д) использование отсылок к научным исследованиям;
- е) проблемы в законодательном регулировании (например, реклама БАДов — БАДы не являются лекарственным средством, потому не требуют проведения доклинических и клинических исследований;
- ж) дихотомия выбора: “либо Вы покупаете и остаетесь здоровым / либо — нет, но и умрете раньше”;

⁴² *Specter M. Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives. N.Y., 2009.*

⁴³ *Волкова Н.С. Медицинский дениализм: понятие, истоки и возможности права в его преодолении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 6. С. 103.*

з) эффект присоединения к большинству (или эффект подражания)⁴⁴.

По результатам проведенного автором исследования блогов о питании и похудении для популяризации “нездоровых” практик активно применяются способы “подогрева” аудитории, как, например, стигматизация людей с избыточной массой тела⁴⁵ и предложение в качестве альтернативы идеализированных образов стройного и подтянутого тела, которые усиливают феномен самообъективации и устанавливают жесткие параметры восприятия себя. При этом ключевым фактором в процессе следования предлагаемым образам и способам их достижения выступает их интернализация — принятие индивидом этих норм и стандартов и включение их в систему представлений и оценки. Как правило, это достигается посредством визуальной трансляции сконструированных образов “до” и “после” с соответствующей негативной (“отвратительный”, “обвисший”, “дряблый”) и позитивной (“упругий”, “подтянутый”, “идеальный”, “уверенный”, “шикарные формы”) коннотацией в описаниях, апеллированием к лидерам мнения (селебрити, известные актеры, представители шоу-бизнеса и т.п.), оказанием активной онлайн-поддержки предлагаемых мер (ссылки на мнения других и их опыт), через механизмы социального сравнения, одобрения и группового давления.

Значимым фактором принятия транслируемой “нормальности” выступает и статус контентмейкера: является ли он экспертом или профаном, инфлюенсером или малоизвестным любителем-блогером. Интересно отметить, что контент, создаваемый врачами и пациентами, вызывает наибольшее доверие среди пользователей. Так, по результатам авторского исследования российской блогосферы установлено, что среди пользователей наиболее популярными страницами о психическом здоровье являются экспертные и любительские дневники. Однако активную конкуренцию им составляют и т.н. псевдоэкспертные блоги, авторы которых, используя различные

⁴⁴ *Каширский Д.В., Мясникова О.В.* Феномен самообъективации женщин: анализ зарубежных исследований и взгляд через призму отечественной психологии // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С 61–74. DOI: 10.11621/npj.2020.0405; *Kulvinder K., Pawan K.* Social media: a blessing or a curse? Voice of owners in the beauty and wellness industry // TQM Journal. 2021. N 34. 10.1108/TQM-03-2021-0074; *Izydorczyk B., Sitnik-Warchulska K., Lizinčzyk S., Lipowska M.* Socio-cultural standards promoted by the mass media as predictors of restrictive and bulimic behavior // Frontier Psychiatry. 2020. N 11. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00506.

⁴⁵ *Ким О.Т., Дадаева В.А., Елиашевич С.О., Дранкина О.М.* Социальная стигматизация ожирения // Профилактическая медицина. 2022. Т. 25(7). С. 116–120. DOI: [org/10.17116/profmed20225071116](https://doi.org/10.17116/profmed20225071116).

медиа-технологии, доступные в онлайн-среде, пытаются конструировать свою профессиональную идентичность посредством создания аутентичного образа эксперта (“белый халат”, медицинская терминология). Вследствие этого происходит трансформация агентности, когда наряду с институциональными акторами-носителями экспертного знания значимую роль в конструировании здоровьесбережения играют и неинституциональные субъекты.

Также активно используется персонификация опыта на своем примере или близкого знакомого, что создает эффект присутствия и домашней группы.

Таким образом, популярность блогов как новых источников информации о здоровье обусловлена особенностями формата осуществления коммуникативных действий, шириной доступа (неограниченность во времени и пространстве), возможностью интеракции, персонализации и одновременно сохранения анонимности, самопрезентации, что дает им значимые преимущества, привлекая все больше пользователей, прежде всего, среди молодого поколения как основной аудитории, включенной в цифровые практики.

Наряду с этим блоги о проблемах здоровья и практиках заботы о нем позволяют реализовать участникам данного социально-коммуникативного пространства различные потребности, вследствие чего блогинг как особая социальная деятельность имеет множество функций, значимость которых обусловлена мотивацией и статусом самих акторов. Аудитория блогосферы представлена разнообразными по статусу участниками: как самими пациентами, так и представителями медицинского сообщества, а также любителями, среди которых велика доля так называемых “псевдоэкспертов”, к которым относятся контентмейкеры, “имитирующие” свою профессиональную идентичность. Если для пациентов-пользователей они выполняют, в первую очередь, информативную и поддерживающую функции, то для контентмейкеров онлайн-дневники играют терапевтическую, катарсическую роли и дает возможность конструирования своего “Я”. Для работников здравоохранения блоги выступают как инструмент для осуществления просветительской деятельности и повышения санитарной грамотности населения. Врачи активно используют блогинг для расширения своей клиентской базы с целью заработка и повышения статуса в условиях деинституционализации их деятельности.

В этой связи разнообразие видов (экспертное профессиональное, “псевдоэкспертное”, субъективное “опытное” знание) и форматов (мультимедийность) блогинга и его участников обуславливает размывание социальных представлений о здоровье и практик за-

боты о нем. При этом транслируемые в блогах паттерны не всегда имеют позитивный эффект. Более того, в так называемых псевдоэкспертных блогах предлагаемые способы лечения, достижения определенных состояний зачастую являются фальсифицированными, не основаны на объективно доказанных данных, что ведет к деформации социальных представлений о рисках здоровью, способах его поддержания. Также конструируемые контентмейкерами стандарты способствуют формированию ложных потребностей, которые вызывают у пользователей неадекватное в отношении своего здоровья поведения, ведут к самообъективации, вследствие чего оказывают крайне негативное влияние на состояние здоровья индивида в целом.

В этой связи представляется необходимым как усиление правовой оценки подобной деятельности, так и активное развитие публичной медицины в социальных медиа с целью повышения санитарной грамотности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айрапетян С.А. и др. Оценка значимости информации, представленной в медицинских блогах, для студентов-медиков старших курсов // *Juvenis scientia*. 2021. Т. 7. № 4. С. 32–41.

Бауман З. Текущая современность / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

Бунакова А. Блоги врачей как инструмент медицинской коммуникации: степень разработанности вопроса в русскоязычном научном сообществе // *Врач и информационные технологии*. 2021. № 4. Р. 70–78.

Волкова Н.С. Медицинский дениализм: понятие, истоки и возможности права в его преодолении // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 6. С. 102–110.

Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // *Социальное пространство*. 2017. № 4 (11). С. 1–11.

Дудина В.И., Сайфулина В.О. “Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось”: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 279–298.

Зарубина Н.Н. Аскетические, дисциплинарные и самоограничительные практики как фактор формирования стратегий питания в современной России // *Вестник Института социологии*. 2015. № 14. С. 30–48.

Каширский Д.В., Мясникова О.В. Феномен самообъективации женщин: анализ зарубежных исследований и взгляд через призму отечественной психологии // *Национальный психологический журнал*. 2020. № 4 (40). С. 61–74. DOI: 10.11621/npj.2020.0405.

Ким О.Т., Дадаева В.А., Елиашевич С.О., Драккина О.М. Социальная стигматизация ожирения // *Профилактическая медицина*. 2022. Т. 25(7). С. 116–120. DOI: org/10.17116/profmed202225071116.

Лядова А.В. Образ здоровья в блогосфере: социологический анализ (часть 1) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 28–49. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-28-49>

Осипова Н.Г., Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. № 3. С. 309–323.

Тарасенко Е.А. Patient 2.0: коммуникации пациентов и врачей в социальных сетях // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4-х кн. М., 2020. Кн. 3. С. 203–210.

Темкина А.А. Медиализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 3. С. 321–332.

Холмогорова А.Б., Лепешева С.О. Участие в фитнес-блогах и неудовлетворенность своим телом у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти ЛФ Обуховой) “Возможности и риски цифровой среды”. Сб. мат-в конф. М., 2019.

Чернова И.И. Принципы разработки эффективного персонального бренда в сфере здравоохранения на площадке социальной сети Instagram // Брендинг как коммуникационная технология XXI века. М., 2021. С. 153–156.

REFERENCES

Ajrapetyan S.A. i dr. Ocenka znachimosti informacii, predstavlen-noj v medicinskih blogah, dlya studentov-medikov starshih kursov [Assessing the Importance of Information Presented in Medical Blogs for Senior Medical Students] // *Juvenis scientia*. 2021. Т. 7. N 4. S. 32–41 (in Russian).

Andersson Y. Blogs and the art of dying: blogging with, and about, severe cancer in late modern Swedish society // *Omega*. 2019. Vol. 79 (4). P. 394–413.

Baik S., Klonoff E., Barnes L., Schiaffino M., Wells K. Mapping the online social network of cancer bloggers // *Journal of Health Psychology*. 2021. Vol. 26(11). P. 2062–2068. DOI: 10.1177/1359105319888269

Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity] / Pod red. Yu.V. Asochakova. SPb., 2008 (in Russian).

Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern [Risk Society. Towards a Different Modernity]. М., 2000 (in Russian).

Bissonnette-Maheux V., Provencher V., Lapointe A., Dugrenier M., Dumas A.A., Pluye P., Straus S., Gagnon M.P., Desroches S. Exploring women's beliefs and perceptions about healthy eating blogs: a qualitative study // *Journal of Medical Internet Research*. 2015. Vol. 17(4). N e87. DOI: 10.2196/jmir.3504

Boulos M., Maramba I., Wheeler S. Wikis, blogs and podcasts: a new generation of Web-based tools for virtual collaborative clinical practice and education // *British Medical Centre medical education*. 2006. Vol. 6. P. 1–8.

Brooks J., Savitch N. Blogging with dementia: Writing about lived experience of dementia in the public domain // *Dementia*. 2022. Vol. 21(8). P. 2402–2417. DOI: 10.1177/14713012221112384

Bunakova A. Blogi vrachej kak instrument medicinskoj kommunikacii: stepen' razrabotannosti voprosa v russkoyazychnom nauchnom soobshchestve [Doctors' Blogs as a Tool for Medical Communication: the Level of Development of the Issue in

the Russian-Speaking Scientific Community] // Vrach i informacionnye tekhnologii. 2021. N 4. R. 70–78 (in Russian).

Chernova I.I. Principy razrabotki effektivnogo personal'nogo brenda v sfere zdoravoohraneniya na ploshchadke social'noj seti Instagram [Principles for developing an effective personal brand in the field of healthcare on the Instagram social network platform] // Brending kak kommunikacionnaya tekhnologiya XXI veka. M., 2021. S. 153–156 (in Russian).

De Regt A., Montecchi M., Ferguson S. A false image of health: how fake news and pseudo facts spread in the health and beauty industry // Journal of Product and Brand Management. 2019. N 3. DOI: <https://doi.org/10.1108/JPBM-12-2018-2180>

Dudina V.I., Sajfulina V.O. “Pochitala, eshche men'she vakcinirovat'sya zaho-telos”: onlajn-diskurs vakcinnoj nereshitel'nosti [“I Read It and Wanted to Get Vaccinated Even Less”: Online Discourse of Vaccine Hesitancy] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2023. N 1. S. 279–298 (in Russian).

Efimov E., Leontiev A. Socio-cultural factors of transformation of the russian blogosphere // Primo Aspectu. 2019. N 3. P. 88–93. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-3-39-88-93

Esposito R. Common immunity: biopolitics in the age of the pandemic. Hoboken, 2023.

Gruzdeva M.A. Instrumenty formirovaniya samosohranitel'nyh praktik nasele-niya: social'nye seti i blogosfera [Tools for Forming Self-Preservation Practices of the Population: Social Networks and the Blogosphere] // Social'noe prostranstvo. 2017. N 4 (11). S. 1–11 (in Russian).

Gupta P., Khan A., Kumar A. Social media use by patients in health care: a scop-ing review // International Journal of Healthcare Management. 2022. Vol. 15. N 2. P. 121–131. DOI: 10.1080/20479700.2020.1860563

Hamm M., Chisholm A., Shulhan J. Social media use among patients and care-givers: a scoping review // British Medical Journal. 2013. N e002819. DOI:10.1136/bmjopen-2013-002819

Harvey K., Brown B., Crawford P., Macfarlane A., MacPherson A. “Am I normal?” Teenagers, sexual health and the Internet // Social Science & Medicine. 2007. Vol. 65(4). P. 771–781.

Holmogorova A.B., Lepesheva S.O. Uchastie v fitnes-blogah i neudovletvoren-nost' svoim telom u devushek [Participation in fitness blogs and dissatisfaction with their bodies in girls] // VII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya po psihologii razvitiya (chteniya pamyati LF Obuhovoy) “Vozmozhnosti i riski cifrovoj sredy”. Sb. mat-v konf. M., 2019 (in Russian).

Izydorczyk B., Sitnik-Warchulska K., Lizin'czyk S., Lipowska M. Socio-cultural standards promoted by the mass media as predictors of restrictive and bulimic behav-ior // Frontier Psychiatry. 2020. N 11. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00506

Kashirskij D.V., Myasnikova O.V. Fenomen samoob"ektivacii zhen-shchin: analiz zarubezhnyh issledovaniy i vzglyad cherez prizmu otechestvennoj psihologii [The Phenomenon of Women's Self-Objectification: An Analysis of Foreign Studies and a View Through the Prism of Domestic Psychology] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2020. N 4 (40). S. 61–74. DOI: 10.11621/npj.2020.0405 (in Russian).

Keogh A., Chadwick B. Health food blogger: friend or foe? // British Dental Jour-nal. 2019. Vol. 227. P. 1051–1057. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41415-019-1052-6>.

- Kim S.* Content analysis of cancer blog posts // Journal of Medical Library Association. 2009. Vol. 97(4). P. 260–266. DOI: 10.3163/1536-5050.97.4.009
- Kim O.T., Dadaeva V.A., Eliashevich S.O., Drapkina O.M.* Social'naya stigmatizaciya ozhireniya [Social Stigmatization of Obesity] // Profilakticheskaya medicina. 2022. T. 25(7). P. 116–120. DOI: org/10.17116/profmed202225071116 (in Russian).
- Kotliar D.* Depression narratives in blogs: a collaborative quest for coherence // Quality Health Research. 2016. Vol. 26(9). P. 1203–1215.
- Kulvinder K., Pawan K.* Social media: a blessing or a curse? Voice of owners in the beauty and wellness industry // TQM Journal. 2021. N 34. 10.1108/TQM-03-2021-0074.
- Lagu T., Kaufman E., Asch D.* et al. Content of weblogs written by health professionals // Journal of General Internal Medicine. 2008. N 23. P. 1642–1646 (2008). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11606-008-0726-6>
- Lupton D.* Societies: theorising the Coronavirus crisis. N.Y., 2022.
- Lyadova A.V.* Obraz zdorov'ya v blogosfere: sociologicheskij analiz (chast' 1) [Health Image in the Blogosphere: Sociological Analysis (Part 1)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2023. T. 29. N 3. S. 28–49. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-28-49> (in Russian).
- Marcus M., Westra H., Eastwood J., Barnes K.* Mobilizing minds research group what are young adults saying about mental health? An analysis of Internet blogs // Journal of Medical Internet Research. 2012. Vol. 14(1):e17. DOI: 10.2196/jmir.1868
- Moorhead S., Hazlett D., Harrison L., Carroll J., Irwin A., Hoving C.* A new dimension of health care: systematic review of the uses, benefits, and limitations of social media for health communication // Journal of Medical Internet Research. 2013. Vol. 23. N 15(4).
- Murphy E., Donohue G., McCann E.* Exploring mental health issues through the use of blogs: a scoping review of the research evidence // Issues in Mental Health Nursing. 2020. Vol. 41(4). P. 296–305. DOI: 10.1080/01612840.2019.1666326
- Osipova N.G., Lyadova A.V., Zapletnyuk M.A.* Mediatizaciya zdorov'ya v rossijskoj blogosfere [Mediatization of health in the Russian blogosphere] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2023. T. 16. N 3. S. 309–323 (in Russian).
- Park H., Rodgers S., Stemmler J.* Analyzing health organization' use of Twitter for promoting health literacy // Journal of health communication. 2013. Vol. 18. N 4. P. 410–425.
- Roland E., Johnson C., Swain D.* “Blogging” as an educational enhancement tool for improved student performance: a pilot study in undergraduate nursing education // New Review of Information Networking. 2011. Vol. 16. N 2. P. 151–166.
- Specter M.* Denialism: how irrational thinking hinders scientific progress, harms the planet, and threatens our lives. N.Y., 2009.
- Sundar S., Shyam E.* et al. Blogging for better health: putting the “public” back in public health // Blogging, citizenship and the future of media. N.Y., 2007. P. 83–102.
- Tarasenko E.A.* Patient 2.0: kommunikacii pacientov i vrachej v soci-al'nyh setyah [Patient 2.0: Communications between patients and doctors in social networks] // XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: V 4 kn. M., Kn. 3. S. 203–210 (in Russian).
- Taylor K., Humphrey J.* Impact of medical blog reading and information presentation on readers' preventative health intentions: mixed methods, multistudy investigation // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23(12):e23210

Temkina A.A. Medikalizaciya reprodukcii i rodov: bor'ba za kontrol' [Medicalization of reproduction and childbirth: the struggle for control] // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. 2014. N 3. S. 321–332 (in Russian).

Volkova N.S. Medicinskij denializm: ponyatie, istoki i vozmozhno-sti prava v ego preodolenii [Medical Denialism: Concept, Origins, and Possibilities of Law in Overcoming It] // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2023. N 6. S. 102–110 (in Russian).

Zarubina N.N. Asketicheskie, disciplinarnye i samoogranichitel'nye praktiki kak faktor formirovaniya strategij pitaniya v sovremennoj Rossii [Ascetic, Disciplinary, and Self-Restrictive Practices as a Factor in Forming Nutrition Strategies in Modern Russia] // Vestnik Instituta sociologii. 2015. N 14. C. 30–48 (in Russian).

Zeadally S. et al. Smart healthcare: challenges and potential solutions using internet of things (IoT) and big data analytics // PSU research review. 2020. Vol. 4. N 2. P. 149–168.

Ziebland S., Wyke S. Health and illness in a connected world: how might sharing experiences on the internet affect people's health? // Milbank Quarterly. 2012. Vol. 90(2). P. 219–49. DOI: 10.1111/j.1468-0009.2012.00662.x

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-98-117

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ “БОЛЬШОЙ ИГРЫ” КЛАССИКАМИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ГЕОПОЛИТИКИ*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий, классиками русской школы геополитики. Автор статьи рассматривает геополитические концепции основоположников цивилизационного подхода и цивилизационной геополитики — Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей панславизма (Р.А. Фадеева, И.И. Дусинского), военно-стратегического направления (Д.А. Милютин, А.Е. Вандама, А.Е. Снесарева), евразийства (П.Н. Савицкого), Ю.С. Карцова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.Н. Дурново.

Автор подчеркивает, что развитие русской геополитической мысли происходило в условиях отсутствия политического заказа со стороны государства, а также политических и экономических элит на выработку геополитической стратегии развития России и осуществления ее внешней политики. К сожалению, констатирует автор, многие идеи классиков русской школы геополитики (в частности по осмыслению ими сущности, содержания и динамики “Большой Игры”) оказались невостребованными правящими кругами и правительствами, среди которых было много лиц, англофильской ориентации, продвигающих идеи союзнических отношений с Англией в ущерб национальным интересам России.

В то же время, отмечает автор статьи, осмысление сути и особенностей развития событий “Большой Игры” представителями русской школы геополитики в значительной степени осуществлялось фрагментарно, часто в аспекте анализа многовекового цивилизационного противостояния России и романо-германского культурно-исторического типа (западноевропейской великой культуры, цивилизации), а не чисто континенталистских концепций.

К авторам, осмысляющих в своих произведениях сущность и знаковые события “Большой Игры”, относятся: представители панславизма — Н.Я. Данилевский, И.И. Дусинский, Р.А. Фадеев; представители военно-стратегиче-

* Продолжение. Начало в № 2 за 2024 г.

** **Елишев Сергей Олегович**, e-mail: elishev@list.ru

ского направления — А.Е. Снесарев и А.Е. Вандам; Ю.С. Карцов и П.Н. Дурново. Остальные классики русской школы геополитики обращались к данной проблеме выборочно, в рамках других интересующих их тем.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, панславизм, цивилизационный подход, евразийство, военно-стратегическое направление.

UNDERSTANDING THE ESSENCE OF THE “GREAT GAME” BY CLASSICS OF THE RUSSIAN SCHOOL OF GEOPOLITICS (Continuation)

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries, by the classics of the Russian school of geopolitics. The author of the article considers the geopolitical concepts of the founders of the civilizational approach and civilizational geopolitics — N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontyev, representatives of pan-Slavism (R.A. Fadeev, I.I. Dusinsky), military-strategic direction (D.A. Milyutina, A.E. Vandama, A.E. Snesareva), Eurasia (P.N. Savitsky), Y.S. Kartsova, V.P. Semenova-Tyan-Shansky, P.N. Durnovo.

The author emphasizes that the development of Russian geopolitical thought took place in the absence of a political order from the state, as well as political and economic elites to develop a geopolitical strategy for the development of Russia and the implementation of its foreign policy. Unfortunately, the author states, many ideas of the classics of the Russian school of geopolitics (in particular, in their understanding of the essence, content and dynamics of the Great Game) turned out to be unclaimed by the ruling circles and governments, among which there were many people, Anglophile orientation, promoting the ideas of allied relations with England, to the detriment of the national interests of Russia.

At the same time, the author of the article notes, the understanding of the essence and features of the development of the events of the “Great Game” by representatives of the Russian school of geopolitics was largely carried out fragmentally, often in the aspect of analyzing the centuries-old civilizational confrontation between Russia and the Romano-German cultural and historical type (Western European great culture, civilization), and not purely continentalist concepts.

Authors who comprehend the essence and significant events of the “Great Game” in their works include: representatives of Pan-Slavism — N.Ya. Danilevsky, I.I. Dusinsky, R.A. Fadeeva; representatives of the military-strategic direction — A.E. Snesarev and A.E. Vandam; Y.S. Kartsovo and P.N. Durnovo. The rest of the classics of the Russian school of geopolitics addressed this issue selectively, within the framework of other topics of interest to them.

Key words: “Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, pan-Slavism, civilizational approach, Eurasianism, military-strategic direction.

Анализу сущности, перипетий и возможной динамике “Большой Игры” гораздо больше внимания, чем представители других направлений геополитики, уделяли генерал-фельдмаршал **Дмитрий Алексеевич Милютин**, генералы **Андрей Евгеньевич Снесарев** и **Алексей Ефимович Вандам (Едрихин)**. Эти исследователи, будучи и учеными-теоретиками (военными географами и военными стратегами), и практиками — активными участниками “Большой Игры” с российской стороны (государственными деятелями, военачальниками и разведчиками), в целом, составили военно-стратегическое направление в рамках русской школы геополитики.

Как практики-профессионалы они осмыслили глобальные стратегические задачи и интересы России, прежде всего, в контексте своего непосредственного участия в продолжающейся “Большой Игре” с Великобританией за контроль над евразийским пространством. Естественно, главным геополитическим противником России они считали Великобританию, и предлагали хорошо продуманные планы и стратегию действий против самого, по их мнению, коварного врага России. К сожалению, многие их вполне разумные и конструктивные предложения не только не были реализованы на практике, но и встречали явное противодействие со стороны англофилов в правительстве и чиновничьей бюрократии, действующей по принципу “как бы чего не вышло”, что трагически отобразилось в будущем на истории России XX в.

Данное обстоятельство очень хорошо описал сам генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, анализирувавший деятельность российского министерства иностранных дел времен правления государя-императора Александра II: “Наше Министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике систем пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбудить дипломатических запросов Лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях. Сам вице-канцлер князь Горчаков, почти не занимавшийся лично азиатскими делами и чуждый самых поверхностных сведений об Азии, не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждающие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предпринятие своеволию местных военных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам”¹.

Д.А. Милютин анализировал роль и действия Англии в Кавказской, Крымской войнах, польских восстаниях, на азиатских и даль-

¹ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 513.

невосточных пространствах. Он констатировал, что английская элита, элиты европейских держав, общественное мнение в Англии и странах Запада были настроены крайне агрессивно, пронизаны русофобскими настроениями и “глубокой враждебностью к России”². В частности, отмечал он, “общественное мнение во Франции и в Англии было до такой степени возбуждено против России, что никакие со стороны нашего правительства объяснения, ни самые широкие уступки не могли бы успокоить это настроение. В суждениях о польском деле господствовал полный хаос, отсутствие всякой логики. Даже в серьезной, практичной Англии раздавались на митингах яростные нападки на Россию, без малейшего понятия о действительном положении дел”³.

При этом при анализе хода и возможного развития событий “Большой Игры” Д.А. Милютин демонстрирует реализм и прагматизм в оценке возможностей России в борьбе с Англией, ее западноевропейскими и иными союзниками. В своих воспоминаниях он подчеркивал, что при “нашей относительной слабости для борьбы с многочисленной коалицией естественно возникал вопрос: нельзя ли изыскать средство, чтобы сколько-нибудь отвлечь внимание и силы наших противников. В особенности борьба с Англией представлялась крайне для нас невыгодной: ее флот угрожал бы нашим берегам, которые нам приходилось бы защищать на всем их протяжении, не имея никакой возможности наносить вред противнику; наш же флот был бы обречен, как и в бывшую Крымскую войну, на полное бездействие. Единственное для нас средство вредить Англии могло состоять лишь в том, чтобы угрожать ее торговле и колониям, посредством крейсеров, которые гонялись бы за бесчисленными коммерческими судами Великобритании, разбросанными по всей поверхности океанов и морей. Но для этого требовались два условия: первое — чтобы назначенные для крейсерства суда вышли из Балтийского моря заблаговременно, прежде объявления войны и второе — чтобы они имели где-либо опорные пункты”⁴.

Еще одним средством для противодействия Англии и отвлечения ее внимания и части сил от активной антироссийской деятельности в самых разных частях Евразии, Д.А. Милютин называл имитацию и осуществление действий демонстративного характера в среднеазиатском регионе.

“Хотя, — как писал Д.А. Милютин, — я всегда был убежден в том, что страхи Англии за ее ОстИндские владения совершенно

² См.: Милютин Д.А. Указ. соч. С. 67.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 207–208.

фиктивные, что в действительности мы не могли предпринять ничего серьезного в тех странах (при том положении, в котором мы находились в то время в Средней Азии), что наконец, подобные замыслы могли родиться только в голове Павла I, однако ж, я сказал себе: почему же не поугадать, хотя бы привидением, фантомом? и потому вошел в сношение с оренбургским генерал-губернатором Безаком о приготовлениях к экспедиции в Афганистан. Ober-квартирмейстер Оренбургского корпуса подполковник Залесов был вызван в Петербург для личных объяснений по этому предмету. Фантастический этот замысел, конечно, не имел в действительности никаких последствий; но слухи о нем проникли в английскую печать. Далее этого и не простиралась наша цель”⁵.

Генерал А.Е. Снесарев, в отличие от Д.А. Милютин, не считал возможный поход русских войск в Индию, транзитом через Афганистан, утопическим проектом. В ряде своих работ (например, “Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе”, “Англо-русское соглашение 1907 года”, “Афганистан” и др.) А.Е. Снесарев отмечал жизненную потребность значимость для Англии сохранения контроля над своими индийскими колониями, а также подходами к ним.

Ключевой точкой, своеобразными и единственными природными воротами — дорогой в Индию, по мнению А.Е. Снесарева, является Афганистан, вокруг которого на протяжении более ста лет ведется “длительная и неустанная политическая борьба между Англией и Россией из-за достижения влияния на Афганистан”⁶.

При этом, на его взгляд, “сам по себе Афганистан ни в экономическом смысле, ни в финансовом, ни в каком-либо другом значения не имеет; но, являясь постоянным преддверием к Индии, значение которого он не утерять и поныне и никогда не утерять, он является существенным политическим фактором и значительной политической величиной. Являясь постоянным объектом жадных пожеланий и завоеваний, Индия остается этим объектом и теперь, и та страна, которая в старые годы приводила к захвату этой мировой драгоценности, естественно, приведет к таковому и теперь”⁷.

А.Е. Снесарев выделил три периода русско-английских отношений в борьбе за контроль над среднеазиатскими пространствами и влиянием на Афганистан (разнящиеся “по своей длительности и важности”⁸), каждому из которых “свойственно определенное от-

⁵ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 210.

⁶ Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002. С. 200.

⁷ Там же. С. 201–202.

⁸ См.: Там же. С. 204.

ношение к Афганистану как со стороны России, так и со стороны Англии”⁹.

Первый период берет свое начало “от египетской кампании Наполеона, от 1800 года, или с 1801 года, классического похода Павла на Индию, до начала нашего передвижения в 60-х годах в Средней Азии”¹⁰. Его характеризует возникновение и оформление у французских и русских глав государств и государственных деятелей идеи восприятия Индии (вернее английских колоний в Индии), как своеобразной “Ахиллесовой пяты” Англии, через которую может быть нанесен “главный удар могуществу Англии”¹¹. Например, отмечает А.Е. Снесарев, “эту мысль разделяла и Екатерина Великая, которой французом Сен-Жени чрез принца Нассауского был представлен даже специальный проект экспедиции в Индию”¹².

На практике данную идею пытался осуществить Наполеон, а также Государь-император Павел I. Наполеон на протяжении десяти лет, в период с 1798 по 1808 г. предпринял две попытки (в 1800 и 1807 гг.) реализации разработанных им проектов походов на Индию. “Первый предусматривал совместные действия с Россией, второй был составлен в расчете на помощь Персии”¹³.

Павел I в 1801 г. направил донских казаков в оренбургские степи, откуда они должны были “двигаться тремя дорогами через Бухарию и Хиву на реку Инд”¹⁴, с целью «разорить все английские фактории и учреждения в Индии, освободить угнетенных владельцев, “а землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан, и торг обратить к нам”. Казаки, как известно, выступили в составе 22½ тысяч человек с 24 орудиями, но не успели дойти до Оренбурга, как получили известие о смерти Павла и повеление от нового государя вернуться в места своих постоянных квартир»¹⁵.

А.Е. Снесарев оценивал действия Павла I в значительной степени, как образец “стратегического и политического донкихотства”¹⁶, так как цель похода в тот период была трудна реализуема, сам поход был не подготовлен и явно бы закончился неудачей.

Тем не менее, англичане испугались и в дальнейшем с целью недопущения возможности проникновения России в среднеазиатский

⁹ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 204.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 205–206.

¹⁶ Там же. С. 204.

регион, выхода ее к границам Афганистана, а затем Индии, предприняли ряд действий, в том числе силового характера (первая англо-афганская война 1838–1842 гг.) для того, чтобы подчинить себе Афганистан и включить его в сферу своего влияния. Неудача в войне с Афганистаном и поступательное продвижение России в Средней Азии явились причинами, побудившими Англию к участию в Крымской войне 1854–1855 гг., “хотя для нас (России — С.Е.) налицо были и более непосредственные причины. Нужно вспомнить, что в это время наше стремление к Средиземному морю было в большом размахе, идеология православного креста на Софии и освобождение братьев-славян от турецкого ига достигали полного расцвета. Все это было слишком опасно для главной коммуникационной линии, связывающей Индию с Англией, той самой линии, значение которой возрастало с каждым кубом вынутой земли строившегося тогда Суэцкого канала”¹⁷.

При оценке событий Крымской войны, как одного из значимых эпизодов “Большой Игры”, А.Е. Снесарев подчеркивал, что “в истории среднеазиатского вопроса крымская кампания сыграла крупную роль, предопределяя надолго политическую и военную ориентацию Англии и России. Гибель нашего средиземного флота пресекла в корне и надолго наши завоевательные тенденции, связанные с проливами и Царьградом. Но эта же гибель, слишком принизившая нас по отношению к Англии, заставила искать иных дорог для восстановления нашего на нее влияния, или правильное — ее от нас зависимости. Крымская война, главным образом, и выявила смысл наших будущих подходов к Индии, т.е. вскрыла существо среднеазиатской проблемы. Хотя было ясно, что мы в Средней Азии еще слишком слабы и вести наступательных операций против Индии не можем, но уже важно было теоретическое или пока кабинетное сознание, что дорога к восстановлению нашего международного равновесия с Англией пролегла по Средней Азии, а не направлялась, как раньше, к Средиземному морю, и что пока далеким фонарем, освещающим этот крупный путь, была Индия. Эта опознанная к моменту Крымской кампании мысль, а к концу ее окончательно созревшая, интересно отразилась на тогдашних проектах походов на Индию”¹⁸.

А.Е. Снесарев, анализируя содержание появившихся в этот период проектов похода русских войск в Индию при содействии в этом Персии и Афганистана, в частности отмечал, что хотя они

¹⁷ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 211

¹⁸ Там же. С. 211–212.

были “так же поверхностны, как проекты Наполеона, и немногим выше причудливого похода Павла, но они показывают определенное и реальное направление политической мысли России по отношению к Средней Азии; они показывают, что со времени Крымской кампании перед Россией встала более конкретная и реальная проблема. Что эта проблема была реальна, это подтвердили шестидесятые и семидесятые годы наших завоеваний в Туркестане. Постепенно, как колосья под косою, падают Ташкент, Хива, Самарканд, Бухара, Коканд. Никогда еще в Средней Азии мы не достигали таких быстрых и ярких успехов. Как и нужно было ожидать, наши успехи очень переполошили англичан и привели их к выводу, что их старая политика по отношению к Афганистану, состоящая в том, чтобы путем разных и довольно пассивных мер добиться над ним своего контроля (наличность резидента в Кабуле и запрет внешних сношений), была ошибочна, она не давала каких-либо обеспечивающих Индию результатов”¹⁹, — писал этот ученый. По его мнению, “стало ясно, что центр тяжести не в самом Афганистане, а в России и именно: в степени активности ее среднеазиатской политики и в степени ее отдаленности от Афганистана. И вот задача — всеми мерами остановить наступательное движение России и смирить активность ее политики — и составляет основной тон британских интересов во втором”²⁰ периоде русско-английских отношений в борьбе за контроль над среднеазиатскими пространствами и влиянием на Афганистан.

Второй период русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном А.Е. Снесарев хронологически определяет — от начала активного русского продвижения в Средней Азии “до Памирского разграничения в 1895 году”²¹. Во второй период данного противостояния Англия, на взгляд А.Е. Снесарева, “ставит себе главной политической задачей в Средней Азии задержать Россию всеми имеющимися ресурсами на приличном удалении от Афганистана (а значит и Индии) и ослабить ее среднеазиатский размах... Правда идея первого периода — достижение контроля над Афганистаном — еще не была изжита англичанами, и вторая англо-афганская война велась еще под этим знаменем, но идея уже потухала, так как отчасти была осуществлена; кроме того, для англичан было ясно, что центр тяжести с 60-х годов был перенесен на деятельность и шаги России... их нужно было приостановить во

¹⁹ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 211–212.

²⁰ Там же. С. 212.

²¹ Там же. С. 211.

что бы то ни стало. Но и со стороны России мы видим большие достижения в области среднеазиатской проблемы. В России начинают понимать, что лежащая недалеко от нас Индия является в наших руках огромным политическим козырем, что, благодаря этому географическому благоволению судьбы, мы можем оказывать огромное влияние на Англию и притом одним лишь фактом осуществления нашей угрозы по адресу ее драгоценной колонии. В наших политических кругах начинает выявляться та плодотворная мысль, что на все против нас посягания и интриги Англии мы с большим успехом можем ответить соответствующим нажимом в Средней Азии”²².

В рамках осмысления второго периода “Большой Игры” А.Е. Снесарев размышлял о значении русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как и в случае с Крымской войной, ставшей “для России видным этапом в прозревании и выяснении среднеазиатского вопроса”²³ и «дояснившей нам “Ахилесову пяту” Англии»²⁴, коей являлись Афганистан, над которым англичане так и не смогли установить политический контроль по результатам второй англо-афганской войны 1878–1882 гг.

В целом, второй период русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном А.Е. Снесарев определяет как “период, в течение которого Англия всеми способами хотела приостановить наше наступление и положить ему предел, а Россия, дипломатически оправдываясь и обороняясь, шла неудержимо вперед, применяя вооруженную силу”²⁵.

Третий период “среднеазиатских отношений” России и Англии, на взгляд А.Е. Снесарева, берет свое начало от Памирского разграничения 1895 г. и продолжается вплоть до советского периода российской истории. В этот период в 1907 г. между Российской империей и Англией было заключено соглашение о разграничении сфер влияния в Азии, которое А.Е. Снесарев подверг жесточайшей критике, считая его стратегически значимой ошибкой российского правительства в продолжающемся противостоянии с Англией. Он подчеркивал неискренний характер соглашения 1907 г. со стороны Англии, в чем состояла на его взгляд и основная опасность этого соглашения²⁶. По результатам заключения данного соглашения Россия

²² Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 215.

²³ Там же. С. 216.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Там же. С. 223.

²⁶ См.: Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года // Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи. М., 2017. С. 223.

“обрела” только то, что и так было у нее, в свою очередь в ущерб себе официально отказавшись “от нашей исторической задачи пробиться когда-либо к берегам Индийского океана”²⁷, а также признав Афганистан находящимся в сфере английского, а не российского влияния²⁸.

Как показали последующие события Первой мировой войны и Февральского переворота 1917 г., опасения А.Е. Снесарева, за которые он был вынужден пострадать в карьерном плане, были более чем обоснованы.

В целом, давая характеристику третьему периоду русско-английской борьбы за контроль над Средней Азией и Афганистаном, А.Е. Снесарев (пошедший во время Гражданской войны в России на службу к большевикам и вынашивавший идею похода Красной Армии через Афганистан в Индию) отмечал то, что англичане, после поражения в третьей англо-афганской войне 1919 г., фактически отказались от установки политического контроля над Афганистаном, “так как ясно понятно, что Афганистан сам по себе беден, слаб и бессилён, что влияние, достигнутое над ним, не сулит ничего определенного”²⁹.

В свою очередь большевистское правительство легко и беспрепятственно установило “непосредственные сношения с Афганистаном, что раньше не давалось, и на каковой акт старое правительство склонно было смотреть, как на *casus belli*. Оказалось, это было простым политическим миражем. Россия имеет теперь в Кабуле своего представителя, посылала в Афганистан свое посольство, принимала в Москве афганскую миссию, имеет с Кабулом систематическую связь. Правда, Англия вела с Афганистаном войну, но, быстро ее выиграв, она ничего победой не приобрела и на сношения России с Афганистаном принуждена смотреть сквозь пальцы... Специалисты давно предвидели подобный исход, и не один раз говорили, что при сильном и решительном языке Англия, по существу, очень слабая в Средней Азии, всегда должна будет пойти на уступки”³⁰.

В ближайшей перспективе, по мнению А.Е. Снесарева, дающего совет большевистскому правительству, Индия все также осталась “самой дорогой, но и самой уязвимой ценностью Англии. Если вы хотите ниспровергнуть господствующего над миром властителя

²⁷ Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 года. С. 199.

²⁸ См.: Там же. С. 200.

²⁹ Снесарев А.Е. Афганистан. С. 223.

³⁰ Там же. С. 229.

или, как иногда говорят, мирового аристократа, то бейте его по Индии; если вы хотите подорвать капиталистическую над миром тиранию Англии — бейте ее по Индии”³¹.

Следует отметить, что такого рода оценка англо-русских взаимоотношений была присуща и другим представителям военно-стратегического направления. Самые разнообразные аспекты российско-британских взаимоотношений, особенности и динамику развития “Большой Игры” затрагивал в ряде своих работ (“Письма о Трансваале”, “Наше положение”, “Величайшее из искусств (обзор современного положения в свете высшей стратегии)”) генерал А.Е. Вандам (Едрихин), который в отличие от А.Е. Снесарева не пошел на службу к большевикам, а воевал с ними, являясь одним из лидеров “Белого движения” в Прибалтике.

В частности, в своей работе “Наше положение” (1912 г.) он отмечал крайне актуальные и для современного периода геополитические особенности развития русского народа и государственности. Прежде всего, А.Е. Вандам акцентировал внимание на геостратегическом, геополитическом, природном и пространственном положениях России и их влияниях на развитие русской внешней политики и государственности. Как отмечал А.Е. Вандам, “несмотря на большие размеры своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях. Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование”³².

Неудовлетворенность русского народа своим существованием, на взгляд А.Е. Вандама, выражалась «в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении “к солнцу и теплой воде”, а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь»³³.

³¹ Снесарев А.Е. Афганистан. С. 229.

³² Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М., 2002. С. 30.

³³ Там же.

Однако это естественное стремление “к солнцу и теплой воде” встретилось с активным противодействием со стороны англосаксонского мира, поэтапно и планомерно реализующего стратегию Анаконды в отношении России. “План этой борьбы, — подчеркивал А.Е. Вандам, — разработанный самыми сильными англосаксонскими умами и доведенный до сведения народа посредством сотен тысяч экземпляров сочинения адмирала Мэхана, сенатора Бевериджа, Джозайи Стронга и других выдающихся своими талантами писателей, заключался, в общих чертах в следующем. Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ. Полная удаленность его от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинувшись законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии. На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия, население которых истощило уже свою творческую энергию. Между тем страны эти нуждаются во многом. Уже одна постройка десятков тысяч верст железных дорог явилась бы широким полем деятельности для русских инженеров, оживила бы русскую промышленность и дала бы русскому народу обильные средства для дополнительного питания и для развития его высоких от природы физических и духовных качеств, что в свою очередь сделало бы его еще более сильным соперником англосаксов”³⁴.

Поэтому англичане, стремясь уничтожить своего основного геополитического конкурента, его военный и торговый флот, но, не имея возможности победить русских в прямом столкновении и, не получая решающих преимуществ в результате натравливания на нее ближайших соседей, приступили к созданию в России (посредством задействования самых разных “политических организаций, которые заинтересованы в разложении России”³⁵, прежде всего масонства) своего внутреннего союзника — нашего внутреннего врага, — “пятой колонны” из террористов и экстремистов самых разных мастей, умело руководя ими при осуществлении спецоперации по реализации в России “русской революции”.

А.Е. Вандам, отдает должное противнику и отмечает рационализм и прагматизм англосаксов в умении достигать поставленных перед собой целей для обретения мировой геополитической гегемонии. В основе могущества Англии лежит, на его взгляд, прежде

³⁴ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 88–89.

³⁵ Там же. С. 89.

всего, не ее пространственное, очень удобное и неуязвимое для континентальных держав стратегическое положение, а “деятельный характер английского народа и изумительные военные способности правящих его классов”³⁶.

“Своими неизменными успехами над материком, — отмечает А.Е. Вандам, — даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, т.е. своим большим и точным знаниям, определенной постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всем этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми лишь с одной рутинной подчиненными”³⁷.

С учетом данного обстоятельства, абсолютно неудивительным, по мнению А.Е. Вандама, является то, что Англия, как правило, предпочитает воевать на суше не своими, а чужими руками. “Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь своих подданных, — подчеркивал ученый, — она снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, палатками, седлами, шанцевым инструментом и т.п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей, обеспечивала материк всеми колониальными товарами”³⁸. При этом, еще активно на этом и зарабатывала.

В долгой борьбе за обретение мировой морской гегемонии, Англия поэтапно одержала победу над всеми своими конкурентами (Голландией, Испанией, Францией). В результате, “сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение, и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы”³⁹.

После разгрома наполеоновской Франции, Англия перенесла свое пристальное внимание на “Россию, ибо, со вступлением на престол Императора Николая I, последняя снова обратилась к своим собственным делам и, начав наступление правым флангом к Сре-

³⁶ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 167.

³⁷ Там же. С. 183–184.

³⁸ Там же. С. 137–138.

³⁹ Там же. С. 150.

диземному морю и Персидскому заливу, могла прорвать здесь английскую блокаду и сделаться морской державой, т.е. дать выход наружу своим глохнувшим взаперти силам и средствам. Ввиду этого, сейчас же став за спиной Турции и Персии для удержания первых наших натисков, англичане вместе с тем начали сосредоточивать к нашему правому флангу силы всей континентальной Европы. Этот маневр, требовавший для своего выполнения многих лет, представляет собою лучшее доказательство того, с какою непрерывностью, последовательностью и искусством работает английский кабинет, независимо от смены стоящих во главе его лиц⁴⁰.

События Крымской войны показали замысел англичан удушить Россию в объятиях стратегии Анаконды. После создания коалиции европейских держав «англо-французские эскадры двинулись к Петропавловску-на-Камчатке, в Белое и Балтийское моря, а главные силы союзного флота и десантная армия направились в Черное море и на Крымский полуостров. С безошибочностью хорошего хронометра подготовив, таким образом, удар и направив его одновременно на все наши побережья, Англия утопила наш Черноморский флот, начинавший уже выдвигать из себя Нахимовых и Корниловых, дотла разорила его базу, сделала Черное море нейтральным и запретила нам строить на нем новые военные суда⁴¹.

От реализации стратегии Анаконды в отношении России англичане не отказались и впоследствии. Вооружив Японию и натравив ее на Россию, в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг., существенно потеснив Россию и уничтожив русский флот в Желтом море, англичане вытеснили «нас с Тихого океана, почти наглухо забаррикадировали весь государственный фронт наш от устья Дуная до устья Амура. Недавний крутой поворот их от открытой вражды к внешнему дружелюбию совершился под давлением весьма серьезных перемен в стратегических условиях на континенте Европы, происшедших в последние годы⁴².

Губительной ошибкой для России, на взгляд А.Е. Вандама, явилось вступление ее в союзе с Великобританией в блок Антанты против Германии (к этому моменту ставшей серьезным конкурентом и соперником Англии), поскольку, как он предвидел, Великобритании удастся столкнуть в кровопролитной общеевропейской войне друг с другом двух своих опасных конкурентов: Россию и Германию. А затем, предельно ослабив их, добиться своих стратегических целей и задач.

⁴⁰ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 141–142.

⁴¹ Там же. С. 144.

⁴² Там же. С. 158.

В своей работе “Величайшее из искусств” (1913 г.) пророчески предсказывая причины, а также весь ход и результаты Первой Мировой войны в том числе и для России, А.Е. Вандам говорит о необходимости создания коалиции континентальных держав (России, Германии и Франции) против Великобритании и ее союзников. На его взгляд, российскому руководству необходимо выработать и, в дальнейшем, скрупулезно придерживаться в своих действиях, полноценной стратегии национального развития, основанной на глубоком понимании ее глубинных интересов и исходящих от англосаксов угроз.

“Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, правильно понимаемых интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный из них — Германия великолепно понимает, что если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии”⁴³.

Схожую позицию с позицией А.Е. Вандама и отчасти А.Е. Снесарева в оценке англо-русского соглашения 1907 г., а также перспектив и последствий участия России на стороне Англии в Первой мировой войне занимал бывший министр внутренних дел, член Государственного Совета **Петр Николаевич Дурново**. В своей Записке Государю-императору Николаю II, датированной февралем 1914 г., П.Н. Дурново дал блестящий и во многом провидческий прогноз возможного хода развития Первой мировой войны, последствия вступления в нее России, предсказав начало революций в России и Германии.

По мнению П.Н. Дурново, центральным местом и фактором в развитии геополитических процессов и человеческой истории начала XX в. является соперничество двух мировых держав — Англии (морской державы) и Германии (державы континентальной), которое неизбежно должно привести не только к вооруженному конфликту между ними, но и между блоками держав, находящимися между собой в союзнических отношениях. Данный конфликт, порожденный несовместимостью их интересов, будет борьбой не на жизнь, а на смерть. Англия, не имея возможности сама окончательно победить Германию в данном соперничестве “постарается прибегнуть к не раз с успехом испытанному ею средству и решиться на вооруженное выступление не иначе, как обеспечив участие в войне

⁴³ Вандам А.Е. Указ. соч. С. 186.

на своей стороне стратегически более сильных держав. А так как Германия, в свою очередь, несомненно, не окажется изолированной, то будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации”⁴⁴.

П.Н. Дурново констатирует, что до событий “русско-японской войны русская политика не придерживалась ни той, ни другой ориентации”⁴⁵, однако после ее завершения внешнеполитический курс России был избран на всесторонне сближение с Англией, образование блока Антанты и скорое в силу этого неизбежное столкновение с Германией и ее союзниками (Австро-Венгрией и Турцией).

Критично оценивая внешнеполитический курс российского правительства, П.Н. Дурново отмечал, что очень “трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные нами в результате сближения с Англией”⁴⁶, которое в скором будущем “неизбежно сулит нам вооруженное столкновение с Германией”⁴⁷.

При этом все тяготы предстоящей мировой войны неминуемо падут на Россию, “так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить и сил, и внимания”⁴⁸. Естественным будет также и то, что эта “война, независимо даже от ее исхода, ослабит Россию и отвлечет ее внимание на Запад”⁴⁹ (от других весьма перспективных направлений).

П.Н. Дурново признавал очевидную неготовность России к неизбежной длительной войне, которая неминуемо приобретет характер войны на истощение. Он писал о недостаточности вооружений, военных, огневых запасов, зависимости оборонной промышленности от иностранной промышленности и поставок товаров и комплектующих из-за границы, восполнить отсутствие которых, в случае блокады портов, будет очень сложно.

⁴⁴ Записка П.Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014. С. 58.

⁴⁵ Там же. С. 59.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁸ Там же. С. 62–63.

⁴⁹ Там же. С. 63.

При этом этот исследователь отмечал, что указанные обстоятельства и факторы не принимаются в расчет российским правительством и дипломатией, «поведение которой, по отношению к Германии, не лишено, до известной степени, даже некоторой агрессивности, могущей чрезмерно приблизить момент вооруженного столкновения с Германией, при английской ориентации, в сущности неизбежного»⁵⁰.

П.Н. Дурново подвергал критике действия российского правительства и ее английскую ориентацию, считая, что «Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией?»⁵¹.

Возможное открытие для России черноморских проливов, как озвучиваемая дипломатами причина заключения союза с Англией, на его взгляд, не является основанием для начала войны с Германией, так как именно «Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря»⁵², а обретение контроля над ними отнюдь не означает получение выхода в открытое море «так как за ними идет море, почти сплошь состоящее из территориальных вод, море, усеянное множеством островов, где, например, английскому флоту ничего не стоит фактически закрыть для нас все входы и выходы, независимо от проливов»⁵³.

В то же время, по мнению П.Н. Дурново, «действительно же полезные для нас и территориальные, и экономические приобретения доступны лишь там, где наши стремления могут встретить препятствия со стороны Англии, а отнюдь не Германии. Персия, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия, Урянхайский край — все это местности, где интересы России и Германии не сталкиваются, а интересы России и Англии сталкивались неоднократно»⁵⁴.

⁵⁰ Записка П.Н. Дурново. С. 64.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ Там же. С. 65.

⁵⁴ Там же. С. 65–66.

П.Н. Дурново отмечал также и тот факт, что в экономической сфере русские пользы, нужды и выгоды отнюдь не вступают в противоречие с немецкими и поражение Германии в предстоящей войне не принесет никаких экономических выгод и дивидендов России (а только ущерб и возможные упущенные выгоды) и, удовлетворит исключительно интересы Британии⁵⁵. Более того, предстоящие расходы на войну превышают не только возможные ее сомнительные выгоды, но и “ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немного, что может быть удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь, после крушения германского могущества, мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая, вследствие победы, политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам”⁵⁶.

Грядущая мировая война, на взгляд П.Н. Дурново, “независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу”⁵⁷. Существуют, отмечал П.Н. Дурново, большие риски того, что в случае неудачного участия в данной мировой войне, “Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению”⁵⁸. Хотя и Германии, по его

⁵⁵ См.: Записка П.Н. Дурново. С. 66–69.

⁵⁶ Там же. С. 69.

⁵⁷ Там же. С. 70.

⁵⁸ Там же. С. 72.

мнению, в случае неудачи, “предстоит пережить не меньшие социальные потрясения, чем России”⁵⁹, так как она потерпев поражение в войне будет лишена своих “мировых рынков и морской торговли, ибо цель войны, — со стороны действительного ее зачинщика Англии, — это уничтожение германской конкуренции”⁶⁰.

Следует отметить, что П.Н. Дурново фактически справедливо рассматривал создание блока Антанты, Первую мировую войну и последующие революционные события в России и Германии, как эпизоды борьбы англичан за мировую геополитическую гегемонию, все продолжающейся “Большой Игры” с Россией, в основе которых лежит желание “Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями”⁶¹. В отказе от союзнических отношений с Англией, налаживании взаимодействия с Германией и другими европейскими странами, он усматривал возможность для России избежать надвигающейся катастрофы. К сожалению, его пророческие предупреждения, так и не были услышаны.

Окончание следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М., 2002.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Записка П.Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. Первая мировая в документах эпохи. М., 2014.
Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003.
Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002.
Снесарев А.Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Избранные статьи. М., 2017.

REFERENCES

- Elishiev S.O.* O sushchnosti “sovremennyh revolyucij” i gosudarstvennyh perevorotov [On the essence of “modern revolutions” and coups d’etat]. М., 2017 (in Russian).
Elishiev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. М., 2018 (in Russian).
Milyutin D.A. Vospominaniya. 1863–1864 [Memories. 1863–1864]. М., 2003 (in Russian).
Snesarev A.E. Afganistan [Afghanistan]. М., 2002 (in Russian).

⁵⁹ Записка П.Н. Дурново.

⁶⁰ Там же. С. 72–73.

⁶¹ Там же. С. 72–73.

Snesarev A.E. Indiya kak glavnyj faktor v sredneaziatskom voprose. Izbrannye stat'i [India as the main factor in the Central Asian issue. Selected articles]. M., 2017 (in Russian).

Vandam A.E. Geopolitika i geostrategiya [Geopolitics and geostrategy]. Zhukovskij; M., 2002 (in Russian).

Zapiska P.N. Durnovo [Note from P.N. Durnovo] // Svet i teni Velikoj vojny. Pervaya mirovaya v dokumentah epohi. M., 2014 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-118-139

ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Данная статья посвящена анализу функций и дисфункций института лоббизма. Такого рода анализа особенно актуален в свете продолжающейся в России и мире дискуссии о природе лоббизма, о том, какое место должен занимать данный институт в политической системе, каким образом избежать его негативных проявлений. Автор стремится к тому, чтобы дать максимально взвешенную оценку преимуществ и недостатков института лоббизма, его роли в политическом процессе, а также возможным способам нивелирования негативных аспектов данного явления. Автор приходит к выводам, что противоречия между функциями и дисфункциями лоббизма были заложены в природе данного института. Возникнув в результате эволюции социально-политических потребностей определенных общественных групп, институт лоббизма не стал формальным институтом, таким как политические партии или парламент. Вместе с тем, он стал важным каналом коммуникации между обществом и государством, институтом, посредством которого происходит артикуляция и агрегирование интересов, групповая и общественная интеграции, формируется актуальная повестка дня. Вместе с тем, эволюция института лоббизма постоянно сопровождается рядом дисфункций. Суть дисфункций заложена в изначально неформальной и теневой природе данного института. Лоббизм не равняется коррупции, однако в силу своей закрытости, неподотчетности и неформальному характеру содержит в себе риски коррупционных отношений, варьирующихся от общества к обществу в зависимости от норм и традиций взаимодействия между организованными группами и государством. Кроме того, огромное и постоянно усиливающееся влияние групп интересов, особенно представляющих бизнес сектор, приводит к диспропорциональной защите частных интересов в угоду общественным. Решению данных противоречий может способствовать исключительно взвешенная государственная политика, направленная на выстраивание такого механизма продвижения и согласования групповых интересов, который отвечал бы в первую очередь общественным потребностям и интересам.

Ключевые слова: лоббизм, институт лоббизма, группы интересов, коррупция, представительство интересов.

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

ON THE ISSUE OF FUNCTIONS AND DYSFUNCTIONS OF LOBBYING

Kanevsky Pavel S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

Current article is devoted to the analysis of the functions and dysfunctions of lobbying. Such analysis is especially relevant in the light of ongoing debate in Russia and across the world regarding the nature of lobbying, what place this institution belong to in the political system, and how to avoid its negative aspects. The author strives to give a balanced assessment of the advantages and disadvantages of the institution of lobbying, its role in the political process, as well as possible ways to level out the negative aspects of this phenomenon. The author concludes that the contradictions between the functions and dysfunctions of lobbying were inherent in its nature. Having emerged from the evolution of socio-political demands of certain social groups, lobbying never institutionalized in the same way as political parties or parliaments. At the same time, it has become an important channel of communication between society and the state, an institution through which the articulation and aggregation of interests, group and public integration occurs, and the current agenda is set. At the same time, the evolution of lobbying is constantly accompanied by a number of dysfunctions. The essence of dysfunction lies in the initially informal and shadow nature of this sphere. Lobbying does not equal corruption, however, due to its closeness, lack of accountability and informal nature, it contains the risks of corrupt relationships, varying from one society to another depending on the norms and traditions of interaction between organized groups and the state. In addition, the enormous and ever-increasing influence of interest groups, especially those representing the business sector, leads to disproportionate protection of private interests for the sake of public ones. The solution to these contradictions can only be facilitated by a balanced state policy aimed at building a mechanism for promoting and coordinating group interests that would primarily meet the public needs and interests.

Key words: lobbying, institution of lobbying, interest groups, corruption, representation of interests.

Актуальность изучения института лоббизма в современном мире связана с тем, что никогда прежде лоббистские отношения не определяли политический ландшафт до такой степени и не получали столь глобального распространения. Пускай эволюция группового влияния происходит разнонаправлено в разных странах, тенденция к его усилению является универсальной. При этом, будучи неизбежной составляющей любой социально-политической системы, лоббизм является многоликим явлением. С одной стороны, это важнейший институт представительства интересов, который исторически возник в обществе как реакция на потребность организованных групп в выражении групповых интересов и донесении их до вла-

стей предрержащих с тем, чтобы данные интересы учитывались при принятии решений и формулировании государственной политики. С другой стороны, развитие лоббизма несет в себе и определенные риски, связанные с неравным доступом различных групп к органам государственной власти, чрезмерным влиянием лоббистов и потенциальными коррупционными отношениями.

Реакция на развитие института лоббизма везде является разной. В одних странах нарастают требования большей прозрачности лоббистской деятельности и раскрытия информации о лоббистах, в других странах лоббизм продолжает существовать в тени политического процесса и в большей степени подчиняется неформальным правилам игры. Но в любом случае лоббизм становится крайне сложно игнорировать как факт общественно-политической жизни, следовательно, требуется более детальное его изучение с целью определения тех функций и дисфункций, которые он выполняет в политической системе.

Данная статья посвящена попытке дать максимально взвешенную оценку преимуществ и недостатков института лоббизма, его роли в политическом процессе, а также возможным способам нивелирования негативных аспектов данного явления.

Главная функция института лоббизма изначально заложена в его природе — это коммуникация между органами государственной власти и группами интересов. Коммуникативная функция осуществляется на основе обмена информацией между группами интересов и лицами, принимающими решения. Л. Милбрайт, одним из первых проводивший эмпирические исследования лоббизма, писал, что “коммуникация является главным способом влияния или изменения мнения; следовательно, лоббизм — это от начала до конца коммуникативный процесс”¹. Р. Дондеро и У. Ланч называют лоббизм “двусторонним коммуникационным процессом”. Они описывают лоббистов, как акторов коммуникации с законодателями, выполняющих роль посредников между законодателями и теми группами общества, которые они представляют².

Задача любой группы интересов и лоббиста заключается в выстраивании максимально эффективной коммуникации с органами власти с целью изменения мнений лиц, принимающих решения, по определенным вопросам. Институт лоббизма обеспечивает донесе-

¹ *Milbrath L. W. Lobbying as a communications process // Public Opinion Quarterly. 1960. Vol. 24. N 1. P. 32.*

² *См.: Dondero R., Lunch W. Interest groups // Oregon Politics and Government: Progressives Versus Conservative Populists / Ed. by R.A. Clucas, M. Henkels, B.S. Steel. Lincoln, 2005. P. 87.*

ние информации со стороны групп интересов до органов политической власти, которая затем может использоваться в обсуждении и подготовке политических решений. Ф. Уэйлер и М. Брандли считают, что власть все больше зависит от экспертной информации и ресурсов, которыми обладают группы интересов. «Политикам не хватает времени, ресурсов и адекватной информации, чтобы быстро реагировать на происходящие изменения и принимать решения. Информация, предоставляемая группами интересов, восполняет нехватку экспертных знаний»³. Сегодня во многих политических системах группы интересов занимают столь важное место в предоставлении экспертной информации для лиц и центров, принимающих решения, что политики и чиновники сами запрашивают у них информацию, выступая, таким образом, инициатором лоббизма.

Другой функцией института лоббизма является артикуляция интересов. По словам Г. Алмонда, «в каждой политической системе присутствуют определенные механизмы, посредством которых граждане и социальные группы выражают свои нужды и требования к правительству»⁴. Выражение своих интересов и их актуализация в политическом пространстве называется артикуляцией. «Обязательным компонентом процесса артикуляции являются так же коллективные действия различных групп граждан. В более крупных политических системах важнейшим инструментом продвижения политических интересов выступают индивиды, объединенные в формальные группы интересов»⁵.

В отличие от более масштабных, но и более размытых форм артикуляции интересов, таких как голосование на выборах, политические протесты, стихийная гражданская активность, лоббизм подразумевает более институционализированные формы артикуляции. Это связано с тем, что группы интересов обычно формально организованны, имеют штат профессиональных сотрудников и целерационально участвуют в политическом процессе. При этом группы интересов могут представлять как свои собственные интересы, так и интересы более широких социальных групп. Например, деятельность профсоюзов направлена на защиту больших групп наемных работников, в то время как основной целью многих частных

³ Weiler F, Brandli M. Inside versus outside lobbying: how the institutional framework shapes the lobbying behaviour of interest groups // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. Iss. 4. P. 747.

⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 122.

⁵ Там же.

корпораций является увеличение прибыли и благополучие самой корпорации.

Напрямую связана с артикуляцией функция агрегации интересов. Агрегация означает отбор и регулирование социальных интересов. За этот процесс отвечают группы интересов и те институты, с которыми они вступают в лоббистские отношения. В частности, функцию агрегации выполняют политические партии, которые выстраивают свои политические программы на основе представляемых ими групповых интересов. В отличие от организованных групп, которые обычно формируются вокруг относительно узких интересов, партии состоят из сложных коалиций граждан и групп, формирующих основу партийных программ, идеологий, внутренней партийной структуры, стиля принятия решений. Но партии — не единственные организации, способные агрегировать интересы. Существуют более сложно устроенные и крупные группы интересов, такие как общественные движения, корпоративные объединения или союзы, которые так же выполняют функцию агрегации интересов. Кроме того, групповые интересы могут агрегировать такие институты как правительственная бюрократия, армия или церковь.

Г. Алмонд и Дж. Коулмен отмечают, что “различие между артикуляцией и агрегацией интересов является весьма зыбким”⁶. Одни и те же группы и организации могут одновременно выполнять функции артикуляции и агрегирования интересов. Это связано с тем, что современные системы представительства интересов обладают сложной и многоуровневой структурой. Например, небольшой профсоюз может быть частью зонтичной конфедерации труда, которая агрегирует интересы профсоюзов со всей страны, но при этом находится в тесных контактах с политической партией. В данном случае и профсоюз, и конфедерация выполняют функции артикуляции и агрегации интересов.

Еще одной немаловажной функцией института лоббизма является формирование повестки дня. Повестка дня — это публичное проблемное поле, которое определяет восприятие и оценку общественных процессов со стороны различных социальных групп и органов власти. Теория повестки дня, в том виде, в каком ее разрабатывали в 1970-е гг. М. Маккомбс и Д. Шоу, изначально была направлена на изучение влияния средств массовой информации на общественное мнение⁷. Тогда американские исследователи выяснили, что СМИ во многом определяют то, каким образом американцы

⁶ Almond G., Coleman G. The politics of the developing areas. Princeton, 1960. P. 39.

⁷ McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media // The Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. N 2. P. 176–187.

воспринимают и оценивают социальные и политические процессы, а также то, как они ранжируют их по степени значимости. Позднее изучение повестки стало включать в себя прочих субъектов ее формирование, в том числе группы интересов.

Группы интересов формируют повестку дня в той мере, в которой они контролируют информационные ресурсы или влияют на распределение информации в публичном пространстве. Лоббизм подразумевает влияние не только непосредственно на лиц, принимающих решения, но и на общественное мнение посредством проведения публичных и медийных кампаний. По словам Т. Биркланда, «группы интересов ведут друг с другом ожесточенную конкуренцию за право определять повестку дня, так как ни у общества, ни у государства, ни у официальных или неофициальных акторов нет возможности выдвинуть все альтернативные решения для всех проблем, возникающие в данный конкретный отрезок времени»⁸.

Группы соревнуются за право не только привлечь общественное или политическое внимание к той или иной проблеме, но также за возможность представить данную проблему в нужном для себя свете и предложить выгодные для себя решения. Кроме того, организованные группы могут стремиться к тому, чтобы снизить степень внимания к определенным проблемам, присутствие которых в повестке мешает реализации их целей и противоречит их интересам.

Институт лоббизма выполняет также интеграционную функцию. В наиболее общем виде, под интеграцией понимаются «процессы взаимозависимости и взаимоответственности членов социальных групп и общностей, которые происходят под воздействием институциональных норм, правил, санкций и систем ролей»⁹. Развитие института лоббизма способствовало групповой интеграции в той мере, в которой внутри них шло осознание существования общих интересов, ценностей, происходило разделение ролей в процессе их включения в политический процесс. Это потребовало от групп упорядочивать свои внутренние структуры, согласовывать основные компоненты системы групповой активности, вырабатывать субординационные взаимосвязи.

Группы интересов, являясь связующими звеньями между социальными общностями и государством, способствуют политической интеграции, то есть включению индивидов и групп в политический

⁸ *Birkland T.* Introduction to the policy process. N.Y., 2015. P. 169.

⁹ *Осипова Н.Г.* Социальные институты. Принципы классификации социальных институтов // *Общая социология. Основы современной социологической теории* / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2017. С. 144–145.

процесс. Согласно Г. Алмонду и С. Вербе, “добровольные группы являются основным средством взаимодействия между гражданином и государством. С их помощью индивиды эффективно и рационально включаются в деятельность политической системы”¹⁰. По мере политической интеграции, группы усиливают координацию в ходе совместной выработки политического курса. Деятельность групп интересов ведет к сближению программных целей как между различными группами, так и между группами и прочими политическими субъектами на основании общности потребностей, интересов и ценностей.

Усиление координации действий на межгрупповом уровне ведет к созданию групповых коалиций. Групповые коалиции представляют собой результат групповой интеграции и являются совокупностью групп интересов, которые объединяются друг с другом на постоянной или временной основе ради удовлетворения общих потребностей и реализации общих интересов. По словам М. Хини и Дж. Лоренца, “групповые коалиции возникают, когда две и более группы интересов начинают взаимодействовать друг с другом ради достижения общих политических целей... Группы интересов вступают в коалиции, чтобы объединить свои возможности и продемонстрировать, что они выступают с позиции консенсуса”¹¹. Одна группа может одновременно быть частью нескольких коалиций, либо предпочитать действовать в одиночку. Однако групповые коалиции являются неотъемлемой частью лоббистских отношений. Динамика групповых коалиций различна — они могут быть временными образованиями, но могут складываться в длительные союзы, которые, в свою очередь, часто трансформируются в организации другого типа: ассоциации, движения или политические партии.

Еще одной функцией института лоббизма является регулятивная. Институт лоббизма способствует закреплению и регламентации норм и правил взаимодействия как внутри групп интересов, так и между группами интересов и государством. Это ведет к рационализации лоббистских отношений, которые во всем большем количестве стран исторически эволюционируют от набора неформальных и зачастую хаотичных практик к более упорядоченным системам норм и правил. Результатом данных процессов является распространение практики закрепления лоббизма на законодательном уровне.

¹⁰ Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Boston, 1965. P. 245.

¹¹ Heaney M., Lorenz G. Coalition portfolios and interest group influence over the policy process // Interest Groups & Advocacy. 2013. N 2. P. 252.

Вместе с тем, институту лоббизма присущи не только функции, но и ряд дисфункций, которые выражаются в нарушении взаимодействия данного института с социальной средой, периодическом падении его общественного авторитета, а так же в снижении его способности эффективно удовлетворять социальные потребности различных групп и слоев общества.

Главная дисфункция института лоббизма так же изначально заложена в его природе — это риск развития и поддержания коррупционных отношений. Как уже было сказано, лоббизм исторически развивался как неформальный институт. Отношения между группами интересов и государством долгое время находились в тени, а лоббисты, ради достижения своих целей, прибегали к самым разным формам и способам воздействия на бюрократов и политиков, включая незаконные.

Вопреки расхожему мнению среди исследователей, слово “лоббизм” изначально не было связано напрямую с коррупционными отношениями. Классическим стало упоминание о 18-м президенте США Улиссе Гранте, якобы называвшего лоббистами собиравшихся в холле (лобби) его гостиницы людей, которые не брезговали моральными ограничениями и всевозможными методами старались получить доступ к президенту с целью оказания давления¹². Однако, по мнению Дж. Шейдлоуэра, филолога из Оксфордского университета, слово лоббист появляется в американском политическом лексиконе задолго до У. Гранта и совершенно не связано с попытками подкупа людей в холлах зданий. Уже с 1830-х гг. данный термин активно использовалось в прессе как синоним общественного давления или учета общественных интересов при принятии ключевых решений¹³.

Впрочем, со временем лоббизм действительно стал обрастать негативными коннотациями и это было связано с тем, что данная деятельность была абсолютно неурегулированной законом, а лоб-

¹² В России популяризации этого представления способствовали А.В. Малько и П.А. Любимов, которые в своих работах приводят цитату из тенденциозной статьи С. Ларина “Кто правит Америкой? Лоббисты”, изданной в Российской газете 6 марта 1943: «...традиция лоббизма уходит корнями в эпоху президентства У.С. Гранта (1869–1877), генерала, снискавшего славу во время гражданской войны в Соединенных Штатах 1861–1865 годов. Вечерами 18-й американский президент и его команда после дневных “трудов праведных” имели привычку снимать стресс в одной из гостиниц, точнее, в ее вестибюле, который назывался “лобби”. Там министры, а так же сенаторы встречались с разными людьми, выслушивали их просьбы и обещали — зачастую небескорыстно, а за звонкую монету — выполнить их».

¹³ См.: A lobbyist by any other name? URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=5167187> (accessed: 22.07.2021).

бизм был это не отменяет того факта, что президентство У. Гранта (1869–1877 гг.) запомнилась большим количеством коррупционных скандалов и лоббисты нередко находились в их центре. В частности, в семи министерствах были вскрыты коррупционные схемы, всевозможные механизмы подкупа и обогащения чиновников, в том числе посредством лоббистов¹⁴. В последующие эпохи лоббисты в США еще не раз оказывались в центре крупных скандалов.

Достаточно вспомнить деятельность Специального комитета по изучению военной промышленности, созданного Сенатом в 1934 г., целью которого было расследование интересов американских частных компаний, интересы которых лежали в основе вовлечения США в Первую мировую войну. Другим известным кейсом, который стал хрестоматийным примером в изучении групп интересов благодаря Э. Шаттшнайдеру, является закон Смута — Хоули. Закон был пролоббирован американскими промышленниками и представителями сельскохозяйственной отрасли, которые хотели защитить свои интересы в результате биржевого краха 1929 г. Однако в итоге данный закон спровоцировал торговую войну между США и Европой, что еще больше обрушило американскую экономику и ввергло страну в состояние депрессии¹⁵.

Лоббистские скандалы не являются редкостью и в современных США, хотя каждый новый президент обещает решить данную проблему, американскую политическую арену периодически сотрясают разного рода истории. Это касалось и президентства Дж. Буша-младшего (дело Джека Абрамоффа)¹⁶, и Б. Обамы (дело Фонда Клинтона)¹⁷, и Д. Трампа (дело Майкла Коэна)¹⁸, и Дж. Байдена (дело Хантера Байдена)¹⁹.

¹⁴ Курилла И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. М., 2024. С. 116.

¹⁵ Schattschneider E.E. Politics, pressures and the tariff. N.Y., 1935.

¹⁶ The fast rise and steep fall of Jack Abramoff // The Washington Post. 2005.28.12. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2005/12/29/the-fast-rise-and-steep-fall-of-jack-abramoff/56987391-1b47-414d-866e-531bc2b0a603/> (accessed: 22.05.2024).

¹⁷ Newly released emails highlight Clinton Foundation's ties to state department // The Wall Street Journal. 2016.10.08. URL: <https://www.wsj.com/articles/newly-released-emails-highlight-clinton-foundations-ties-to-state-department-1470785910> (accessed: 22.05.2024).

¹⁸ What the Michael Cohen scandal reveals about corporate lobbying in the age of Trump // CNBC. 2018.13.05. URL: <https://www.cnn.com/2018/05/11/michael-cohen-scandal-lobbying-in-the-trump-age.html> (accessed: 22.05.2024).

¹⁹ Hunter Biden's foreign dealings spell more trouble ahead // The Wall Street Journal. 2023.22.08. URL: <https://www.wsj.com/us-news/law/hunter-bidens-foreign-dealings-spell-more-trouble-ahead-19e3a465> (accessed: 22.05.2024).

Очевидно, что лоббистские скандалы характерны далеко не только для США, они являются данностью почти любой политической системы, однако не везде они предаются общественной огласке — это зависит от того, насколько свободны СМИ в освещении политической жизни и насколько к данной теме приковано внимание общества. С другой стороны, если бы не было скандалов, связанных с нечистоплотной деятельностью лоббистов, данная дискуссия и конкретные действия государств по контролю за лоббистской деятельностью скорее всего вообще не двигались бы с места.

Хотя коррупционные риски заложены в теневой природе данного института, лоббизм вовсе не обязательно приводит к коррупционным отношениям, таким как подкуп и превышение служебных полномочий. Но скрытая деятельность является благоприятной средой для формирования различного рода неформальных связей, таких как невидимые сети влияния, патрон-клиентские отношения, кумовство, клики, которые могут содержать в себе выраженную коррупционную составляющую. Следовательно, только подотчетность лоббистов перед обществом и государством может дать гарантии того, что теневое влияние не будет приводить к коррупционным отношениям.

Наличие коррупционной составляющей в большей мере зависит не столько от групп интересов, сколько от качества политической системы, институтов представительства и государственной бюрократии. По словам С.В. Васильевой, “грань между цивилизованным и нецивилизованным лоббизмом проявляется не на бумаге, а в конкретных действиях политиков и чиновников, имеющих, либо не имеющих корыстную составляющую”²⁰. Если в государстве существует культура и практика коррупционных отношений, группы интересов будут вынуждены в нее встраиваться с тем, чтобы отстаивать свои интересы.

Важной составляющей снижения коррупционных рисков являются репутационные факторы как со стороны государственных служащих и политиков, так и со стороны лоббистов. Показательным примером является практика регулирования лоббизма в Евросоюзе. Политика прозрачности, применяемая в ЕС с конца 2000-х гг., изменила отношение групп интересов и органов власти к взаимодействию друг с другом. Сегодня группы интересов, действующие на уровне органов власти ЕС, замотивированы добровольно раскрывать свои цели и объекты влияния, так как для них это вопрос престижа и репутации. Как показало исследование А. Бунеа, которая

²⁰ *Васильева С.В.* Цивилизованный лоббизм — средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 116.

проанализировала мнение 632 представителей групп интересов в ЕС, “Реестр прозрачности” (главный реестр лоббистов в Брюсселе) необходим им в той мере, в которой он помогает им достигать своих политических целей²¹. К аналогичным выводам после серии глубоких интервью с представителями зарегистрированных в “Реестре прозрачности” групп интересов пришли А. Настасе и К. Муурманс. Группы интересов относятся к реестру, как к клубу, членство в котором придает статус и позволяет группам интересов избежать обвинений в нарушении принципов открытости и прозрачности²².

Аналогичные процессы можно наблюдать во всем мире. Например, представители GR-отрасли в России точно также понимают риски коррупционных отношений, потому что для них это вопрос профессиональной репутации и статуса. Вопрос заключается в том, каким образом институционализировать подобные нормы прозрачности и профессиональной чистоплотности. Одним из наиболее распространенных способов является внедрение этических кодексов и профессиональных стандартов. И.Е. Минтусов и О.Г. Филатова, проанализировав мировой опыт этических стандартов в сфере лоббизма пришли к выводу, что основными принципами профессиональной этики лоббистов являются “честность, правдивость, открытость, соблюдение закона и норм морали, служение обществу”²³. Этический кодекс должен быть крайне подробным, содержать в себе конкретные нормы снижения коррупционных рисков и урегулирования конфликтов интересов, четкие принципы работы с конфиденциальной информацией, вопросы профессиональной подготовки и переподготовки и пр.²⁴

Профессиональные стандарты, в свою очередь, должны быть направлены на развитие системы подготовки высококвалифицированных кадров, “обладающих знаниями и опытом в таких областях, как политический и административный процесс, юриспруденция, профильные сферы отстаивания интересов”²⁵. Важнейшей целью

²¹ *Bunea A.* Legitimacy through targeted transparency? Regulatory effectiveness and sustainability of lobbying regulation in the European Union // *European Journal of Political Research*. 2018. N 57. P. 378–403.

²² *Nastase A., Muurmans C.* Regulating lobbying activities in the European Union: a voluntary club perspective // *Regulation & Governance*. 2020. N 14. P. 238–255.

²³ *Минтусов И.Е., Филатова О.Г.* Этика GR-коммуникаций в общеевропейской и российской практике: сравнительный анализ // *Вестник СПбГУ*. Сер. 9. 2015. Вып. 4. С. 89.

²⁴ См.: *Павроз А.В.* Этические принципы лоббизма в условиях современной демократии // *ПОЛИТЭКС*. 2015. Т. 11. № 2. С. 93–95.

²⁵ *Кириллина В.Н., Яникеева И.О.* К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // *Бизнес. Общество. Власть*. 2017. № 1. С. 8.

внедрения профессионального стандарта является легитимация самой профессии лоббиста и улучшение ее имиджа как в профессиональном сообществе, так и в глазах общественности.

Хотя ни в одном обществе нельзя полностью исключить возможность коррупции при давлении на органы власти, в большинстве стран данный метод влияния теряет то значение, которое он имел в прошлом, так как при взаимодействии между группами интересов и органами власти все большее значение приобретают не материальные ресурсы, а информационные. М. Дюверже писал по данному вопросу, что основной тенденцией в сфере представительства групповых интересов стал переход от «коррупции к информации», подразумевая, что коррупционные методы продвижения интересов в современном мире уступают место информированию²⁶ (что, впрочем, не исключает коррупционную составляющую).

Наличие и степень распространения коррупционной составляющей в лоббистских отношениях зависит от ряда факторов: политическая культура и культура деловой коммуникации, нормы и ценности взаимодействия между гражданами, организованными группами и органами власти, уровень развития правового государства.

Хотя регулирование лоббизма на политико-правовом уровне является важной предпосылкой искоренения коррупционных отношений в процессе взаимодействия между организованными группами и властью, оно не всегда является гарантией пресечения коррупции. Существуют страны (например, Швеция, Норвегия или Новая Зеландия), в которых лоббизм формально не регулируется законами, однако при этом в них практически отсутствуют коррупционные отношения. В других же странах (например, Польша, Литва, Мексика) лоббизм подлежит государственному регулированию, но это не решает проблему коррупции. Отсюда можно сделать вывод, что лоббизм не равняется коррупции, однако теневой характер лоббистских отношений может приводить к развитию коррупционных отношений, особенно в условиях систематических нарушений на уровне правовой системы, слабости демократических институтов и гражданского общества.

Другой дисфункцией института лоббизма является подмена общественных интересов частными. Данная проблема является предметом многочисленных споров в научном сообществе. Сторонники демократического плюрализма, такие как Д. Трумен и Р. Даль, считали, что главная ценность групп интересов в обществе

²⁶ См.: Павроз А.В. Группа интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006. С. 106.

заключается в том, что, оставаясь самостоятельными единицами, они артикулируют и агрегируют интересы большинства и, таким образом, представляют усредненный общественный интерес²⁷. Такой взгляд превалировал в западной политической социологии в 1940–1960-е гг.

Однако по мере развития альтернативных точек зрения в последующие десятилетия, стало очевидно, что реальность далека от идеальных моделей. По мнению Дж. Берри и К. Вилкокса, “со временем валидность плюралистического видения политики начала ставится под сомнение... Стало очевидным, что одни группы хуже представляют социальные интересы по сравнению с другими. В ряде случаев группы представляют лишь немногочисленные сегменты общества”²⁸.

Представители неозлитизма пошли еще дальше, заявляя, что никакого группового плюрализма не существует, а группы интересов представляют интересы узкой привилегированной прослойки. В частности, Т. Дай и Х. Зейглер пишут, что “хотя номинально группы интересов артикулируют требования масс, в реальности они отражают ценности элиты, включая их собственное руководство. Вместо того, чтобы быть двигателем социальных изменений, организованные группы заинтересованы в поддержании статуса-кво. Влияние групп интересов во многом базируется на их способности мобилизовать финансовые ресурсы, что делает возможности групп неравными”²⁹.

В дискуссии о том, в чьих интересах осуществляется лоббистская деятельность ключевое место занимает категория самого интереса. А.Г. Здравомыслова, невозможно говорить об интересах в отрыве от социальных потребностей. “Потребности тесно связаны с интересами... Действенная сила потребности проявляется тем полнее, чем четче она выражена в интересах социальной общности... По сравнению с потребностями интересы выступают в качестве более непосредственной причины массовых действий. Ни одно социальное действие не может быть понято, если не выяснены интересы, породившие это действие”³⁰.

Интересы не существуют абстрактно, вне индивидов и социальных групп. Интересы всегда направлены на конкретные объек-

²⁷ См.: *Truman D.* The governmental process: political interests and public opinion. N.Y., 1971; *Dahl R.* Who governs? New Haven, 1961.

²⁸ *Berry J., Wilcox C.* The interest group society. N.Y., 2015. P. 10–11.

²⁹ *Dye T., Zeigler H.* The irony of democracy: an uncommon introduction to American politics. Boston, 2008. P. 198.

³⁰ *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 74.

ты, будь то материальные или духовные ценности, социальные институты, общественные отношения, обычаи и порядки. Интересы выходят на первый план, когда достигнут определенный уровень потребностей. «Для одних — это “законные притязания” на сложившийся уровень потребления, для других — это стремление к качественному изменению условий жизни»³¹.

Осознание существования объективных интересов у индивидов и групп в мире политики является важной предпосылкой понимания соотношения формальной и неформальной сторон политических, в том числе лоббистских, отношений. Интересы являются одной из ключевых причин существования неформальных отношений, которые всегда будут соседствовать с устремлениями сделать политический процесс более рациональным. Согласно Дж. Марчу и Й. Олсену, “действия политических акторов определяются не только институциональными ролями и обязанностями, но и их собственными интересами”³². Это в полной мере относится и к институту лоббизма, который исторически возник как ответ на потребность определенных индивидов и групп иметь прямой доступ к власти предрешающим с целью достижения своих интересов.

Поэтому соотношение частных и общественных интересов является важнейшей проблемой генезиса института лоббизма. Лоббизм изначально развивался в русле англо-саксонской либеральной и децентрализованной традиции, в рамках которой основной движущей силой были частные интересы. Эти интересы преимущественно артикулировались на личном или групповом уровне представителями нарождавшейся буржуазии, промышленников, класса собственников. Однако по мере развития социальных систем в XIX в. стали возникать новые политические группы, такие как массовые политические партии, профсоюзы и социальные движения, которые выступали как представители общественных интересов.

Противоречие между частными и общественными интересами проходит красной нитью через всю историю развития института лоббизма. Трактовка данного противоречия в разных обществах напрямую зависит от идеологических предпочтений, экономических и политических норм, традиций и ценностей. Во многих, особенно не англо-саксонских культурах, частный интерес рассматривался как проблема для функционирования всей политической организации общества. Согласно Г. Спенсеру, “политическая организация возникает тогда, когда появляются общественные цели, которые

³¹ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. С. 75.

³² March J., Olsen J. Rediscovering institutions: the organizational basis of politics. L.; N.Y., 1989. P. 159.

не могут быть достигнуты отдельными лицами, преследующими свои частные цели”³³. Активное развитие лоббистских отношений начиная с XIX в., показывало скорее обратную динамику — когда в существующей социально-политической организации, декларирующей верховенство общественного интереса, стали появляться многочисленные частные интересы.

Ключевой вопрос, который возникает при рассмотрении взаимоотношения между частными и общественными интересами, заключается в том, равняется ли сумма частных интересов совокупному общественному интересу? А.Г. Здравомыслов дает ответ на данный вопрос в духе диалектической традиции: “...общий интерес обобщает все частные интересы целого, представляя генеральную линию развития целого”³⁴. Он допускает, что частные интересы могут противоречить друг другу, создавая таким образом конфликтную ситуацию, однако это будет вести к неравенству и замедлению как общих, так и частных интересов.

Частные и общественные интересы являются различными сторонами социальной действительности. И те, и другие существуют реально, они связаны с определенными социальными потребностями и вовлекают в сферу своего действия различные слои и группы. Выдвижение общественных интересов без учета частных интересов оказывается нереалистичным. Но “пренебрежение общими интересами, восприятие их в качестве идей, маскирующих частные интересы иного порядка, ведет к оппортунизму в политике”³⁵.

Постоянное пренебрежение общими интересами в угоду частных интересов ведет к другому риску — чрезмерной концентрации ресурсов и влияния у немногочисленных групп, которые, в конечном счете, окажутся заинтересованными в поддержании статуса и своего привилегированного положения при государстве. Ф.А. фон Хайек называет “правильно построенными” такие социальные институты, в которых “правила и принципы по согласованию соперничающих интересов и нахождению компромиссов в том, что касается преимуществ, примиряли бы конфликтующие интересы и исключали бы возможность предоставления какой-либо одной группе такой власти, которая позволила бы ей всегда ставить свои взгляды и интересы выше всех остальных”³⁶.

В данном тезисе Ф.А. фон Хайека заключается одно из главных внутренних противоречий института лоббизма. Нельзя полностью

³³ См.: *Спенсер Г.* Развитие политических учреждений. СПб., 1882. С. 250.

³⁴ *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. С. 99.

³⁵ Там же. С. 99–100.

³⁶ *Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.

исключить того, что частные интересы будут определять функционирование и развитие данного института, особенно если в обществе и политической системе по отношению к ним не создано необходимых ограничительных механизмов. Эта проблема особенно актуальна для современных рыночных обществ, находящихся во власти неолиберальных идеологий и предоставляющих частным интересам возможности неограниченного влияния на политику государства.

Вместе с тем, концентрация ресурсов ведет к централизации и ограничению возможностей других групп удовлетворять свои потребности. Согласно Ч.Р. Миллсу, «если экономические и политические институты невелики и раздроблены, то в таком случае никто не располагает возможностью предоставить кому-либо крупные материальные преимущества или самому получить их от кого-либо. Но если политические институты и экономические возможности отличаются концентрацией и вместе с тем взаимосвязанностью, то государственные или общественные посты могут быть использованы в целях личной выгоды»³⁷.

При таком социальном порядке у общества должны быть гарантии того, что частные интересы не будут входить в противоречие с общественными интересами, иначе на выходе будут раздробленные групповые интересы, ведущие друг с другом борьбу за доступ к власти. В конечном счете, такая система социально-политических отношений рискует привести к гоббсовской «войне всех против всех», нежели чем к социальной гармонии.

Институт лоббизма действительно способствует неравномерному распределению власти и возможностей, так как у одних групп всегда будет больше ресурсов и шансов на успешное продвижение своих интересов и ценностей, чем у других. Это ведет к тому, что институт лоббизма не может полностью удовлетворить все социальные потребности. Реальная социальная база многих групп интересов часто оказывается более узкой в сравнении изначальными декларациями, в то время как ряд групп интересов, по воле государства и ввиду меньшего количества ресурсов и возможностей, оказываются исключены из процесса формирования повестки и принятия решений.

Вместе с тем, группы интересов являются данностью любой социальной системы, поэтому задача общества и государства заключается в том, чтобы найти баланс между различными группами. В любом обществе существуют разные группы интересов, которые при разных обстоятельствах могут способствовать или, напротив,

³⁷ Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 461–462.

препятствовать реализации общественных интересов. Есть такие группы, которые изначально ориентируются на отстаивание частного, узкокорпоративного интереса. Но существуют и те, что ориентируются на защиту интересов больших социальных групп, например, представителей различных профессий, меньшинств или целых секторов экономики.

В современном мире нет универсального ответа на данную дилемму, так как общественный интерес будет трактоваться по-разному в различных политических системах и обществах, в зависимости от культуры, традиций, распределения социальных ролей и особенностей социальных практик. Так, в рамках либеральных демократий, общественный интерес рассматривается с релятивистской точки зрения — как результат агрегирования многочисленных частных интересов. В таком ключе лоббизм приобретает позитивные оценочные коннотации, потому что является продолжением одного из ключевых принципов либерализма — общественной конкуренции, основанной на соблюдаемых всеми участниками правилами игры. Но если исходить из социал-демократических принципов, то общественный интерес вытекает из обязательных социальных гарантий, предоставляемых государством, которое следит за тем, чтобы между группами интересов не возникало слишком неравных отношений, когда одни побеждают за счет других.

Углубление взаимосвязей между группами интересов и государством привело к развитию еще одной дисфункции института лоббизма — чрезмерному влиянию групп интересов на процесс принятия решений. С одной стороны, наличие групп интересов является гарантией того, что отдельные общественные интересы найдут отражение в государственном курсе. С другой стороны, их влияние может быть столь значительным, что это приведет к дисфункциональности политического процесса и государственного управления.

Развитие института лоббизма может приводить к ситуации, при которой конкуренция между группами интересов за право доступа к органам власти создает условия для игры с непредсказуемым результатом. Данные процессы особенно заметны в условиях неолиберальных рыночных механизмов и децентрализованных политических систем. Это ведет к чрезмерной конкуренции со стороны групп интересов, что нарушает баланс в общей системе групп интересов и создает преграды для достижения компромиссов между различными группами. Ф. Фукуяма называет этот феномен “ветократией”, когда усилие одних групп интересов блокируется другими и в итоге дестабилизирует весь политический процесс. Применительно к США он пишет: “Процесс принятия решений стал чрезмерно демо-

кратичным, из-за чего слишком большое количество акторов получили доступ к формированию политики. США нужны серьезные механизмы поддержания общественных интересов, однако резко возросшая роль групп интересов не позволяют создать подобные механизмы³⁸.

В итоге, входы политической системы не справляются с количеством поступающих запросов и оказываются не в состоянии выдавать адекватные и своевременные решения и действия. Любой проект решения может быть оспорен различными группами или коалициями групп, а политик часто отказывается принимать чью-либо сторону, опасаясь ущерба для собственной репутации. Главным победителем в этой игре оказываются профессиональные лоббисты, которые не знают недостатка в спросе на свои услуги и становятся центральными фигурами в политическом механизме, концентрируя вокруг себя ресурсы власти и влияния.

Противоречия между функциями и дисфункциями лоббизма были заложены в первоначальной природе данного института. Возникнув в результате эволюции социально-политических потребностей определенных общественных групп, институт лоббизма не стал формальным институтом, таким как политические партии или парламент. Вместе с тем, он стал важным каналом коммуникации между обществом и государством, институтом, посредством которого происходит артикуляция и агрегирование интересов, групповая и общественная интеграции, формируется актуальная повестка дня. Развитие регулятивной среды института лоббизма, которое наблюдается в современном мире, ведет к закреплению сложившихся неформальных норм взаимодействия, постепенной формализации взаимодействия между группами интересов и властью. Однако эволюция института лоббизма постоянно сопровождается рядом дисфункций. Суть дисфункций заложена в изначально неформальной и теневой природе данного института. Лоббизм не равняется коррупции, однако в силу своей закрытости, неподотчетности и неформальному характеру содержит в себе риски коррупционных отношений, варьирующихся от общества к обществу в зависимости от норм и традиций взаимодействия между организованными группами и государством. Кроме того, огромное и постоянно усиливающееся влияние групп интересов, особенно представляющих бизнес сектор, приводит к диспропорциональной защите частных интересов в угоду общественных. К тому же усиление влияния лоб-

³⁸ *Fukuyama F.* The decay of American political institutions // *The American Interest*. 2013. Vol. 9. N 3. URL: <https://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed: 10.05.2024).

бистов ведет к дисфункциям в самих политико-управленческих институтах, которые впадают в чрезмерную зависимость от организованных групп. Решению данных противоречий должна способствовать взвешенная государственная политика, направленная на легализацию, легитимацию, большую прозрачность и подотчетность лоббизма.

Впрочем, наличие официальных норм вовсе не означает, что процесс принятия решений ставится под контроль. Лоббизм — это слишком сложный и многоуровневый механизм, чтобы его можно было полностью вывести из поля неформальных властных отношений и сами группы интересов это прекрасно осознают. Таким образом, сталкиваются два противоречащих друг другу вектора. С одной стороны, от общества исходят требования сделать политический процесс более прозрачным, с другой стороны, как группы интересов, так и политики осознают преимущество неформальных отношений и не желают полностью от них отказываться.

Дуалистическое восприятие лоббизма связано с тем, что существуют два полностью противоположных взгляда на природу данного института. Согласно одному из них, лоббизм является отклонением от естественного представительства интересов, осуществляемого избираемыми институтами, и, следовательно, имеет целый ряд дисфункций в механизме функционирования социально-политических систем. Например, в Соединенных Штатах сегодня обсуждаются уже не столько предоставление большей свободы группам интересов и лоббистам, сколько ограничение их влияния. Так как дисфункции заложены в самой природе института лоббизма, может настать момент, когда лоббисты начинают негативно влиять на всю систему социально-политического представительства, не дополняя, нарушая деятельность классических институтов представительства.

Согласно другому взгляду, лоббизм — это, напротив, проявление конституционных демократических прав граждан обращаться напрямую к органам власти с целью отстаивания своих интересов и решения проблем. Спор между сторонниками и критиками плюрализма поставил важнейший вопрос о том, какую роль группы интересов играют в условиях демократии, в какой степени лоббизм является легитимным институтом, что есть важнейшая предпосылка его развития в разных странах мира. Ответ на данный вопрос напрямую зависит от того, в какой степени существующие механизмы продвижения групповых интересов отвечают интересам общества, либо, напротив, способствуют удовлетворению партикулярных, частных интересов.

В конечном счете, группы интересов слишком различны по своей структуре, природе и целям, чтобы можно было говорить о какой-то универсальной конечной цели всех групп, представленных в политическом пространстве того или иного общества. С одной стороны, существуют группы, которые больше ориентируются на отстаивание своего интереса, либо интереса узкого круга лиц, а с другой стороны, те, что ориентируются на защиту интересов больших социальных групп. Конечно, такое деление не является решением проблемы в определении интереса. Например, группы интересов, концентрирующие в своих руках значительные ресурсы, определяют развитие не только отдельной компании или отрасли, а могут влиять на развитие экономики в целом, на занятость населения, распределение социальных благ и гарантий и пр. В этом смысле крупный бизнес точно также может способствовать отстаиванию общественного интереса, как профсоюз или экологическая организация.

В современном мире нет универсального ответа на данную дилемму, так как общественный интерес будет трактоваться по-разному в различных политических системах и обществах, в зависимости от культурных, экономических и социальных факторов. Соотношение сил в данной дискуссии непостоянно, оно меняется вслед за изменениями в структуре власти и влияния, а также вслед за идеологическими колебаниями в среде правящей элиты. Общественная дискуссия, усилия законодателей, бизнеса, гражданского общества, профессиональных сообществ способствуют постепенной институционализации лоббизма, но современным политическим системам еще предстоит пройти долгий путь, чтобы произошли кардинальные изменения в восприятии лоббизма, чтобы он рассматривался обществом в большей степени как функциональный, а не дисфункциональный институт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002.

Васильева С.В. Цивилизованный лоббизм — средство или следствие борьбы с коррупцией // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4.

Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.

Кириллина В.Н., Яникеева И.О. К вопросу о лоббистской деятельности в современной России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 1.

Курилла И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. М., 2024.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 1959.

Минтусов И.Е., Филатова О.Г. Этика GR-коммуникаций в общеевропейской и российской практике: сравнительный анализ // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 9. Вып. 4.

Общая социология. Основы современной социологической теории / Под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М., 2017.

Павроз А.В. Группа интересов и лоббизм в политике. СПб., 2006.

Павроз А.В. Этические принципы лоббизма в условиях современной демократии // ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 2.

Спенсер Г. Развитие политических учреждений. СПб., 1882.

Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000.

REFERENCES

Almond G., Coleman G. The politics of the developing areas. Princeton, 1960.

Almond G., Paujell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naja politologija segodnja. Mirovoj obzor [Comparative politics today]. M., 2002 (in Russian).

Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Boston, 1965.

Berry J., Wilcox C. The interest group society. N.Y., 2015.

Birkland T. Introduction to the policy process. N.Y., 2015.

Bunea A. Legitimacy through targeted transparency? Regulatory effectiveness and sustainability of lobbying regulation in the European Union // European Journal of Political Research. 2018. N 57.

Dahl R. Who governs? New Haven, 1961.

Dondero R., Lunch W. Interest groups // Oregon Politics and Government: Progressives Versus Conservative Populists / Ed. by R.A. Clucas, M. Henkels, B.S. Steel. Lincoln, 2005.

Dye T., Zeigler H. The irony of democracy: an uncommon introduction to American politics. Boston, 2008.

Fukuyama F. The decay of American political institutions // The American Interest. 2013. Vol. 9. N 3. URL: <https://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed: 10.05.2024).

Hajek F.A. Individualizm i jekonomicheskij porjadok [Individualism and economic order]. M., 2000 (in Russian).

Heaney M., Lorenz G. Coalition portfolios and interest group influence over the policy process // Interest Groups & Advocacy. 2013. N 2.

Kirillina V.N., Janikeeva I.O. K voprosu o lobbistskoj dejatel'nosti v sovremennoj Rossii [On the issue of lobbying activities in modern Russia] // Biznes. Obshhestvo. Vlast'. 2017. N 1 (in Russian).

Kurilla I. Amerikancy i vse ostal'nye: istoki i smysl vneshnej politiki SSHA [Americans and Everyone Else: The Origins and Meaning of US Foreign Policy]. M., 2024 (in Russian).

March J., Olsen J. Rediscovering institutions: the organizational basis of politics. L.; N.Y., 1989.

McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media // The Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. N 2.

Milbrath L.W. Lobbying as a communications process // Public Opinion Quarterly. 1960. Vol. 24. N 1.

Mills Ch.R. Vlastvujushhaja jelita [Power elite]. M., 1959 (in Russian).

Mintusov I.E., Filatova O.G. Jetika GR-kommunikacij v obshheevropejskoj i rossijskoj praktike: sravnitel'nyj analiz [Ethics of GR communications in pan-European and Russian practice: comparative analysis] // Vestnik SPbGU. 2015. Ser. 9. Vyp. 4 (in Russian).

Nastase A., Muurmans C. Regulating lobbying activities in the European Union: a voluntary club perspective // Regulation & Governance. 2020. N 14.

Obshhaja sociologija. Osnovy sovremennoj sociologicheskoj teorii [General sociology. Fundamentals of modern sociological theory] / Ed. by N.G. Osipova. M., 2017 (in Russian).

Pavroz A.V. Gruppa interesov i lobbizm v politike [Interest groups and lobbying in politics]. SPb., 2006 (in Russian).

Pavroz A.V. Jeticheskij principy lobbizma v uslovijah sovremennoj demokratii [Ethical principles of lobbying in modern democracy] // POLITJeKS. 2015. T. 11. N 2 (in Russian).

Schattschneider E.E. Politics, pressures and the tariff. N.Y., 1935.

Spenser G. Razvitie politicheskikh uchrezhdenij [Development of political institutions]. SPb., 1882 (in Russian).

Truman D. The governmental process: political interests and public opinion. N.Y., 1971.

Vasileva S.V. Civilizovannyj lobbizm — sredstvo ili sledstvie bor'by s korrupciej [Civilized lobbying — a means or consequence of the fight against corruption] // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2008. N 4 (in Russian).

Weiler F., Brandli M. Inside versus outside lobbying: how the institutional framework shapes the lobbying behaviour of interest groups // European Journal of Political Research. 2015. Vol. 54. Iss. 4.

Zdravomyslov A.G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti [Needs. Interests. Values]. M., 1986 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-140-167

КОНЦЕПЦИЯ ПРОПАГАНДЫ ЖАКА ЭЛЛЮЛЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена критическому анализу концепции пропаганды видного французского ученого Жака Эллюля, который получил широкую известность в российском социологическом дискурсе за счет некорректно приписываемому ему словосочетанию “социологическая пропаганда”, которое на самом деле является неверно сконструированным понятием и в оригинальной трактовке автора звучит как “пропаганда социальная”.

В данной связи главная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы точно и корректно передать оригинальные взгляды автора на феномен пропаганды, но систематизировать их так, чтобы в своей сумме они ставили целостную концепцию пропаганды, которая смогла бы найти достойное место в дальнейшем социологическом и политологическом анализе связанных с ней феноменов. Для этого автор, опираясь на материалы, изложенные в первых главах труда Ж. Эллюля, пытается ответить на группы вопросов. К ним относятся: что понимает Ж. Эллюль под феноменом пропаганды в самом общем смысле? С какими методологическими трудностями связано научное изучение этого феномена? Кто выступает объектом, а кто — субъектами пропагандистского воздействия? Какие конкретно инструменты и механизмы запускают действие пропаганды? Каковы ее цели?

Согласно Ж. Эллюлю, подчеркивает автор, пропаганда представляет собой манипуляцию, направленную на изменение мировоззрения, внушение чуждых идей, внушение иных представлений об отдельном событии или о мироустройстве в целом, а затем — подтолкнуть его к действиям. Следовательно, важнейшим свойством и результатом пропаганды является именно отделение мыслительного процесса от действия и поступков: “...одно выполненное действие делает необратимым пропагандистское влияние. Тот, кто совершает поступок под влиянием пропаганды, уже не может вернуться назад и стать собой прежним”.

Особо значимыми вопросами в концепции Ж. Эллюля автор считает вопросы об основах и содержании пропаганды, проблема последовательности в организации процесса пропаганды, ее эффективности. Заслуживающими внимания являются типологизация и классификация видов и разновидностей про-

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

паганды по Ж. Эллюлю, постановка им вопросов о правдивости и научности пропаганды.

Детального анализа основных положений концепции Ж. Эллюля позволил автору обобщить ряд критических выводов, в том числе о чрезмерной психологизации процесса пропаганды, о неправомерности тезиса о вторичности идеологии по отношению к пропаганде, которая функционирует на практическом уровне ее выражения, а также излишней фетишизации пропаганды, что нивелирует влияние на личность традиционных социальных институтов, и практик.

Ключевые слова: пропаганда, Жак Эллюль, типологизация и классификация видов и разновидностей пропаганды, социальная пропаганда, идеология, технократический подход, психологизация социальных феноменов.

JACQUES ELLUL'S CONCEPT OF PROPAGANDA: A CRITICAL ANALYSIS

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

The present article is devoted to a critical analysis of the concept of propaganda by the prominent French scientist Jacques Ellul, who became widely known in the Russian sociological discourse due to the word combination “sociological propaganda” incorrectly attributed to him, which in fact is an incorrectly constructed concept and in the author’s original interpretation sounds like “social propaganda”.

In this regard, the main goal of this article is to accurately and correctly convey the author’s original views on the phenomenon of propaganda, but to systematize them in such a way that in their sum they form an integral concept of propaganda, which could find a worthy place in further sociological and political science analysis of related phenomena. For this purpose, the author, relying on the materials presented in the first chapters of J. Ellul’s work, tries to answer a group of questions. These include: what does J. Ellul understand by the phenomenon of propaganda in the most general sense? What methodological difficulties are associated with the scientific study of this phenomenon? Who is the object and who are the subjects of propaganda influence? What exactly are the tools and mechanisms that trigger the action of propaganda? What are its goals?

According to J. Ellul, the author emphasizes, propaganda is a manipulation aimed at changing the worldview, indoctrination of alien ideas, indoctrination of other ideas about a particular event or about the world order as a whole, and then — to push it to action. Consequently, the most important property and result of propaganda is the separation of the thought process from action and deeds: “...one performed action makes the propaganda influence irreversible. The one who performs an act under the influence of propaganda cannot go back and become the same person”.

The author considers the questions about the basis of propaganda influence to be especially significant in the concept of J. Ellul. The author considers the questions about the basis and content of propaganda, the problem of consistency in the organization of

the propaganda process, its effectiveness. Noteworthy are the typologization and classification of types and varieties of propaganda according to J. Ellul, his questions about the truthfulness and scientificity of propaganda.

A detailed analysis of the main provisions of the concept of J. Ellul allowed the author to substantiate. Ellul allowed the author to justify a number of critical conclusions, including excessive psychologization of the propaganda process, the inappropriateness of the thesis about the secondary nature of ideology in relation to propaganda, which functions at the practical level of its expression, as well as excessive fetishization of propaganda, which levels the influence of traditional social institutions and practices on the individual.

Key words: *propaganda, Jacques Ellul, typologization and classification of types and varieties of propaganda, social propaganda, ideology, technocratic approach, psychologization of social phenomena.*

В настоящее время, как отмечают специалисты, “немного людей чувствуют себя комфортно с теорией или используют ее производительным способом”¹. Это высказывание вполне применимо к общей социологической теории, интерес к осмыслению которой все больше утрачивается как в среде зарубежного социологического сообщества, так и у отечественных социологов². Утрата интереса у представителей отечественной социологии к разработке общей социологической теории, теоретическим обобщениям, систематизации и аргументированной интерпретации эмпирических материалов повлекла за собой весьма неблагоприятные последствия. Одним из них является то, что анализ достаточно актуальных социальных феноменов производится опосредовано, методом вторичного анализа, когда из за нежелания скрупулезного прочтения первоисточника — оригинального труда известного ученого, который задействуется при подготовке текущей научной работы, определенные его фрагменты часто цитируются по трудам других авторов, в результате чего имеют место некорректные трактовки, контекстуальные ошибки и смысловые искажения. Особенно это очевидно, когда речь идет о пересказе идей автора, родной язык которого недостаточно широко изучается в нашей стране. Примером тому является творчество одного из известнейших исследователей феномена пропаганды, французского ученого Жака Эллюля.

Жак Эллюль (Ellul) (1912–1994) — французский философ, социолог и юрист, участник Движения Сопротивления, профессор университета в городе Бордо. По своим духовно-политическим убеждениям Ж. Эллюль — клерикал-реформатор, проводник идей о

¹ Craib I. Modern social theory. From Parsons to Habermas. Eastbourne, 1992. P. 3.

² См. об этом: *Осунова Н.Г.* Современная социологическая теория. Ч. 2. М., 2020. С. 376–380.

необходимости возрождения подлинной духовности человеческой личности, ее достоинства и ее индивидуальной свободы³.

Социальный прогресс представляет собой по Ж. Эллюлю немолотимое порабощение человека технологией и поглощение личности массовым потребительским, все более регламентированным обществом. Ради материальных благ, приносимых наукой и техникой, люди приносят в жертву индивидуальную свободу и духовные ценности. При этом развитие техники сопровождается вытеснением гуманистических целей техническими средствами достижения эфемерного господства над окружающей природой и природой самого человека. В конечном счете технические средства в возрастающей мере становятся самоцелью безличного “технологического общества”, в котором люди низводятся до роли придатка к машине.

Согласно Ж. Эллюлю в условиях техногенной цивилизации техника, созданная как средство подчинения природной среды человеком, сама становится сплошной средой, делающей природу совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной. В результате происходит фетишизация и демонизация техники, которая превращается в некий абсолютизм — Технику, Машину, порабощающих человека. В результате все компоненты человеческого бытия, включая мысли и чувственность, заполняются механическими процессами. Единственной альтернативой порабощения людей “технологическим обществом” и их “тотального отчуждения” является борьба за индивидуальную, трансцендентную свободу воли, совпадающая с религиозным обновлением человечества. С этих индивидуалистических позиций Ж. Эллюль подвергает резкой критике как современную ему как капиталистическую, так и социалистическую действительность⁴.

В то же время Ж. Эллюль трактует революционные движения как историческую аномалию, как негативную реакцию масс на социально-экономический и научно-технический прогресс. По его мнению, революция, воплощающая в себе стихийный бунт масс, в конечном счете приводит лишь к результатам, прямо противоположным ожидаемым, ущемляет демократию и прокладывает путь деспотическим, тоталитарным режимам.

Основные сочинения Ж. Эллюля — “Введение в предмет церковных реформ”⁵, “Онтологические основы права”, “История ор-

³ Бабосов Е.М. Жак Эллюль // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998.

⁴ Эллюль Ж. Философский энциклопедический словарь // Советская энциклопедия / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М., 1983.

⁵ Introduction à la discipline des églises reformées. P., 1943.

ганизаций” (Т. 1–2, 1955–1956)⁶, “Политическая иллюзия” (1965)⁷, “Аутопсия революции” (1969)⁸, “Этика свободы” (Т. 1–2, 1974)⁹, “Апокалипсис”¹⁰, “Техническая система” (1977)¹¹, и целый ряд других.

Парадоксально, но широкую известность в российском социологическом дискурсе данный ученый получил за счет некорректно приписываемому ему словосочетанию “социологическая пропаганда”, которое на самом деле является неверно сконструированным понятием и в оригинальной трактовке автора звучит как “пропаганда социальная”¹².

В данной связи представляется целесообразным обратиться к основополагающей работе Жака Эллюля, которая в оригинале называется “Пропаганды”¹³, а на русский язык недавно переведена как “Феномен пропаганды”¹⁴ и детально рассмотреть концепцию пропаганды, в ней изложенную, отталкиваясь от официального перевода оригинального текста работы этого популярного ученого.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время социологический анализ пропаганды чрезвычайно актуален, поскольку на несколько десятилетий, в связи с деидеологизацией отечественного социума, он практически выпал из предметного поля социологических дискуссий. Однако он отнюдь не исчез из политической и повседневной практики, в которую активно внедряются, посредством широкого арсенала многочисленных пропагандистских приемов и методов чуждые российскому менталитету идеи, установки и ценности.

Безусловно, главная цель настоящей статьи — точно и корректно передать, отталкиваясь от текста обозначенной работы оригинальные взгляды автора на феномен пропаганды. В то же время, на наш взгляд, целесообразно эти взгляды систематизировать так, чтобы в своей сумме они ставили целостную концепцию пропаганды, которая смогла бы найти достойное место в дальнейшем социологическом и политологическом анализе связанных с ней феноменов.

⁶ Histoire des institutions. Vol. 1–2, P., 1955–1956.

⁷ L'illusion politique. P., 1965.

⁸ Autopsie de la revolution. P., 1969.

⁹ L'ethique de la liberte. Vol. 1–2, P., 1974.

¹⁰ L'apocalypse. P., 1975.

¹¹ Le Systeme technician. P., 1977.

¹² См. подробнее: *Дорцева Е.В.* Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1.

¹³ *Ellul J.* Propagandes. P., 1962.

¹⁴ *Эллюль Ж.* Феномен пропаганды. СПб., 2023.

Для этого, опираясь на материалы, изложенные в первых главах труда Ж. Эллюля, попытаемся ответить на группы вопросов.

К первой группе отнесем следующие вопросы: что понимает Ж. Эллюль под феноменом пропаганды в самом общем смысле? С какими методологическими трудностями связано научное изучение этого феномена? Кто выступает объектом, а кто — субъектами пропагандистского воздействия?

Во введении к своей работе, которое он озаглавил как “Главное предостережение” Ж. Эллюль обосновывает тот факт, что “пропаганда (каким бы словом не называлось это явление на разных языках) представляет собой в современном мире весьма важный феномен”¹⁵, очевидной целью которого является “получение определенного результата” посредством “побуждения к действию”. Другими словами, речь идет об эффективности пропаганды, поскольку “неэффективную пропаганду пропагандой назвать нельзя”¹⁶.

Далее этот автор утверждает, что изучение такого сложного феномена, как пропаганда, сталкивается с многими трудностями. Так, предшествующий опыт его анализа основан на заблуждениях, что пропаганда в основном «представляет собой распространение “слухов”, основанных на лжи», или что “все является пропагандой”, так как в самом деле вся информация в политической или экономической сфере пропитана пропагандой или даже смоделирована ею. Поэтому “признать ту или иную точку зрения значит отказаться от детального изучения феномена, который существует в реальной жизни”¹⁷.

Ж. Эллюль также считает важным отказаться от упрощенных определений, которые вроде бы понятны на первый взгляд, ничего толком не объясняют в таком специфическом и сложном явлении, как пропаганда. К ним он относит определения типа: “пропагандой является любое действие, направленное на изменение мнения или на формирование определенной точки зрения”; “пропагандистом является тот, кто сообщает свои мысли с целью воздействовать на слушателя” (под это определение попадет и священник, и преподаватель, как, впрочем, любой человек, общающийся с другим человеком на неважно какую тему). Безусловный вклад в трансформацию представлений о пропаганде внесли исследования Г. Лассуэлла¹⁸, но затем, по мнению Ж. Эллюля, американские ученые так и остановились на определении, которое они придумали под влиянием

¹⁵ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ *Lasswell H.D. Propaganda technique in World War I. L.; N.Y., 1927.*

идей Лассуэлла в Институте анализа пропаганды: "...это умышленное выражение мнения или осуществление определенных действий человеком или группой лиц с целью повлиять на мнение или поступки других людей или групп, преследуя определенные и заранее продуманные цели с использованием методов психологического воздействия"¹⁹.

В данной связи этот ученый ставит задачу "не сразу придумать свое определение", а всего лишь показать, что "нет единства среди специалистов в этой области по данному вопросу, как нет и определения, которое бы всех удовлетворило". Ему представляется "более уместным приступить к изучению и описанию признаков и свойств пропаганды как вполне реального и распространенного социального феномена"²⁰, но в начале следует уточнить этот термин. Для этого Ж. Эллиоль оперирует "всеобъемлющим пониманием пропаганды" — "пропаганда в широком смысле этого слова объединяет разнообразные действия, а в узком понимании имеет всего лишь институциональный характер. То, что относится к этому понятию, это — совокупность разнообразных техник для организации пропаганды и определенные действия в этом направлении"²¹. При этом он сознательно обходит стороной некоторые аспекты, которые обычно служат предметом исследований, посвященных этому явлению. К таковым этот автор относит исторический аспект возникновения и употребления пропаганды; пропаганду и общественное мнение; психологические основы пропаганды; технологии пропагандистского воздействия; средства пропаганды: масс-медиа и прочие коммуникации. При этом он пытается изучить "достаточно редко попадающие в поле зрения ученых такие аспекты пропаганды, которые далеки от классического представления, предложить другой взгляд на этот феномен, используя не только статистические или абстрактные методы исследования, изучая его новые аспекты, но опираясь, однако, на предшествующие выводы, например в области описания психологических эффектов"²². Соответственно, в опоре на все, что уже известно, его книга делает шаг вперед, поскольку поможет человеку в современном мире осознать, что будучи окружен пропагандой со всех сторон, "он должен научиться противостоять этому явлению, которое обуславливает его поведение и заставляет принимать решения"²³.

¹⁹ Эллиоль Ж. Феномен пропаганды. С. 7–8.

²⁰ Там же. С. 9.

²¹ Там же. С. 11.

²² Там же.

²³ Там же. С. 12.

На первых страницах первой главы “Признаки пропаганды” Ж. Эллюль опирается на утверждение о том, что “пропаганда — это универсальный социальный феномен”, при любом режиме “...если не брать во внимание специфическую идеологию, эту исключительно данному режиму присущую специфику, то остается нечто общее для всех типов пропаганды, некие общие характерные черты, свойственные всем режимам и вне зависимости от идеи и способа ее распространения”²⁴. Следовательно, “нет никакой возможности избежать ее влияния”²⁵, “воздействие пропаганды всемогуще”²⁶. “Пропаганда — центральное звено в механизме, в устройстве любого порядка, обеспечивающего сцепление шестеренок, отвечающих за функционирование общества”²⁷.

В данной связи Ж. Эллюль в первую очередь ставит вопрос об объекте пропаганды, современные методы которой базируются “на знании законов психологии человека и законов существования человеческого общества. Теперь нужно знать психологию человека, понимать его потребности и желания, обладать знанием в области психологии личности, а также в сфере социальной психологии, чтобы изобретать пропагандистские приемы и методы”²⁸. По его мнению, “современная пропаганда должна быть прежде всего обращена одновременно и к индивиду, и к массам”²⁹. “Это означает, что индивидуум рассматривается не как отдельный элемент со своими индивидуальными особенностями, а как часть целого, в нем вычлениваются те черты, которые в большинстве встречаются и у других индивидуумов этой массы, особенно в том, что касается восприятия, особенностей мышления, распространенных заблуждений. Только общее принимается во внимание, так создается усредненный типаж, и, если пропаганда рассчитана на него, то она будет иметь успех”³⁰.

Следует отметить, что подобная точка зрения на объект современной пропаганды, на наш взгляд, отнюдь не нова. В свое время ее озвучил пионер исследований пропаганды Эдвард Бернейс, когда писал о так называемой “новой пропаганде”. Новая пропаганда, по мнению Э. Бернейса, “принимает в расчет отдельную личность и даже не массовое сознание, а анатомию общества в целом, со всеми ее пересекающимися группами и приверженностью определенным

²⁴ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 13.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 15.

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ Там же. С. 23.

³⁰ Там же. С. 24.

убеждениям. Она рассматривает человека не как простую клетку социального организма, но как клетку, являющуюся частью общественного устройства. Стоит коснуться нервного окончания в чувствительной точке — вы получите автоматическую реакцию конкретных элементов организма»³¹.

И далее, когда Ж. Эллиуль обосновывает эффект от суммарного пропагандистского воздействия на отдельных индивидов, он фактически опирается (или даже повторяет) идеи известных работ С. Сигеле, Г. Тарда и Г. Лебона, посвященные психологии толпы — «бесструктурного скопления людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим элементом внимания»³². Они подчеркивали, что поведение индивидов в толпе, характеризуется усилением внушаемости, раздражительности, подражательности, эмоциональности и социально-психологического заражения³³. «Эмоциональность, импульсивность, возбудимость, яркое проявление чувств — все эти свойства, характерные для индивидуума, усиливаются, когда индивидуумы собираются вместе, и пропаганда не может не воспользоваться этим»³⁴, подчеркивал и Ж. Эллиуль.

Развивая эту идею, он утверждал, что «все слушатели представляют собой некое сообщество и влияют друг на друга, не подозревая об этом. То же происходит, если вспомним о пропаганде, осуществляемой в виде частных визитов или по принципу “от двери до двери” (сбор подписей под петицией): на первый взгляд создается впечатление, что каждый участник мероприятия не связан с остальными, но это не так, ведь все они незримо объединены в группу, каждый, кого посетили, разделяет взгляды этой группы и получает послание из одного источника, что также немаловажно, как и те, кто примкнет к группе в будущем: достаточно какой-либо партии или административной верхушке обозначить некую идею, как тут же выделяется часть населения, разделяющая эту идею, она превращает их в сообщество, она их скрепляет»³⁵. «Аналогично и с пропагандой: она должна быть обращена к каждому человеку не персонально, а как к члену группы, как составной части толпы. Чтобы быть эффек-

³¹ Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2023. С. 35.

³² Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998. С. 370.

³³ См.: Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893; Тард Г. Общественное мнение и толпа / Под ред. П.С. Когана. М., 2015; Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2022.

³⁴ Эллиуль Ж. Феномен пропаганды. С. 24.

³⁵ Там же. С. 25.

тивной, она должна только казаться персонализированной, так как нельзя забывать, что масса состоит из индивидуумов, что толпа — это группа людей”³⁶.

“Вот почему современная пропаганда использует структурную форму толпы, но обращается к персонально к каждому индивидууму, оба действия должны происходить одновременно, согласованно. Разумеется, этот эффект достигается благодаря современным методам массовой коммуникации, которые позволяют произвести оба этих действия в один момент: распространиться на всю толпу и достучаться до каждого в этой толпе”³⁷, — заключал исследователь.

Согласно Ж. Эллюлю, ведение пропаганды “требует стратегии”, поскольку она обязательно должна отвечать следующим условиям.

Во-первых, “пропаганда должна быть тотальной”³⁸. Во-вторых, она “должна действовать непрерывно и очень долго. Непрерывно — значит, она не должна оставлять белых пятен и лакун по мере воздействия, <...> а очень долго — означает, что она должна длиться безостановочно”³⁹. “Вот почему мы не можем назвать настоящей пропагандой предвыборную агитацию, длящуюся от силы две недели”⁴⁰. Следовательно “пропаганда должна действовать непрерывно, подготавливая психологический климат, настраивая сознание человека на восприятие определенных схем, чтобы он не понял потом, что подвергся пропагандистскому влиянию и не выстроил против них защиту”⁴¹.

При этом он выдвигает достаточно спорный тезис о том, что пропаганда “погружает человека в особый мир, который не должен иметь пересечения с реальностью”⁴². Спорность этого тезиса заключается в том, что в основе пропаганды не может быть только вымышленных фактов — на самом деле в основе любого пропагандистского воздействия лежат реальные события и персонажи, на что в свое время указывали Г. Лассуэл и другие исследователи данного феномена. Но этот тезис, по-видимому, необходим ученому именно для того, чтобы обосновать конкретный механизм пропагандистского воздействия на объект, которое, по сути, описывает как скрытое. “Он (человек, объект — *Прим. Е.Д.*) ни в коем случае не должен во время размышлений или медитации почувствовать, что стано-

³⁶ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 25.

³⁷ Там же. С. 26.

³⁸ Там же. С. 38.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Там же. С. 41.

⁴¹ Там же. С. 42.

⁴² Там же. С. 39.

вится объектом пропаганды, что неизбежно случается, когда поток пропаганды прерывается. Ведь тогда человек выскальзывает из-под ее влияния. Напротив, если все организовано правильно, то в каждый момент своей жизни человек находится внутри иллюзорного мира пропаганды: афиши бросаются в глаза, из громкоговорителей льется поток нужной информации, он читает газету, смотрит телевизор, идет на митинг, а вечером смотрит кино, — и все пропитано пропагандой»⁴³.

Но именно отталкиваясь от обозначенных условий, Ж. Эллюль выводит требование к субъектам пропаганды: «...заниматься пропагандой могут позволить себе особые структуры, которые содержат средства массовой коммуникации, умеют их правильно использовать, могут подсчитать эффект от их деятельности и чередовать кампании. Но все это касается организации структуры пропаганды, т.е. административных решений. Каждое современное государство предполагает наличие министерства Пропаганды, как бы оно там не называлось на самом деле. Нужны подготовленные специалисты в области психологии, опытные социологи, технари по производству кино и радиопередач. Тем самым, пропаганда нуждается в институционализации, ей нужен “аппарат”, (“аппарат” в немецком понимании этого слова): для нее надо строить особую Структуру»⁴⁴.

В данной связи особое место в работе Ж. Эллюля отводится лицам, осуществляющим пропаганду от имени системы — пропагандистам. С пропагандистом, как полагает исследователь, “достаточно просто: тот, чьи слова и поступки являются пропагандой, и есть пропагандист”⁴⁵. При этом сущность пропагандиста у Ж. Эллюля достаточно амбивалентна.

С одной стороны, “пропагандист — всего лишь технар, вмешивающийся в личную жизнь человека и обрушивающий на него всю силу своих инструментов давления, средств пропаганды, оставаясь холодным и равнодушным к этим орудиям, решая с их помощью чисто технические задачи, в то время как его пациент — просто человек, которого надо спасти или принести в жертву в зависимости от поставленной задачи”⁴⁶. С другой стороны, “именно человеческий контакт глаза в глаза при принятии решений играет решающую роль. Слова, произнесенные по радио, воспринимаются издалека или вовсе не воспринимаются, а для того, чтобы придать им сходство с человеческим общением, нужно подобрать эмоциональные

⁴³ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 39.

⁴⁴ Там же. С. 42.

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 49.

краски, добавить теплоты, создать эффект присутствия”, т.е. пойти на всякие ухищрения, придуманные пропагандой⁴⁷. Поэтому пропагандист для Ж. Эллюля — фигура всегда достаточно лицемерная — общение с ним — “фальсификация, имитация, пародия, так как всегда чувствуется, что это — подмена, что за человеком стоит Система. Когда такого рода коммуникацию пытаются выдать за человеческое общение, чаша лжи и лицемерия нашего мира переполняется, даже если никто этого сразу не в силах осознать”⁴⁸. Но при этом — достаточно компетентная, хорошо обученная и подготовленная.

Так, для массовой обработки общества Пропагандист должен виртуозно владеть искусством комбинирования разных видов пропаганды как настоящий дирижер оркестра. С одной стороны, ему надлежит постоянно держать руку на пульсе общественных настроений и понимать, какой именно стимул следует в данный момент употребить, организуя пропагандистскую кампанию, а с другой стороны, он должен последовательно использовать разные пропагандистские приемы, учитывая взаимосвязь между ними⁴⁹.

Еще пропагандист должен уметь «пользоваться не только всеми инструментами пропаганды, но различными способами ее внедрения в массы. Их существует множество, но сейчас преобладают наипростейшие, не учитывающие их специфичность и большую эффективность при их комбинации. Прямой пропаганде, направленной на изменение общественного мнения, должна предшествовать более мягкая обработка общества, ориентированная на создание благоприятной атмосферы, предпосылок для пересмотра взглядов, своего рода подготовка к прямому воздействию. Тут уместно подчеркнуть, что пропаганда “в лоб” никогда не будет эффективной без предварительной подготовки, которая заключается в том, чтобы заронить сомнение в общепринятом мнении, без какого-либо давления подменить стереотипы, распространить слухи, не демонстрируя истинных намерений, показать как-бы незначай соответствующие картинки»⁵⁰.

Итак, пропагандист, по Ж. Эллюлю, — это искусный манипулятор, который сам никогда не верит тому, к чему призывает. Но для эффективных и тотальных пропагандистских манипуляций ему “следует использовать все возможные технические средства, имеющиеся в его распоряжении. В основном такие как пресса, радио,

⁴⁷ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 49.

⁴⁸ Там же. С. 48.

⁴⁹ Там же. С. 31–32.

⁵⁰ Там же. С. 35.

ТВ, кино, афиши, собрания, митинги, личное общение, сарафанное радио. Все эти средства должны быть использованы в современной пропагандистской деятельности. Нельзя считать пропагандой, если время от времени появляется, то статья в газете, то афиша, то радиопередача”⁵¹.

При этом этот исследователь дифференцирует действия пропагандиста и масс-медиа: “...пропаганда действием, основанная на личном контакте, предполагает однонаправленное влияние, а вот пропаганда посредством масс-медиа действует как правило разнонаправлено. То же правило применимо и к организации пропаганды при разделении функций: тот, кто действует при непосредственном контакте с толпой, должен использовать однонаправленную агитацию <...>, в то же время тот, кто занимается разработкой стратегии пропаганды, должен находиться в изоляции от толпы”⁵². В то же время ученый подчеркивает, что «важно понимать, что пропаганда, в зависимости от средства воздействия, работает по-разному — каждое средство коммуникации имеет свои особенности и они же ограничивают его эффективность. Каждое, взятое по отдельности, не может воздействовать на индивида, сломить его сопротивление, изменить сознание. Кинофильм влияет не так, как газетная статья, он вызывает другие эмоции, заставляет реагировать иначе. Поэтому действовать нужно по разным каналам одновременно”⁵³. Однако “не стоит рассчитывать исключительно на работу с массами посредством СМИ: личные контакты, работа с малыми группами тоже признаны эффективными”⁵⁴. Другими словами, “пропаганда по природе своей прибирает к рукам все, что может пойти ей на пользу”⁵⁵, — заключает ученый.

Далее Ж. Эллюль ставит вопросы: Какие конкретно инструменты и механизмы запускают действие пропаганды? Каковы ее цели? поскольку “пропаганда не может существовать в пустоте, она нуждается в инструментах, которые являются ее же составной частью”⁵⁶. “Речь идет о том, чтобы достучаться до каждого в толпе и до толпы в целом. Пропаганда старается подобраться к человеку со всех сторон, внушить ему не только какую-то идею, но и поменять образ мыслей, заставить чувствовать иначе, воздействуя на эмоции, подчиняя волю, внушая потребности, действуя на сознание и на ин-

⁵¹ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 27–28.

⁵² Там же. С. 38.

⁵³ Там же. С. 28.

⁵⁴ Там же. С. 32.

⁵⁵ Там же. С. 34.

⁵⁶ Там же. С. 45.

стинкты, вторгаясь в его частную жизнь, манипулируя им в публичной сфере. Она внушает ему и систему глобального мироустройства, и одновременно способ действия в этой системе»⁵⁷.

Следует отметить, что именно с этого момента открывается инновационный момент в концепции Ж. Эллюля — это эффективность и результативность пропаганды, которая состоит в запуске желаемого для пропагандиста действия ее объекта. Так, «пропагандой можно назвать только тот факт, когда психологическое воздействие на индивидуума приводит к тому, что он так или иначе начинает действовать»⁵⁸.

Механизм действия пропаганды, согласно Ж. Эллюлю, начинается с того, что «пропаганда создает некий миф, легенду о мироустройстве и заставляет индивида в нее поверить, подчиняя себе целиком его разум, не оставляя возможности для иной интерпретации, пресекая попытки усомниться. Этот миф завоевывает все пространство сознания, не оставляя повода для сомнений и лакун для инакомыслия. Человек вдруг оказывается закрытым для другой точки зрения, он даже не осознает, что уже втянут в секту. Созданный миф полностью контролирует его сознание, и человек более не доступен для других идей, представлений, интерпретаций»⁵⁹. «Там, где возникают разногласия, попытки объяснить другую позицию, дать отличную от общепринятой точку зрения, пропаганда не может считать свою победу окончательной. Она в таком случае сжимает круг своих сторонников, оставляя только единомышленников, а тех, кто не согласен, пытается не слушать или просто игнорирует. Крайний случай пропаганды заключается в том, чтобы даже противников перетянуть на свою сторону или хотя бы использовать их в своих интересах»⁶⁰.

Отсюда Ж. Эллюль выводит главное свойство и цели пропаганды. «Она как правило представляет собой *манипуляцию* (курсив наш — Е.Д.), направленную на изменение мировоззрения, внушение чуждых идей, внушение иных представлений об отдельном событии или о мироустройстве в целом. Ее цель — заставить человека «поверить» в другую идею, стать сторонником другой доктрины, поменять точку зрения. Безусловно, это вполне интеллектуальная задача, иначе говоря, пропаганда — это дело веры, религии, мировоззрения»⁶¹. Например, «если человек марксист по убежде-

⁵⁷ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 29–30.

⁵⁸ Там же. С. 44.

⁵⁹ Там же. С. 29–30.

⁶⁰ Там же. С. 30.

⁶¹ Там же. С. 48.

ниям, надо разрушить в нем веру в идеалы марксизма и сделать из него антимарксиста. Ну, и так далее. Для этого нужно использовать все механизмы психологической обработки, но также и воззвать к его разуму. <...> Надо пытаться его переубедить, навязать другую идеологию, подавить волю, приучить к другим идеалам, заставить принять другую веру. Затем, когда его убеждения радикально изменятся, что станет понятно по тому, что и как он говорит, можно допустить его к действиям. Но, честно говоря, сегодня такой путь неприемлем, представляется устаревшим. <...> Сейчас основная цель пропаганды не столько изменить мировоззрение человека, сколько подтолкнуть его к действиям. Уже не важно, во что он верит, но важно заставить его действовать. Пусть у него не будет выбора, пусть он действует рефлекторно. Уже не так важно, какое у него мнение, достаточно, чтобы он поверил в легенду и был готов к активным действиям”⁶². Следует отметить, что подобная посылка, которую отстаивает Ж. Эллюль, достаточно точно отражает процесс разработки сценариев современных революций и государственных переворотов⁶³.

“Другими словами, — продолжает Ж. Эллюль, — такое действие не должно рождаться под действием размышлений и в результате поиска верного решения. Чтобы добиться эффективности пропагандистской деятельности надо замкнуть мысль на немедленную реакцию, надежнее всего в этом случае воздействовать на подсознание. Нельзя, чтобы человек почувствовал, что на него кто-то или что-то воздействует извне, именно это — одно из условий успешной пропаганды”⁶⁴.

Таким образом, считает Ж. Эллюль, он доказал, что цель пропаганды в современном понимании этого слова состоит в том, чтобы *ее результатом стал поступок, действие, акция*. Так, если в классическом понимании пропагандистское воздействие должно привести человека, к примеру, к принятию православной веры, то современная, истинная пропаганда должна заставить его исполнять православные обряды, не задумываясь над тем, какие ценности несет в себе христианская религия, в чем суть православной веры, в чем отличия от католической, то есть его участие в обрядах неосознанно и не представляет собой желаемое им действие, он не ищет в них смысл и высшее предназначение, это то, что предполагал добиться от него оператор-пропагандист. Именно он задумал эти действия —

⁶² Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 50.

⁶³ См. об этом: *Осипова Н.Г., Елишев С.О.* Революции и государственные перевороты. Теория, история и практика. М., 2023.

⁶⁴ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 52.

как цель, и он с помощью имеющихся у него пропагандистских инструментов манипулирует человеком, заставляя его совершать те или иные поступки⁶⁵.

Следовательно, важнейшим свойством и результатом пропаганды является именно отделение мыслительного процесса от действия и поступков: "...одно выполненное действие делает необратимым пропагандистское влияние. Тот, кто совершает поступок под влиянием пропаганды, уже не может вернуться назад и стать собой прежним"⁶⁶.

Достаточно места в своей работе Ж. Эллюль отводит проблеме последовательности в организации процесса пропаганды, в котором он выделяет две фазы — суб-пропаганду (пре-пропаганду) и активную фазу пропагандистского воздействия.

Первая фаза — подготовительная, имеет своей целью “мобилизовать человека, подготовить его, сделать его мобильным, восприимчивым к тому, чтобы в нужный момент он поддался влиянию и совершил нужное действие”⁶⁷. Поэтому “надо заставить человека жить в специально настроенной атмосфере, чтобы сделать податливым его сознание”. Для этого, утверждает ученый, “Есть два подходящих и давно известных способа, позволяющих на этапе пре-пропаганды достичь этого эффекта: условный рефлекс и создание мифа”⁶⁸.

Под словом “миф” он имеет в виду глобальное видение, движущую силу, своего рода желанную цель всей жизни, не нуждающуюся в материально осязаемом воплощении, но зато яркую, манящую, заключающую в себе все самое ценное в жизни, способное вытеснить из сознания то, что с этим никак не согласуется. Это та сила, которая двигает человека изнутри, подталкивает к поступкам, так как в ней заключается весь смысл его существования, справедливость и прочие блага, за которые он готов бороться⁶⁹.

Какие мифы, по его мнению, были созданы именно путем пропаганды? Это миф о расовом превосходстве, миф о вожде, о социалистическом обществе, миф об общественном благе. “Создание мифа заключается в том, чтобы заставить человека поверить в то, что этот миф — реальность, в которой нужно жить или к которой нужно стремиться”⁷⁰.

⁶⁵ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 54.

⁶⁶ Там же. С. 57.

⁶⁷ Там же. С. 59.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 60.

⁷⁰ Там же. С. 60.

Однако работа по созданию мифа требует временных затрат и кропотливой пропагандистской работы, не стоит рассчитывать на мгновенный результат, поэтому и формирование условного рефлекса и создание мифа должны “происходить постоянно, человек неизменно должен быть окружен пре-пропагандистскими маневрами, чтобы в нужный момент пропаганды, которая случается спорадически, время от времени, он был готов к запланированному поступку”⁷¹.

Вторая фаза, активной пропаганды, должна иметь другие результаты. В данной связи “пропагандист должен быть хорошо знаком с аудиторией, на которую он собирается распространить пропагандистское влияние, понимать ее чаяния и господствующие настроения, знать ее структуру, состав и распространенные предубеждения”⁷². “Необходимым условием для начала работы является понимание особенностей, сложившихся стереотипов, ведущих мифов и социологическая оценка групп, входящих в ее состав”⁷³.

Далее, по мнению Ж. Эллюля, следует четко выверить методы и содержание пропагандистских действий в соответствии с ожидаемыми результатами пропаганды. Дело в том, что пропаганда — это не просто совокупность поливалентных технологий и средств, применимых неважно к кому с заранее известным результатом. Ее технология состоит в том, чтобы “надежно просчитать, какие методы нужно использовать, чтобы добиться нужного действия в зависимости от особенностей индивидуума, на которого воздействует пропаганда”⁷⁴. На данной фазе также задействуется правило пропаганды, которое Ж. Эллюль формулирует следующим образом: “... никогда не стоит воздействовать напрямую на устоявшееся мнение, обоснованную позицию, стойкий стереотип или превалирующие взгляды. Если пропагандист рассчитывает легко и быстро изменить массовое сознание, это — плохой пропагандист”⁷⁵. Следовательно, не надо идти против общественного мнения, наоборот, надо его использовать в пропагандистской работе. Ведь у каждого индивида имеется набор стереотипов, представлений, оценочных суждений и схем, надо только выбрать то, с чем легче будет работать, что, обладая максимальной силой, скорее позволит привести индивида к желаемому действию⁷⁶.

⁷¹ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 61.

⁷² Там же. С. 63.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 65.

⁷⁵ Там же. С. 65.

⁷⁶ Там же. С. 66.

Особо значимыми вопросами в концепции Ж. Эллюля являются вопросы об основах и содержании пропаганды: "...пропаганду нельзя создать на пустом месте, невозможно из ничего сделать что-то. Она должна базироваться на каком-либо чувстве, на какой-то идее, предварительно уже существующем у индивида"⁷⁷.

"Пропаганда, идущая вразрез с фундаментальными основами общества, являющимися реальными, с одной стороны, так как представляют собой базис, на котором общество строится, а с другой стороны — психологическими, так как в полной мере присущи и человеку, не имеет шансов быть успешной. А в том случае, если пропаганда основывается на настроении масс, учитывает принятые в обществе идеалы и ценности, выражает их, она будет услышана и принята"⁷⁸.

Кроме того, "если вдруг пропаганда попытается убедить человека в пользу устаревших способов производства, старомодных форм управления, отживших стандартов социального устройства, ей не добиться успеха, хотя реклама иногда удачно ссылается на старые добрые времена, но политическая пропаганда не может позволить себе использовать этот аргумент. Эта последняя должна рисовать заманчивые образы светлого будущего, что особенно важно, если ее цель — привести человека к действию"⁷⁹.

Следует отметить, что мысль о "светлом будущем" — не только важная составляющая абстрактного процесса пропагандистского воздействия, о котором пишет Ж. Эллюль, но и мощный стимул, активно используемый для управления массами в любые времена. Возвращение "старых добрых времен", "золотого века из прошлого" при активном принижении настоящего — характерная черта многих радикальных политических построений, имеющих целью или подтолкнуть массы к активным выступлениям или, наоборот, унять их чрезмерную активность. Особенно ярко этот момент обосновывает известный исследователь Э. Хоффер в своем бестселлере "Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения". В частности, этот ученый отмечал: любое массовое движение, как кажется, "борется за настоящее против прошлого. Оно рассматривает существующие порядки и привилегии как вмешательство дряхлого, отвратительного прошлого в чистое настоящее. Но чтобы освободиться от мертвой хватки прошлого, требуется предельное единство и безграничное самопожертвование. Это зна-

⁷⁷ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 67.

⁷⁸ Там же. С. 71.

⁷⁹ Там же. С. 74.

чит, что народ, призванный свергнуть прошлое для освобождения настоящего, должен с энтузиазмом навсегда и во всем отказаться от настоящего. Абсурдность такого положения очевидна. Поэтому с дальнейшим развитием неизбежен перенос удара: первоначальная цель — настоящее — снимается со сцены, а его место занимает потомство — будущее⁸⁰. Поэтому, продолжал Э. Хоффер, “все массовые движения стараются унижить настоящее, изображая его ничтожным шагом к славному будущему, простым половичком на пороге золотого века”⁸¹.

Продолжая разговор о содержании пропаганды, Ж. Эллюль подчеркивает, что по своей форме “пропаганда должна отражать как традиционные, так и современные тенденции в обществе. С одной стороны человека можно заинтересовать и мобилизовать к действию, если совместить его внутренние убеждения с тем, что исподтишка предлагает ему пропаганда. С другой стороны, ему будет малоинтересна тематика пропаганды, если она будет далека от современности”⁸². Поэтому «употребляемые в пропаганде темы, сюжеты должны нести в себе заряд энергии, вызывать интерес, ломать барьеры безразличия в человеке; слова как “пули” должны проникать в мозг, вызывать сразу серию ассоциаций, зажигать и будоражить. Не стоит употреблять устаревшие слова, не надо также их специально повторять многократно с целью “вдолбить” в сознание»⁸³.

Эффективности пропаганды способствуют, по мнению Ж. Эллюля, два обстоятельства. Первое из них — это способность человека забывать то, что ему неинтересно или неприятно, что очень полезно для пропагандиста: он всегда может сослаться на то, что ранее сказанное, услышанное, доказанное, проверенное уже просто стерлось из памяти⁸⁴. Второе — неосознанная защитная реакция индивида, его способность не замечать противоречий, не обращать внимания на то, с чем он не согласен. Таким образом он бессознательно защищает себя от избытка информации, сохраняет целостность своего внутреннего мира. Но есть и другая сторона: “...человек по мере того, как он воспринимает события только поверхностно, не вникая в их суть, забывая и отказываясь от того, что произошло вчера, обре-

⁸⁰ Хоффер Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004. С. 86.

⁸¹ Там же. С. 87.

⁸² Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 77–78.

⁸³ Там же. С. 82.

⁸⁴ Там же. С. 83.

кает себя на фрагментарное восприятие собственной жизни, непонимание связи между причиной и следствием, между прошлым и будущим”⁸⁵.

Безусловно, заслуживающими внимания являются типологизация и классификация видов и разновидностей пропаганды по Ж. Эллюлю. Так, в первой части своей работы он выделяет скрытую и прямую пропаганду, имеющую “совершенно разные цели и задачи”⁸⁶. Первая, которую еще часто называют “черной пропагандой, не обнаруживает своих целей, предназначения, авторов и их намерений. Народ не догадывается о том, что его обрабатывают, подсказывают ему образ мыслей, формируют его отношение к происходящему. Прямая, иначе говоря, белая пропаганда не скрывает своих намерений, ее автор известен, цели обозначены. Однако на деле имеет место смешение методов черной и белой пропаганды, когда белая пропаганда использует приемы черной пропаганды, а черная — прикрывается технологиями белой, то есть когда открыто объявляется, что для работы с населением используется пропаганда, объявляются ее методы, обозначаются задачи, назначаются ответственные. Однако, все это лишь прикрытие, чтобы притупить защитные механизмы человеческой психики и переключить внимание. Тем временем другие люди, остающиеся в тени, обрабатывают общественное сознание совсем в другом направлении, стараясь вызвать иные настроения, используя сопротивление, возникшее на фоне реакции на белую пропаганду”⁸⁷.

В дальнейшем, в специальном разделе “Виды пропаганды” первой главы своей работы Ж. Эллюль отмечает, что “можно было бы дать название видам пропаганды в зависимости от режима, которому она служит. Это верно, например, у американской пропаганды нет ничего общего с советской пропагандой”. Но все же, «прежде всего, нужно отличать *пропаганду политическую от пропаганды социальной* (курсив наш — Е.Д.). Именно о первой — политической пропаганде все думают, когда произносят слово “пропаганда”». Здесь речь идет о механизмах воздействия на общественное мнение, используемых правительством, партией, администрацией, группой влияния и пр. с целью изменить его в свою пользу. Темы подобной пропаганды “чаще всего политические, как и цели и задачи. К политической пропаганде относятся <...> гитлеровская, сталинская, пропаганда ФНО и других активистов. Именно такого рода пропа-

⁸⁵ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 83.

⁸⁶ Там же. С. 36.

⁸⁷ Там же. С. 37.

ганда логично отличается от рекламы: у последней цели экономические, а у первой — политические”⁸⁸.

Однако, продолжает ученый, есть и гораздо более сложный феномен отчасти трудно определяемый, включающий в себя широкий спектр разного рода мероприятий, с помощью которых любое общество стремится вобрать в себя как можно большее количество индивидов, подогнать всех своих членов под один формат, унифицировать строй, образ жизни, распространить свои устои во вне и таким образом навязать свой порядок другим группам. Ж. Эллюль называет такого рода пропаганду “социальной” для того, чтобы “указать, что вся группа, каждый индивид этого социума, осознанно или нет, принимает участие в процессе и подчеркнуть, что это воздействие касается, прежде всего, именно стиля жизни, а не воззрений, взглядов или даже поведения”⁸⁹.

Этот ученый утверждает, что механизм влияния, определенный им как социальная пропаганда, гораздо более сложный для изучения и редко учитываемый. Признаки, по которым его можно определить, таковы: по сути, речь идет о проникновении идеологии во все сферы общества⁹⁰.

“Социальная пропаганда рассеяна повсюду, с трудом поддается вербальному описанию и не выражается в конкретных символах”⁹¹. Существенным признаком такой пропаганды является то, что она выстраивается спонтанно и в ней отсутствуют специально обученные пропагандисты. Точнее, ее осуществляет целый полк пропагандистов, которые этим занимаются, сами того не желая, которые действуют в одном направлении, не отдавая себе в этом отчета⁹², без специального плана воздействия⁹³. Кроме того, “она опирается на те же стереотипы и подчиняется тем же правилам, что и обычная пропаганда, использует распространенные в обществе мифы и вызывает те же эмоции, т. е. воздействует на индивида похожим образом”⁹⁴. Ж. Эллюль также утверждает, что “социальная пропаганда действует мягко. Она осторожно приучает людей к новой среде обитания, ненавязчиво вводит новые представления об истине, благодушно предлагает новые этические

⁸⁸ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 106.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 108.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 109.

⁹³ Там же. С. 109.

⁹⁴ Там же. С. 110.

ские нормы, но кончается все тем, что внутренний мир индивида полностью перекраивается»⁹⁵.

Еще одно различие, которое, по мнению Ж. Эллюля следует установить внутри глобального понятия о пропаганде — это агитационная пропаганда и пропаганда сотрудничества, «различение между которыми в некотором смысле соответствуют определениям Ленина, которое он давал таким понятиям, как “Агитация” и “Пропаганда”, с той лишь разницей, что смысл этих терминов противоположен тем, которые мы сегодня вкладываем в эти же понятия сегодня. То есть целесообразно различать агитацию, пропаганду к подрывной деятельности (по отношению к противнику) и пропаганду сотрудничества (по отношению к тому же противнику)»⁹⁶.

Далее, отмечает этот ученый, существует пропаганда рациональная и иррациональная. “В иррациональном характере пропаганды никто не сомневается, и это на самом деле так и есть. Именно здесь проходит грань между пропагандой и информированием: последнее предоставляет факты, предназначенные для осмысления, и обращено к опыту. Пропаганда обращена к чувствам, к страстям и потому — иррациональна. В ней, разумеется, есть что-то от реальности, но реальность гораздо сложнее”⁹⁷. Но, к сожалению, различие между этими двумя видами, обозначено им достаточно нечетко — примером рациональной пропаганды служит реклама: автомобили, например, или бытовая техника рекламируются в опоре на реальные технические новшества, доказанные усовершенствования, но судя по предыдущим посылкам исследователя, реклама и пропаганда — очевидно различные вещи.

В своей работе Ж. Эллюль также поднимает вопросы о правдивости и даже научности пропаганды. В частности, он отмечает, что «чаще всего понятие пропаганды связывают с ложью, измышлениями, называют ее враньем, считая, что иначе быть не может. Эту точку зрения в свое время выразил А. Гитлер, утверждая, что чем больше лжи, тем скорее публика в это поверит. Отсюда, по его мнению, проистекают две позиции по отношению к пропаганде: первая — “мы не станем жертвами пропаганды, потому что способны отличать правду от лжи”. Это очень удобная для пропаганды позиция, так как пока люди уверены, что им сообщают правду, они не считают это пропагандой, тем самым они делаются для нее

⁹⁵ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 110.

⁹⁶ Там же. С. 119.

⁹⁷ Там же. С. 139–144.

более доступными, легковверными»⁹⁸. «Вторую позицию можно сформулировать так: “мы ни за что не поверили собеседнику, так как *все*, что он говорит — это неправда”. Но стоит “собеседнику” хоть в чем-то доказать свою правоту, как мнение меняется на прямо противоположное»⁹⁹. “Однако, во-первых, пропаганда может с легкостью базироваться на осуждении лжи, основываясь на факте, который на самом деле реально существовал, но который с трудом поддается проверке. В такого рода упражнениях преуспел Хрущев: он с возмущением обвинял во лжи тех, кто руководил страной до него, чтобы убедить всех в правдивости своих собственных заявлений”¹⁰⁰. Во-вторых, если событие или цифры составляют часть пропаганды, “можно проверить их достоверность, но обычно факты представляются таким образом, что слушатели или читатели не могут понять, откуда они взяты, или не понимают, какие выводы можно сделать из представленной информации. Приведение цифр в рамках пропаганды — очень удобный способ манипулирования, если трудно понять, насколько они не согласуются между собой и противоречивы”¹⁰¹.

В данной связи Ж. Эллюль обращает внимание на множество способов умалчивания или искажения правды, среди которых видное место занимает техника использования пропагандой публикаций о реальных фактах в рамках которой запускается механизм внушения, который американцы именуют термином “барбуяж” (пачкотня, грунтовка, зачистка сознания). “Согласно этой технике факты излагаются таким образом, чтобы вовлечь читателя в водоворот событий социального характера. Кратко и четко предоставляя аудитории неоспоримые факты, надо сделать так, чтобы выводы на их основе были очевидны. В итоге получается, что абсолютное большинство людей делают одинаковые выводы, таким образом формируется обобщенное мнение. А в такой ситуации никто не сможет пойти против мнения большинства”¹⁰².

Еще одна технология “допустимой лжи, к которой прибегает пропагандист, заключается в том, что он ни в коем случае не может разоблачать истинные намерения того, в чью пользу он ведет пропаганду. Пропаганда, напротив, должна служить ширмой для этих планов и истинных намерений”¹⁰³. В результате “получается,

⁹⁸ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 91.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 94.

¹⁰¹ Там же. С. 95.

¹⁰² Там же. С. 97.

¹⁰³ Там же. С. 98.

что пропаганда сообщает населению как раз то, что делать никто не собирается, причем говорит это убедительно, словно это — чистая правда. Так говорят обычно о мире, об истинных ценностях, о социальной справедливости”¹⁰⁴.

В отношении научности пропаганды Ж. Эллиуль утверждает, что “пропаганда мало-помалу становится наукой, изобретая, исходя из практического опыта, новые правила, более жесткие и строгие. Любой пропагандист невольно изобретает все более действенные приемы и изощренные методы, которыми любой другой может воспользоваться. Как и в других сферах, обобщенные технологические приемы становятся научной базой для дальнейшего развития отрасли”¹⁰⁵. На наш взгляд, данное утверждение не представляется достаточно обоснованным — все предыдущие аргументы исследователя в отношении сущности пропаганды его опровергают — пропаганду никогда не относили, и вряд ли будут — к науке, поскольку это практика, которая лишь в определенных случаях может иметь специальное научное обоснование.

Среди аргументов в защиту научного характера пропаганды, которые приводит Ж. Эллиуль, — тщательный анализ условий, в которых она уместна, а также тех людей, для которых она предназначена. “Известно, что определенный тип пропаганды дает отличный результат в одних условиях, но может быть совершенно бесполезен в других, и если уж предпринимать пропагандистскую акцию с целью добиться определенного результата, то следует заранее продумать способы воздействия, используя социологические методы и психологические приемы для оценки ситуации. Они уже известны, но для хорошей подготовки специалистов в области пропаганды необходимо тщательно продумать систему подготовки соответствующих кадров”¹⁰⁶.

В любом случае, “не вызывает сомнений, что пропаганда уже не есть случайный набор действий”¹⁰⁷, а “научная теория под тот или иной вид пропаганды всегда найдется”¹⁰⁸, — заключает исследователь. Следует отметить, что данный тезис не находит серьезного развития в главах анализируемой работы Ж. Эллиуля. Однако похожий по сути вопрос поднимал выдающийся французский социолог Раймон Будон. Этот ученый обращался к исследованию самых различных социальных феноменов, которые, как он считал, следует

¹⁰⁴ Эллиуль Ж. Феномен пропаганды. С. 101.

¹⁰⁵ Там же. С. 20.

¹⁰⁶ Там же. С. 21.

¹⁰⁷ Там же. С. 21–22.

¹⁰⁸ Там же. С. 22.

попытаться определить и объяснить рационально¹⁰⁹ и предлагает определять идеологии как доктрины, основанные на научных теориях, имеющих ложное основание, либо правильно обоснованных, но неверно интерпретированных¹¹⁰. Согласно Р. Будону, интеллектуал может играть самые различные роли в процессе распространения научных теорий и информации в обществе. Он принимает активное участие в производстве и передаче информации. Так, ученый-социолог предлагает решение актуальной социальной проблемы (продуцирует информацию), а журналист, специализирующийся в социальных вопросах, пишет и публикует об этом статью (передает информацию). При этом возникает целый ряд возможностей намеренного или непреднамеренного искажения распространяемой информации — теории или идеи¹¹¹.

В следующих главах своей работы Ж. Эллюль попытался ответить на следующие вопросы: как работает пропаганда? Каковы условия эффективности пропагандистского влияния? В чем выражаются последствия пропаганды в социально-политической сфере? Он также попытался обосновать необходимость пропаганды и обозначить ее психологические эффекты, а также обозначить взаимосвязь пропаганды и идеологии, выстроив “новую парадигму отношений между пропагандой и идеологией”. Согласно концепции Ж. Эллюля в настоящее время “пропаганда больше не нуждается в идеологии”, хотя последняя все еще играет определенную роль по отношению к ней¹¹². Просто современный пропагандист уже не является тем человеком, который “верует”, а становится просто техническим исполнителем, применяющим в своей работе материальные стимулы и психологические приемы, становясь со временем циником, презирающим людей и идеологические доктрины¹¹³.

Вот именно эта посылка и задает, на наш взгляд, ключевое основание для критического анализа изложенной выше концепции пропаганды Ж. Эллюля.

Во-первых, эта концепция представляется чрезмерно психологизированной, и, хотя можно согласиться с Ж. Эллюлем, что “не стоит упускать из виду психологическое влияние: оно — необходимый инструмент пропаганды”, все же структура и организованное пропагандистское действие именно в социально-политическом

¹⁰⁹ Ideologie // Boudon R., Besnard P., Cherkaoui M., Lecuyer B. Dictionnaire de la sociologie. P., 1999. P. 118.

¹¹⁰ Boudon R. L'idéologie, ou l'origine des idées reçues. P., 1986. P. 45.

¹¹¹ Ibid. P. 45.

¹¹² Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 314–313.

¹¹³ Там же. С. 314.

контексте имеет первостепенное значение¹¹⁴. В этой связи не совсем убедительным представляется определение пропаганды, данное Ж. Эллюлем, которую он, по сути, сводит к манипуляции.

Однако учеными доказано, что пропаганда существенным образом отличается от феномена манипулирования под которым понимается “деятельность организаций и отдельных лиц, целью которой является воздействие на людей, подчинение их своим (экономическим, политическим и специфическим частным) интересам”¹¹⁵. Пропаганда подразумевает под собой целенаправленный коммуникативный процесс передачи конкретной аудитории, с помощью специальных средств и методов, специальной информации, способной оказать воздействие на ее мнение, установки, в конечном счете — на мировоззрение и последующее поведение, но далеко не всегда вопреки их интересам. Поэтому основным методом является убеждение, поскольку именно убеждения, в том числе и социально приемлемые в определенном обществе) формируют основу мировоззрения, а “истинная вера”¹¹⁶ в правильность выбранного жизненного пути направляет дальнейшее поведение человека уже независимо от того, находится он под влиянием непосредственным пропаганды или нет. Манипулирование же, как правило, преследует кратковременные цели (привлечь, завлечь, получить желаемое, обмануть), соответственно манипулятивное воздействие имеет более кратковременный, хотя и весьма ощутимый социально отрицательный эффект.

Во-вторых, в история социально-политических учений, в трудах выдающихся классиков социально-политической мысли убедительно доказано, что “влиянию идеологического контекста подвержено все человеческое мышление, за исключением математики и некоторых областей естествознания”¹¹⁷, а сам факт влияния идей и идеологий как на политическую жизнь современного общества, так и на отдельных его членов не вызывает сомнения. Сознательно, или неосознанно, любой человек опирается на набор политических убеждений и ценностей, которые руководят его поведением¹¹⁸. В данной связи представляется неправомерным тезис о вторично-

¹¹⁴ Эллюль Ж. Феномен пропаганды. С. 47.

¹¹⁵ Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 2. М., 2018. С. 36.

¹¹⁶ См. об этом: Хоффер Э. Истинноверующий. М., 2004.

¹¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1955. С. 22.

¹¹⁸ Heywood A. Political ideologies. An introduction. L., 1998. P. 1.

сти идеологии по отношению к пропаганде, которая функционирует на практическом уровне ее выражения.

В-третьих, сквозь все работу Ж. Эллюля проводится идея о тотальности феномена пропаганды, ее довлеющем на общество характере. Тем самым получается, что кроме пропаганды других видов социального воздействия на индивидов и их отдельные группы не существует. Тем самым автор упускает из виду влияние на граждан традиционных и современных социальных институтов, а также механизмы социализации.

Таким образом, следует согласиться с позицией отечественных авторов, которые утверждают, что Ж. Эллюль рассматривает пропаганду с технократических позиций — как технологию, “как средство произвольной манипуляции сознанием и поведением людей, а идеологию сводит просто к интеллектуальной технологии, в которой идейное содержание вытесняется техническими средствами массовой коммуникации”¹¹⁹. И хотя, безусловно, влияние современных коммуникационных технологий на сознание и поведение людей не вызывает сомнений, но все преувеличивать масштабы этого влияния вряд ли оправдано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабосов Е.М. Жак Эллюль // Новейший философский словарь. Минск, 1998.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1955.

Бернейс Э. Пропаганда. СПб., 2023.

Дорцева Е.В. Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. № 1.

Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2022.

Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Ч. 2. М., 2020.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Революции и государственные перевороты. Теория, история и практика. М., 2023.

Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. трудов. Вып. 2. М., 2018.

Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893.

Социологический энциклопедический словарь / Ред.-коорд. Г.В. Осипов. М., 1998.

Тард Г. Общественное мнение и толпа / Под ред. П.С. Когана. М., 2015.

Хоффер Э. Истинноверующий: личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004.

Эллюль Ж. Феномен пропаганды. СПб., 2023.

¹¹⁹ Эллюль Ж. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983.

REFERENCES

- Babosov E.M.* Zhak Ellyul' [Jacques Ellul] // Novejshij filosofskij slovar'. Minsk, 1998 (in Russian).
- Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social Construction of Reality]. М., 1955 (in Russian).
- Bernejs E.* Propaganda [Propaganda]. SPb., 2023 (in Russian).
- Boudon R.* L'idéologie, ou l'origine des idées reçues. P., 1986.
- Craib I.* Modern social theory. From parsons to Habermas. Eastbourne, 1992.
- Dorceva E.V.* Fenomeny propagandy i kontrpropagandy v sisteme sociologicheskogo znaniya [Phenomena of Propaganda and Counter-Propaganda in the System of Sociological Knowledge] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2024. N 1 (in Russian).
- Ellul J.* Propagandes. P., 1962.
- Ellyul' Z.H.* Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary] / Gl. redakciya: L.F. Il'ichyov, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalyov, V.G. Panov. М., 1983 (in Russian).
- Ellyul' Z.H.* Fenomen propagandy [The Phenomenon of Propaganda]. SPb., 2023 (in Russian).
- Heywood A.* Political ideologies. An introduction. L., 1998.
- Hoffer E.* Istinnoveruyushchij: lichnost', vlast' i massovyje obshchestvennye dvizheniya [True Believer: Personality, Power, and Mass Social Movements]. М., 2004 (in Russian).
- Ideologie* // Boudon R., Besnard P., Cherkaoui M., Lecuyer B. Dictionnaire de la sociologie. P., 1999.
- Lasswell H.D.* Propaganda technique in World War I. L.; N.Y., 1927.
- Lebon G.* Psihologiya narodov i mass [Psychology of Peoples and Masses]. М., 2022 (in Russian).
- Osipova N.G.* Sovremennaya sociologicheskaya teoriya [Modern Sociological Theory]. Ch. 2. М., 2020 (in Russian).
- Osipova N.G., Elishev S.O.* Revolyucii i gosudarstvennye perevoroty. Teoriya, istoriya i praktika [Revolutions and Coups d'état. Theory, History and Practice]. М., 2023 (in Russian).
- Sigele S.* Prestupnaya tolpa. Opyt kollektivnoj psihologii [Criminal crowd. Experience of collective psychology]. SPb., 1893 (in Russian).
- Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'* [Sociological encyclopedic dictionary] / Red.-koord. G.V. Osipov. М., 1998 (in Russian).
- Tard G.* Obshchestvennoe mnenie i tolpa [Public opinion and the crowd] / Pod red. P.S. Kogana. М., 2015 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-168-196

КРИЗИС ИНСТИТУТОВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Ю.А. Холоденко, канд. экон. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются социальные изменения, происходящие в глобальной системе мирового хозяйства. Исследованы причины кризиса сложившегося после Второй мировой войны международного социально-экономического и политического порядка, главными из которых являются идеология и практика неокolonизма и попытки организовать жизнь мирового сообщества, опираясь не на нормы и принципы международного права, а на сформулированные мировым меньшинством и выгодные исключительно этому меньшинству некие “правила”. В статье определены социально-экономические факторы глобальных социальных трансформаций, которые подрывают основы либеральной глобализации. Среди них — усиление роли развивающихся стран в мирохозяйственных связях, стремящихся к формированию многополярного мира как содружества равноправных народов и установлению более справедливой системы международных политических и экономических отношений. Особое внимание уделено углублению глобального неравенства и обострению противостояния между Севером и глобальным Югом. Обоснован объективный характер происходящих в мире социальных изменений. Подтверждена значимость политики российского государства, направленной на укрепление национального суверенитета, в том числе в сфере экономического развития, в условиях жестких экономических и политических санкций, введенных против нашей страны коллективным Западом.

Ключевые слова: глобализация, мирсистема, неолиберализм, социальные изменения, социальный порядок, глобальный Юг, неокolonизм, многополярный мир, глобальное неравенство, кризис “государства благосостояния”, цифровая трансформация.

* Холоденко Юрий Александрович, e-mail: hol.u@mail.ru

THE CRISIS OF THE INSTITUTIONS OF LIBERAL GLOBALIZATION: NEW OPPORTUNITIES FOR GLOBAL DEVELOPMENT

Kholodenko Yurii A., Ph.D. Econ. Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Public Administration, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: hol.u@mail.ru

The article examines the social changes occurring in the global system of the world economy. The causes of the crisis that arose after the Second World War in the international socio-economic and political order are explored, the main of which are the ideology and practice of neo-colonialism and attempts to organize the life of the world community, relying not on the norms and principles of international law, but on those formulated by the world minority and beneficial exclusively to this for the minority there are certain “rules”. The article identifies socio-economic factors of global social transformations that undermine the foundations of liberal globalization. Among them is the strengthening of the role of developing countries in world economic relations, striving to form a multipolar world as a community of equal peoples and establish a more equitable system of international political and economic relations. Particular attention is paid to the deepening global inequality and the aggravation of the confrontation between the North and the global South. The objective nature of the social changes taking place in the world is substantiated. The importance of the Russian state’s policy to strengthen national sovereignty, including in the field of economic development, was confirmed in the conditions of harsh economic and political sanctions imposed against our country by the collective West.

Key words: globalization, world system, neoliberalism, social change, social order, global South, neocolonialism, multipolar world, global inequality, crisis of the welfare state, digital transformation.

Противоборство двух мировых социально — экономических систем завершилось в 1991 г. распадом СССР, политическим и идеологическим поражением реального социализма. Тогда казалось, что в сообществе наций наступает эра всеобщего благоденствия, основанного на принципах равноправия, демократии и взаимовыгодного сотрудничества. Ф. Фукуяма сформулировал поддержанную многими исследователями, в том числе и в нашей стране, концепцию “конца истории”. Действительно, еще тридцать лет назад ценности либеральной демократии и рыночной экономики рассматривались как безальтернативные. Ведь именно они являлись идеологической основой социально-экономического и политического порядка, который, по мнению экспертного сообщества, обеспечил странам Запада победу в холодной войне, создав в мировом общественном

мнении позитивный образ демократического правового социального государства. Стандарты материальной и духовной культуры общества потребления, социальные практики, нормы и принципы управления, применяемые в индустриально развитых странах, стали почти повсеместно внедряться (не без участия, а нередко в результате прямого давления) во многих государствах, граждане которых не всегда были готовы к их восприятию. Либерализация стала мощной движущей силой интернационализации во всех сферах общественной жизни. Глобальное социальное взаимодействие приобрело всеобъемлющий характер. Оно способствовало трансформации базовых принципов организации общественной жизни, превратившись в один из важнейших факторов глубоких социальных изменений. Казалось, что либеральная глобализация приобрела необратимый характер.

Конечно, не все политические элиты и простые люди в силу особенностей национального менталитета сумели адаптироваться к динамике и характеру глобальных социальных перемен. Нередко изменения воспринимались негативно, ибо в них видели угрозу сложившемуся социальному порядку и системе базовых ценностей. Вместе с тем либеральная глобализация привела к ускорению темпов роста мировой экономики, расширению масштабов международной торговли, формированию глобальных потребительских рынков и рынков ресурсов, что позволило облегчить доступ фирмам к современным технологиям, а домашним хозяйствам — к высококачественным товарам и услугам ведущих мировых производителей. Столь динамичные позитивные социально-экономические перемены актуализировали идею формирования единого мирового сообщества на базе единой системы “общечеловеческих” ценностей на фоне “заката суверенитета” и подрыва фундаментальных основ национальной идентичности.

Было бы преувеличением сказать, что мировое научное общество однозначно позитивно оценивало подобные перспективы. Многие специалисты в области общественных наук (А. Франк, С. Амин, С. Хантингтон, И. Валлерстайн и др.) подчеркивали противоречивость, неоднозначность протекающих после окончания холодной войны социальных процессов, акцентируя внимание на их негативных последствиях. Так, И. Валлерстайн неоднократно указывал на эксплуататорский характер либеральной глобализации, целью которой, по его мнению, является создание конкурентных преимуществ для западных государств путем “концентрации определенных типов производства (сравнительно монополизированного и потому высокоприбыльного производства) в определенных огра-

нических зонах, которые именно в силу этого становятся центрами наиболее высокого накопления капитала”¹. Он же еще на рубеже XX–XXI столетий предсказывал неизбежную гибель сложившейся системы международных отношений как исчерпавшей внутренние резервы социально — экономической динамики. По его мнению, «современная мир-система близится к своему концу. Потребуется, однако, по меньшей мере еще пятьдесят лет предсмертного кризиса, т.е. “хаоса”, прежде чем мы сможем надеяться выйти к новому социальному порядку»².

Действительно, с точки зрения экономической науки сложившаяся модель глобализации носит рыночный, капиталистический характер. Между тем целью капиталистического производства, в основе которого лежат либеральные ценности — экономическая свобода и жесткая конкуренция, выступает максимизация прибыли. Национальные границы сдерживают развитие капитализма, поэтому интернационализация производства и капитала является объективным процессом. Либеральная глобализация обостряет конкуренцию на международных рынках. В конкурентной борьбе побеждает сильнейший. Поэтому совершенно очевидно, что за фасадом внешне привлекательных лозунгов о преимуществах международного разделения труда, рациональном использовании ограниченных ресурсов и эффективном включении национальных экономик в мировую хозяйственную систему изначально отчетливо просматривались интересы крупнейших американских корпораций, занимавших доминирующее положение в глобальной экономике и стремившихся его не просто сохранить, но и усилить.

Многомерность и противоречивость глобальных социальных трансформаций очевидны, ведь, как известно, общество — динамично развивающаяся система, элементы которой взаимосвязаны, а изменения в одной из подсистем неизбежно влияют на социум в целом. И хотя причины протекающих в современном обществе социальных процессов многообразны, фактор глобализации играет здесь отнюдь не последнюю роль. Именно на этом обстоятельстве акцентирует внимание А.Н. Чумаков, подчеркивая, что “глобализацию можно определить как объективно — исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни”³.

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2005. С. 30.

² Там же. С. 140.

³ Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3. С. 27.

Однако сейчас все более очевидной становится необходимость подвести промежуточные итоги либеральной глобализации. Да, за прошедшие десятилетия сформировались “планетарные структуры”, но возникает масса вопросов к результативности их деятельности при решении острых социальных проблем, стоящих перед международным сообществом. Нередко глобальная социально — экономическая, политическая и культурная интеграция не только не способствует преодолению накопившихся противоречий, но и порождает социальные риски, связанные с формированием нового технологического уклада, повсеместным внедрением современных цифровых технологий и углублением глобальной конкуренции. Очевидно, что она изначально была призвана закрепить доминирующее положение коллективного Запада в сложившейся системе международных отношений и потому — несправедлива. Достичь подобного доминирования возможно прежде всего путем укоренения в мировом общественном сознании системы неолиберальных ценностей современного западного общества как цивилизационной основы всего человечества. В этой связи нельзя не согласиться с Н.Г. Осиповой, которая подчеркивает, что так называемые лидеры общественного мнения (“агенты глобализма”) “усиленно способствуют продвижению публичного дискурса в сторону ассоциации глобализации с западной системой ценностей, поддерживающих экономику свободного рынка и потребления”⁴.

Современная модель глобализации не только не способствует преодолению социальных проблем современного общества, но и обостряет их. Транснациональные корпорации, расширяя масштабы хозяйственной деятельности, озабочены прежде всего увеличением объемов продаж и ростом прибыли. Глобальный договор о социальной ответственности бизнеса де факто представляет собой декларацию о намерениях сделать мир лучше и призван сформировать у обывателя положительный имидж глобального капитализма, которому на самом деле безразличны острые проблемы, угрожающие самому существованию человечества. Обострение экологических проблем, рост напряженности между странами Севера и Юга и, в конечном счете, угроза устойчивому развитию — вот далеко неполный перечень негативных последствий глобализации.

Обостряется проблема глобального социального неравенства. Более того, само неравенство под влиянием международных факторов трансформируется, приобретает новое качество и более слож-

⁴ *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 125.

ную конфигурацию. До недавнего времени глобальное неравенство рассматривалось в контексте проблемы “Север — Юг” и означало социально — экономическое неравенство между индустриально развитыми государствами (“золотым миллиардом”) и остальным “менее цивилизованным” миром. Данная позиция не потеряла своей актуальности, однако глобальные социальные процессы разрушили привычный социальный уклад и сложившиеся иерархические общественные связи не только в развивающихся, но и индустриально развитых странах.

Это объясняется тем, что глобализация не просто содействует включению национальных производителей в систему международного разделения труда. Являясь важнейшим фактором расширения масштабов вывоза капитала, она интенсифицирует процессы интернациональной специализации и кооперации производства, способствует интеграции национальных экономических систем. Но при этом она также формирует по сути единое глобальное рыночное пространство, обостряя конкуренцию между акторами международных экономических отношений на всех уровнях социального взаимодействия, разрушая сложившийся в послевоенный период социальный порядок с соответствующей системой социальной стратификации. Сложилась ситуация, когда уровень и качество жизни людей все в большей степени определяются фактом и степенью их включенности в глобальные цепочки производства добавленных стоимостей. В этих условиях граница социального неравенства активно смещается с межгосударственного на национальный и даже региональный уровень социально-экономического пространства, придавая неравенству новые, ранее не наблюдавшиеся конфигурации.

Подобные трансформации происходят на фоне углубления противоречий между глобальным Севером и Югом, которое выступает результатом сохранения рудиментов колониальной системы, прежде всего — экономической зависимости бывших колоний от своих метрополий. Но не только. В сознании современных представителей западного “цивилизованного” мира за прошедшие со времен крестовых походов настолько прочно укоренились идеи европоцентризма и осознания собственной богоизбранности, что они даже в новых реалиях по-прежнему доминируют в теории и практике международных отношений. На этой мировоззренческой основе после краха мировой колониальной системы сформировался и до недавнего времени процветал системный экономический неокониализм, фундаментом которого является финансовая и экономическая зависимость бывших колоний от своих метрополий. Она

породила механизмы и каналы давления на политическую элиту, а значит, и процессы принятия решений правительствами многих формально суверенных развивающихся государств.

Более того, глобальный тренд на демократизацию общественной жизни не затронул сферу межгосударственного взаимодействия. На наш взгляд, современные международные отношения — ярчайший пример практического воплощения идей тоталитаризма в его наихудшем проявлении, ибо они реализуются под прикрытием гуманистических лозунгов о “защите прав человека”. Политика “выкручивания рук”, насаждения чуждых национальному менталитету большинства народов “общечеловеческих” ценностей, силовое устранение национально ориентированных, а потому неугодных коллективному Западу режимов стала обычной повседневной практикой.

Сейчас же привычный, комфортный для значительной части общества в странах “золотого миллиарда”, основанный на неких правилах миропорядок, сложившийся после окончания холодной войны, преподносившийся его творцами как путь к всеобщему процветанию, разрушается на наших глазах. В различных регионах мира наступил “праздник непослушания”. Постепенно, даже мучительно, формируется новый многополярный мир, основанный на принципах международного права, многополярности и равноправия всех акторов глобального сообщества наций. Происходят радикальные изменения сложившейся либеральной модели глобализации. Как справедливо отмечает В.С. Мартьянов, “все чаще западные гегемоны демонстрируют образцы пронизанных двойными стандартами технологий демократии, рынка и надзорного капитализма, которые становятся для остального мира антиидеалами — примерами того, как не надо жить, к чему не стоит стремиться, и негативных практик, побуждающих поиск альтернатив”⁵.

Разрушаются мифы о естественных правах человека и универсальных западных ценностях как основе будущего мироустройства. В прах превращаются взаимное доверие между государствами и идеалистические представления о правовом характере принципов мироустройства. Уходит в прошлое даже привычный образ жизни людей — комфортный, беззаботный и предсказуемый. Казавшиеся непоколебимыми базовые принципы глобализации, которая стала результатом активной деятельности западных глобалистских элит, сейчас ими же отбрасываются за ненадобностью. США вместе с союзниками, стоявшие у истоков формирования современной

⁵ Мартьянов В.С. Шанс России на обновление глобальной современности // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 62.

глобальной институциональной системы регулирования международных отношений, шаг за шагом ее уничтожают. Социальные процессы столь стремительны, а их последствия — непредсказуемы, что в научной среде появляются заявления о разрушении основ капиталистической экономики, ее откровенной “политизации” и даже о деактуализации рыночной парадигмы. Так, по мнению Д.Г. Евстафьева, “мир входит в эру посткапитализма и даже постэкономики”⁶.

Подобная трактовка происходящих изменений выглядит интересной, хотя и небесспорной. По нашему мнению, наблюдаемые действия западных правящих элит являются попыткой сохранить действующую модель капиталистической либеральной глобализации, опираясь на методы внеэкономического принуждения и санкционного давления. А это разрушает базовые принципы экономического либерализма, сформулированные в XVIII столетии А. Смитом. Более аргументированной представляется позиция Н.Г. Осиповой, которая еще в 2014 г. писала: «С одной стороны, экономическая модель “свободного рынка” управляет политикой, в силу чего неolibеральное мышление признается “экономистичным”. С другой стороны, политика “выхолащивает” из экономической модели неolibерализма весь созидательный потенциал»⁷. Действительно, сейчас мы являемся свидетелями судорожных, а потому плохо продуманных попыток глобалистских неolibеральных элит сохранить сложившийся миропорядок, основанный на декларируемых ценностях свободного рынка, которого по большому счету давно не существует, с помощью политических методов, основанных на угрозах, военно-политическом давлении и насилии.

На наш взгляд, именно интересы глобального трансграничного капитала мотивируют западную политическую элиту и ставшие ее инструментом глобальные институты международного регулирования (ВТО, МВФ, Всемирный банк, МАГАТЭ и др.) к принятию решений, соответствующих его интересам, но с неоднозначными последствиями. Однако времена меняются. В сложившейся системе международных экономических отношений происходят серьезные сдвиги. Изменяется соотношение сил между различными группами государств, что и является, по нашему мнению, главной причиной кризиса сложившейся модели либеральной глобализации. Позиции

⁶ *Евстафьев Д.Г.* Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8.

⁷ *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 126.

коллективного Юга в мировой экономике, несмотря на обострение проблемы глобального социального неравенства, постепенно усиливаются. В то время как правящие западные элиты решали насущные проблемы гендерного многообразия, самозабвенно боролись за права человека по всему миру, пытались найти ресурсы для борьбы с глобальным потеплением, крупный международный бизнес стремился использовать возможности либеральной глобализации для наращивания своей экономической мощи. Реализовал их он в том числе за пределами стран базирования, ибо там были более привлекательные условия для ведения бизнеса.

Либерализация привела к формированию глобальных рынков товаров, услуг, рабочей силы, капитала. Многократно выросли объемы прямых иностранных инвестиций в экономики развивающихся стран. Как правило, они были связаны с переносом массового промышленного производства из промышленно развитых государств с высокими налогами и сверхжестким экологическим законодательством в юрисдикции с более благоприятным предпринимательским климатом. Это придало динамизма экономическому росту в странах-реципиентах прямых инвестиций. Многие развивающиеся страны воспользовались предоставленными им возможностями. Они успешно провели модернизацию промышленности, опираясь на современные технологии и соответствующие им компетенции в области корпоративного управления, что позволило им заметно нарастить свой экономический потенциал. В 2007 г. развивающиеся страны догнали индустриально развитые государства по такому показателю, как общий объем ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности национальных валют. А уже в 2023 г. вклад развивающихся экономик в глобальный ВВП достиг 58,8%. При этом доля государств, входящих в G7 (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия и Канада), за последние 20 лет заметно сократилась — с 65 до 44%⁸. По данным Всемирного банка, в 2022 г. в десятку крупнейших экономик мира входили шесть развивающихся стран — Китай, Индия, Россия, Индонезия, Бразилия и Турция. Китай стал глобальным экономическим лидером. Его ВВП заметно превышал соответствующий показатель США — 31,559 млрд долл. против 23,149 млрд долл.⁹ Активное включение

⁸ Баланс сильных: доля развивающихся стран в мировом ВВП превысит 60% к 2026 году // Сайт Известия.iz. 2024.16.01. URL: <https://iz.ru/1634618/maria-kolobova/balans-silnykh-dolia-razvivaiushchikhsia-stran-v-mirovom-vvp-prevysit-60-k-2026-mu>

⁹ Всемирный банк включил Россию в топ-5 экономик мира впереди Германии и всей Еврозоны // Деловой Петербург. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/08/04/vsemirnij-bank-vkljuchil-rossiju> (дата обращения: 10.02.2024).

Китая в систему международного разделения труда, продуманная “политика открытости” и рыночных реформ, благоприятный деловой климат позволили ему стать крупнейшим в мире производителем промышленных товаров. Так, уже в 2015 г. на его долю приходилось 90% мобильных телефонов, 80% кондиционеров, 60% цветных телевизоров, 28% автомобилей, 41% морских судов, 80% компьютеров, 50% холодильников¹⁰.

Заметно снизилась роль индустриально развитых стран в международной торговле. За период с 1990 по 2022 г. их вклад в мировой экспорт товаров сократился с 77,7 до 54,7%, а в мировой импорт — с 79,8 до 59,5%. При этом доля Китая в экспорте выросла с 1,8 до 14,4%, а импорте — с 1,5 до 10,6%¹¹. В 2023 г. китайский юань впервые потеснил евро в международных расчетах, обосновавшись на второй позиции. И хотя доллар США сохраняет свое ведущее положение как международное платежное средство, его значение в качестве основной резервной валюты неуклонно снижается. Если в 2001 г. доля доллара США в общем объеме международных резервов составляла 72,7%, то в 2022 г. она снизилась до 59,53%, что является самым низким показателем с момента окончания Второй мировой войны¹². Это лишний раз подтверждает, что ситуация в глобальной экономике развивается не в позитивном для глобального Севера ключе.

Между тем на фоне в целом положительных социально-экономических для развивающихся стран изменений, увеличения их вклада в глобальный экономический рост масштабы глобального социального неравенства увеличиваются, что отмечалось нами выше. Это превращается в один из факторов нестабильности мирового развития. Попытки сохранить сложившуюся систему мироустройства, основанную на отношениях зависимости глобального Юга от политики коллективного Запада, преследующего собственные интересы, носят откровенно деструктивный и малопродуктивный характер. Стремление использовать экономические санкции для усмирения непокорных вассалов лишь обостряет противоречия между государствами, представляющими “золотой миллиард”, и мировым большинством, которое впервые почувствовала свою силу и значимость. Ведь тенденция к изменению баланса сил в глобальном экономическом пространстве носит, по нашему мнению,

¹⁰ Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 31.

¹¹ Загашвили В.С. Противоречия и конфликты в многосторонней торговой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 7.

¹² Ван В. Новая эра девестернизации // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 183.

устойчивый и объективный характер, поэтому кризис сложившегося миропорядка, основанного на установленных США и их союзниками правилах, был неизбежен. При этом именно действия американского руководства, направленные на сохранение доминирующих позиций в глобальной политике при утрате мирового экономического лидерства положили начало разрушению складывавшейся десятилетиями институциональной системы международного регулирования глобальных процессов и стали фактором дезинтеграции в современном мире. Как справедливо отмечает А.Н. Чумаков, «хотя рудименты имперских структур и форм управления (в форме неоколониализма) все еще сохраняются до настоящего времени, трудно оспорить тот факт, что в современных условиях эффективно управлять обширными и сложнейшими общественными системами из одного центра на принципах единоначалия и жесткой структуры подотчетности не представляется возможным»¹³. На фоне разрушения традиционных базовых ценностей человеческой культуры и духовной деградации западного общества потребления даже сама попытка решения данной проблемы представляется утопичной.

Некогда общее глобальное экономическое и политическое пространство на наших глазах агонизирует и постепенно распадается. Сейчас трудно спрогнозировать будущее мироустройство. Это может быть два блока плюс «движение неприсоединения»: один («коллективный Запад») возглавят США, дряхлеющие, но по-прежнему мощные, другой («непослушный Юго-Восток») — Китай как ведущая динамично развивающаяся экономика и Россия как военная и энергетическая сверхдержава. В частности, Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамова, отмечая в сложившейся системе мироустройства доминирование промышленно развитых стран над развивающимися, подчеркивают, что эта система «не может продолжать нормативное направление движения (развития) как прежде», и что происходит «тектонический макросдвиг» сложившегося мироустройства, в результате которого «даже в случае сохранения «подсистемой РБС» (промышленно развитыми странами — Прим. Ю.Х.) в нем доминирующего положения, структура иерархий и внутренние зависимости претерпят критические изменения в сторону возвышения роли и перераспределения положительных выходов системы для развивающихся стран»¹⁴.

¹³ Чумаков А.Н. Глобализация как катализатор упадка империй // Век глобализации. 2022. № 2 (42). С. 11.

¹⁴ Фитуни Л., Абрамова И. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 8.

Возможен и другой сценарий мирового развития — формирование многополярного равноправного мира, но в обозримой перспективе он представляется нам маловероятным, ибо “золотой миллиард” вряд ли без боя сдаст свои позиции и откажется от политики ограбления “глобального Юга”. Ведь подобные трансформации несут угрозу внутреннему социальному и политическому порядку в странах Запада, а в конечном итоге — сложившимся практикам “государства всеобщего благосостояния”, которое на протяжении многих десятилетий обеспечивало гражданам достойную жизнь, а политикам — возможность осуществлять властные полномочия и “уверенность в завтрашнем дне”. Между тем обострение глобальной конкуренции и стремление бизнеса сократить издержки, как уже отмечалось выше, интенсифицировали процессы вывоза капитала в виде прямых инвестиций из стран базирования в страны с более благоприятным инвестиционным климатом и низкими затратами. Современная экономика, несмотря на глубокие изменения, связанные с усилением ее институционального регулирования и социальной направленности, по-прежнему базируется на принципах рыночного хозяйства, субъекты которого ориентированы на расширение объема продаж и максимизацию прибыли. Экономическая глобализация, формирование рынков глобальной конкуренции заставляет производителей не только задумываться о повышении качества товаров и услуг, но и об оптимизации хозяйственных процессов. Между тем в структуре издержек производства компаний, базирующихся в промышленно развитых странах, ведущее место занимают расходы на оплату труда и социальное страхование работников. Поэтому вполне логичным представляется их желание сократить расходы на рабочую силу для поддержания конкурентоспособности. Одно из направлений подобной деятельности — активное внедрение современных трудосберегающих технологий. Другое — перевод трудоизбыточных производств в страны с низкими заработными платами. Однако подобные действия обостряют риски на рынке труда в странах базирования, связанные с ростом уровня безработицы и времени поиска работы.

В этих условиях возникает антагонистическое по своей сути противоречие между стремлением современным социальным государством поддерживать высокие стандарты потребления, к которым привыкло население, в том числе за счет поддержания уровня занятости, и естественным желанием бизнеса максимизировать прибыль. Либерализация международной экономики обостряет проблему, создавая для крупных и даже средних компаний дополнительные возможности по переносу бизнес — процессов из промышленно

развитых стран в развивающиеся, разрушая таким образом принципы занятости и подрывая ресурсную базу “государства благосостояния”. Сложившаяся система мирохозяйственных связей, сформировавшаяся после второй мировой войны и распада мировой колониальной системы, ориентированная на выкачивание ресурсов из стран глобального Юга, позволяла обеспечивать социальное благополучие населения в странах “золотого миллиарда”. Сейчас же все более очевидным становится факт, что процветающее социальное государства с высокими стандартами потребления и качества жизни во многом является результатом отношений неокOLONиальной зависимости и капиталистической эксплуатации. Мы становимся свидетелями глобального “ресурсного конфликта”, угрожающего материальному благополучию и социальному консенсусу в странах Запада, обостряющегося на фоне усиления масштабов протестного движения в Европейском Союзе и подрыва общественного доверия к традиционным политическим элитам, вызванного прежде всего снижением уровня и качества жизни европейцев.

Таким образом, еще одним следствием трансформации глобального социального порядка, “основанного на правилах”, может стать разрушение принципов и даже ревизия идеи социального государства в ее понимании с традиционных позиций западной общественной мысли. Действительно, реалии повседневной жизни постоянно испытывают на прочность “государство всеобщего благосостояния”. Французский ученый П. Розенваллон еще в конце XX в. в работе “Новый социальный вопрос” тщательно исследовал проблемы и перспективы социального государства и пришел к выводу, что оно переживает не только экономический и идеологический, но и философский, кризис. Именно философский кризис он считал наиболее опасным и разрушительным, ибо под сомнение ставились социальная сплоченность и социальная солидарность — базовые принципы социального государства¹⁵. События первой четверти XXI столетия серьезно скорректировали тренды глобальных социальных процессов и еще более усложнили условия выполнения современными государствами своих социальных обязательств. Первым ударом по мировой экономике и сложившемуся социально-экономическому порядку стал глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., последствия которого с трудом преодолевались на фоне начавшегося в 2014 г. санкционного давления на Россию. Второй нанесла затронувшая все государства пандемия COVID-19, которая

¹⁵ *Розанваллон П.* Новый социальный вопрос: переосмысливая государство всеобщего благосостояния. URL: <https://elib.pstu.ru/readers/Record/RUPSTUbooks23321>

заметно ухудшила условия глобального развития и еще более обострила кризисные явления в мировой системе хозяйства. По итогам 2020 г. в Европейском Союзе ВВП сократился более чем на 7%, в США — на 3,5%, России — на 3,1%¹⁶. Значительное падение деловой активности, снижение реальных доходов населения и рост безработицы, связанные с реализацией антипандемийных рестриктивных мер правительствами большинства стран привели к снижению уровня и качества жизни широких социальных слоев. Предотвратить социальную катастрофу большинство государств смогли за счет масштабной бюджетной поддержки домохозяйств. Но финансировались эти мероприятия прежде всего за счет заемных средств, что обострило другую проблему — долговую.

В 2021 г. началось постепенное восстановление глобальной деловой активности. Однако уже в марте 2022 г. началось жесткое санкционное давление коллективного Запада на экономику нашей страны. Санкционная война похоронила надежды международного сообщества на преодоление кризисных явлений в глобальной экономике и выход на траекторию устойчивого экономического роста. Негативные последствия принятых решений в краткосрочном периоде очевидны. Точность и реализуемость долгосрочных трендов социально — экономических изменений вызывает сомнения ввиду высокой степени неопределенности. Конечно, антироссийские санкции создали проблемы для экономики нашей страны и усложнили жизнь многих россиян. Однако они больно ударили и по своим инициаторам. Их негативные последствия для социально — экономического положения индустриально развитых западных стран очевидны. Прежде всего, потери понесла европейская промышленность. Эмбарго на импорт российских товаров, в том числе дешёвых энергоносителей, разрыв традиционных кооперационных связей с российским бизнесом создали серьезные проблемы для европейских производителей, снизили их конкурентный потенциал. Главная причина — рост издержек производства и цен на производимую продукцию. Итогом стала высокая инфляция, которая в 2022 г. в Евросоюзе достигла 9,2%, при этом самые высокие темпы роста цен были в Эстонии, Литве и Латвии — соответственно 19,4, 18,9 и 17,2%¹⁷. В США инфляция была ниже — 6,5%¹⁸. Однако даже с

¹⁶ ВВП России в 2020 г. снизился на 3,1% // Сайт Росстат. 2021.10.02. URL: [Komsant.ru/doc/4671959](https://komsant.ru/doc/4671959)

¹⁷ Потребительские цены — инфляция // Евростат. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Consumer_prices_-_inflation

¹⁸ Инфляция в США обновила минимум больше чем за год // Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/483669-inflacia-v-ssa-obnovila-minimum-bol-se-cem-za-god>

подобным, пусть и не заоблачным, повышением общего уровня цен промышленно развитые страны не сталкивались более сорока лет.

Для преодоления инфляции власти использовали проверенные временем, хотя и слегка подзабытые за последние десятилетия монетарные антиинфляционные мероприятия. В 2023 г. Центральные банки ряда ведущих государств, влияющих на состояние глобального финансового рынка, неоднократно повышали процентные ставки, которые в конце года достигли в США — 5,5%, в Еврозоне — 4,5%, в Великобритании — 5,25%. На фоне 2020 г., когда они составляли соответственно 0,25, 0 и 0,1%, это очень значительное повышение¹⁹. Принятые меры принесли позитивные результаты: в 2023 г. темпы роста цен снизились. Но одновременно они привели к удорожанию кредитных ресурсов, сокращению спроса на инвестиционные и потребительские кредиты и в итоге — падению деловой активности и снижению уровня и качества жизни широких социальных слоев.

Между тем рост потребительских цен — это лишь один из факторов разрушения сложившихся в странах Евросоюза социальных практик. На наш взгляд, более серьезной угрозой для социального благополучия европейцев в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе выступает промышленная инфляция, показатели которой не могут не настораживать. В частности, 2022 г. индекс цен производителей в Дании достиг 59,8%, в Румынии — 59,2%, в Эстонии и Бельгии — 53,1%. В целом по ЕС он составил 36,4%²⁰. Столь высокое значение индекса свидетельствует о масштабном росте производственных издержек европейских компаний и ослаблении их конкурентных позиций на глобальных товарных рынках.

Европейские производители попали в своеобразную “ловушку санкций”. С одной стороны, отсутствие на европейском континенте собственной мощной ресурсной базы привело к усилению давления на них со стороны поставщиков ресурсов, монопольная власть которых на фоне санкционной войны заметно усилилась, что наряду с ростом логистических издержек привело к росту импортных цен. Фактически ЕС импортирует инфляцию. С другой стороны, многие крупные европейские компании, не одно десятилетие успешно работавшие на масштабном и перспективном российском рынке, вынуждены были его покинуть с серьезными финансовыми и ре-

¹⁹ Ключевые ставки центральных банков // MFD.ru. URL: <https://mfd.ru/calendar/rates/>

²⁰ В Европе полыхает инфляция. И повышение ставок не поможет // InvestFuture. URL: <https://investfuture.ru/articles/id/v-evrope-polyhaet-infljatsija-i-povyshenie-stavok-ne-pomozhet>

путационными потерями. В результате принятых в отношении российской экономики санкционных решений проиграл прежде всего европейский бизнес. На столь негативном фоне экономические перспективы многих государств не вызывают оптимизма. В частности, ряд крупнейших европейских компаний по итогам работы в 2022–2023 гг. объявили о масштабных убытках, а некоторые — о планах по переносу производств (в первую очередь ресурсоемких) в страны с более низкими ценами на ресурсы и благоприятным деловым климатом, прежде всего в США и Китай. Наблюдается устойчивый тренд к росту числа банкротств. В апреле–июне 2023 г. количество заявлений о банкротстве в странах объединенной Европы возросло на 8,4% по сравнению с первым кварталом и достигло максимальных значений с 2015 г., когда Евростат начал сбор и обработку соответствующих статистических данных. При этом рост числа банкротств в ЕС наблюдается с февраля 2022 г. Максимальные показатели банкротств наблюдались в Венгрии (+40,8%), Латвии (+24,8%) и Эстонии (+24,6%)²¹.

Все отмеченное выше позволяет сделать вывод, что в настоящее время происходит постепенное разрушение экономических основ недавно процветавшего и чрезвычайно привлекательного для всего мирового сообщества “государства всеобщего благосостояния”. Еще несколько лет назад проблему дефицита бюджетных средств для полноценного исполнения социальных обязательств правительства достаточно легко купировали путем масштабных заимствований на финансовом рынке. Однако сейчас, на фоне ухудшения глобальной экономической конъюнктуры, решение подобной задачи заметно усложнилось. Эти осложнения обусловлены масштабным увеличением государственного долга и повышением стоимости кредитных ресурсов. С проблемой долгового бремени столкнулись многие государства. Она обострилась в пандемийные 2020–2021 гг., когда на фоне рестрикций в сфере экономики и сокращения бюджетных доходов правительства промышленно развитых государств активно наращивали долговые обязательства. В результате на начало 2023 г. в первой десятке “лидеров” антирейтинга по уровню суверенной государственной задолженности девять позиций уверенно занимали ведущие западные государства, в которых долговая нагрузка на бюджетную систему превысила все разумные пределы. В их числе Япония (261,3% ВВП), Италия (144,4% ВВП), США (121,4%), Фран-

²¹ Евростат сообщил о рекорде банкротства компаний в Европе // Известия. iz. URL: <https://iz.ru/1560568/2023-08-17/evrostat-soobshchil-o-rekorde-bankrotstva-kompanii-v-evrosoiuze>

ция (111,7%), Канада (106,6%), Великобритания (101,4%)²². Даже в ФРГ, которая до недавнего времени выступала как образец бюджетной дисциплины, в середине 2023 г. государственный долг превысил 80% ВВП и достиг исторического максимума в 2,37 трлн евро. В расчете на душу населения за год он увеличился на 244 евро, превзойдя показатель в 28000 евро²³.

США занимают в рейтинге государств — должников не самую высокую позицию, если ее оценивать по такому показателю как отношение государственного долга к ВВП. Однако у научного сообщества вызывают обеспокоенность как общий объем государственного долга, превысивший к концу 2023 г. 34 трлн долл., так и его рекордные темпы роста²⁴. А здесь США уже вне конкуренции. ФРС фактически держит под угрозой дефолта всю глобальную финансовую систему. Дефицит торгового баланса страны из года в год составляет около 1 трлн долл. США, что свидетельствует о паразитарном характере американской экономики, которая потребляет значительно больше товаров и услуг, чем производит. Проблема торгового дефицита при этом решается при помощи “печатного станка”. В этих условиях выбранный политическим руководством США курс на сдерживание Китая, конфронтацию с Россией и арабским миром, а также санкционная политика, фактически направленная на разрушение легитимных институтов глобального регулирования мирохозяйственных связей, норм и принципов международного права, не способны погасить волнения на финансовых рынках.

Очевидно, что по долгам придется платить. Кто и за счет каких источников будет расплачиваться с кредиторами? В условиях санкционного противостояния, масштабного роста оборонных расходов, высокой степени неопределенности перспектив глобальной экономики и усиления негативных внешних факторов экономического развития бремя обслуживания долговых обязательств затронет прежде всего социальные статьи бюджетных расходов и ляжет на наименее защищенные группы населения, нуждающиеся в поддержке со стороны государства.

Для решения проблемы финансирования государственного долга при одновременном обеспечении бюджетного финансиро-

²² Катасонов В. МВФ. Тренды государственного долга в мире // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/10/23/mvf-trendy-gosudarstvennogo-dolga-v-mire.html> (дата обращения: 18.11.2023).

²³ Госдолг Германии достиг исторического максимума // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/28/20963258.shtml>

²⁴ Государственный долг США превысил 34 трлн долл. // Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19668855>

вания мероприятий в сфере социальной политики, индустриально развитым государствам жизненно важно достичь более высоких темпов социально-экономической динамики. Однако в большинстве из них наблюдается многолетняя негативная тенденция к снижению темпов экономического роста и даже экономической стагнации. На это обстоятельство обращает внимание В. Варнавский, подчеркивая, что “на фоне общего мирового роста динамика производства в развитых странах демонстрировала устойчивую понижающую тенденцию — среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения здесь снизились с 2,5% в 1981–1990 гг. до 1,1% в 2011–2015 гг.”²⁵. Как мы уже отмечали выше, за последние годы внешние и внутренние условия развития большинства западных экономик заметно осложнились. В 2022 г. был фактически разрушен позитивный тренд посткризисного восстановления устойчивого глобального экономического роста. И хотя его экономические результаты в целом нельзя считать провальными, (в индустриально развитых странах экономика за год выросла на 2,65%), большинство исследователей считают их результатом инерционного воздействия масштабных бюджетных вливаний, осуществленных в 2020–2021 гг.²⁶ Несмотря на то, что самые пессимистические экономические прогнозы на 2023 г. не сбылись, прошедший год вряд ли можно считать удачным для большинства ведущих западных экономик. По предварительным итогам, в целом в Евроне прирост ВВП ожидается на уровне 0,6%. При этом ряд государств переживает рецессию: в Эстонии падение ВВП составит 2,3%, Швеции — 0,7%, Германии — 0,5%²⁷. На этом фоне информация об экономическом росте в США в 2,4% кажется чрезвычайно позитивной²⁸.

Кроме негативных внешних условий социального развития, собственноручно созданных западными правящими элитами, в мире действуют объективные факторы, создающие риски для социального государства. В их числе цифровая трансформация. Мы уже отмечали неоднозначное воздействие цифровой революции на “государство всеобщего благосостояния” и его ресурсные возмож-

²⁵ Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 1. С. 26.

²⁶ Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. М., 2022. С. 15.

²⁷ Стремительный “закат Европы”. Евроне переживает техническую рецессию // *Русская народная линия*. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/12/29/stremitelnyi_zakat_evropy

²⁸ По итогам 2023 года рост ВВП РФ достиг 3,5% // *DailyMoscow*. URL: <https://dailymoscow.ru/news/po-itogam-2023-goda-rost-vvp-rf-dostig-3-5>

ности выполнять свои социальные функции²⁹. Активное использование современных цифровых технологий в хозяйственной деятельности зачастую выступает как движущая сила противоречивых изменений на рынке труда, который в условиях высокой социальной динамики, с немалыми издержками адаптируется к колебаниям структуры спроса на трудовые услуги со стороны работодателей. Это в полной мере относится и к промышленно развитым странам, в которых проблемы в сфере занятости обостряются на фоне санкционного противостояния с Россией. Об этом свидетельствуют показатели безработицы в странах Европы. В частности, в 2023 г. безработица увеличилась в 19 государствах Европейского Союза. В Испании она составила 12,0%, Греции — 9,6%, в Швеции, Италии и Финляндии — соответственно 8,0, 7,6 и 7,5%. Максимальный рост уровня безработицы наблюдался в Финляндии (1,4%) и Швеции (1,2%). И хотя это не самые высокие показатели в современной европейской истории, в обозримой перспективе специалисты ожидают сокращения занятости и усиления нагрузки на социальные бюджеты стран ЕС³⁰. Очевидно, что усложнение условий внешней среды, ведущее к снижению деловой активности в ЕС, не способствует росту доходов бюджетной системы и не позволяет эффективно решать и без того непростую задачу увеличения занятости и социальной поддержки безработных, для чего необходимы значительные финансовые ресурсы.

На наш взгляд, мы становимся свидетелями кризиса сложившейся традиционной концепции социального государства как “государства всеобщего благосостояния”, политика которого направлена на реализацию принципов социальной сплоченности и социальной справедливости, социальное выравнивание, достижение качества жизни и обеспечение социальных прав граждан. Обостряется проблема бедности и неравенства. Традиционный средний класс в индустриально развитых государствах переживает кризисные времена, о чем свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного в странах объединенной Европы в 2021 г., по проблемам, связанным с социальной защищенностью граждан ЕС в период пандемии COVID-19. Они не могут не настораживать. Общеизвестно, что средний класс выступает гарантом социально-политической стабильности в современном постиндустриальном обще-

²⁹ Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 39.

³⁰ Названы страны Европы с наиболее низким уровнем безработицы // РИА НОВОСТИ. 2024.26.01. URL: <https://ria.ru/20240126/rejting-1923536827.html>

стве. Это аксиома. Важнейшим признаком среднего класса является самоидентификация, которая свидетельствует об удовлетворенности индивида уровнем и качеством жизни, а в конечном счете — социально-экономической ситуацией, сложившейся в обществе и государстве. Между тем опрос показал, что все более значительное число европейцев уже не относят себя к среднему классу. В Испании доля респондентов, оценивавших свое социально-экономическое положение ниже среднего класса, превысило 60%, в Греции, Португалии и Франции — 40%, в Италии, Австрии, Финляндии, Ирландии — 30%, в Германии, Швеции, Дании и Бельгии — 20%³¹.

Конечно, следует учитывать тот неблагоприятный фон, на котором проводилось исследование. Пандемия нанесла социальному самочувствию европейцев ощутимый урон. Однако большинство из названных выше стран в глазах мирового сообщества всегда считались эталоном “государства благоденствия” с высоким уровнем благосостояния и развитой системой социальной защиты. Подобные результаты — очевидные симптомы серьезного недуга, поразившего современное западное общество и государство. На фоне кризисных явлений в экономике к привыкшим к стабильной сытой жизни европейцам приходит понимание, что их надеждам на восстановление деловой активности и лучшее будущее после потрясений 2020–2021 гг. не суждено сбыться, несмотря на заявленные меры государственной поддержки домохозяйств и бизнеса. В условиях жесткой ограниченности финансовых возможностей и сокращения ресурсной базы социальной политики “государству всеобщего благосостояния” все сложнее становится выполнять социальные обязательства перед собственными гражданами, ибо выбор конкретных мероприятий весьма ограничен. Поэтому градус социальной напряженности нарастает, масштабы протестов расширяются, доверие к традиционным элитам падает, а сложившиеся механизмы традиционной западной демократии способствуют выдвиганию во власть Д. Байдена, Э. Макрона, А. Бербок, а не политиков уровня Г. Коля и Ф. Миттерана. В силу разных причин новые “мировые лидеры” вряд ли способны на действия, способные преодолеть острые кризисные явления как в мировой, так и внутренней политике. Попытки сохранить сложившийся миропорядок любой ценой приводит к принятию непродуманных, скороспелых решений, обостряющих противоречия. Это не способствует поддержанию сложившегося в “государствах благосостояния” социального порядка, трансформи-

³¹ Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Удары коронавирусной стихии: межстрановые различия // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 86.

рует его базовые принципы и функции, причем эти трансформации носят откровенно негативный характер.

Представляется, что характер происходящих изменений сложившегося международного социально-экономического порядка в обозримой перспективе вряд ли удастся переломить, несмотря на усилия и стабилизационные мероприятия, реализуемые национальными правительствами и глобальными институтами. Возникает вполне резонный вопрос: а что Россия? Очевидно, что происходящие в мире перемены в полной мере затрагивают нашу страну, тем более что именно российское государство выступило их катализатором. Очевидно, что россиян прежде всего волнуют их последствия для будущего нашего общества и государства. Итоги прошедших с начала СВО двух лет вызывают осторожный оптимизм. В 2023 г. рост экономики составил 3,5%. Безработица снизилась до самого низкого в истории РФ уровня — до 2,9%. Увеличение реальных располагаемых доходов россиян ожидается в 3,5 — 4%, а реальной заработной платы — 7–8%. По итогам 11 месяцев 2023 г. промышленное производство возросло на 3,6%, при этом в обрабатывающей промышленности этот показатель достиг 7,5%. Наиболее высокие темпы роста показали машиностроители — 23,3%, металлурги — 9,5% и химики — 6,2³².

Динамика промышленного роста означает, что в России постепенно возрождается промышленность. И это является обнадеживающим обстоятельством. Ведь деиндустриализация, ставшая фактором обострения социальных проблем в современном западном обществе, в полной мере затронула и Россию. За 30 лет, с 1991 по 2022 гг. доля промышленности в российской экономике заметно сократилась — с 38,2 до 28,2% ВВП³³. В максимальной степени снижение затронуло обрабатывающую промышленность, в то время как топливно-энергетический комплекс, металлургическая и химическая промышленность чувствовали себя достаточно уверенно на фоне благоприятной внешнеторговой конъюнктуры.

Либеральные реформы не только привели к банкротству огромного количества промышленных предприятий и ухудшению социального самочувствия значительной части российского общества. Они разрушили сложившийся в государстве социальный порядок и образ жизни людей. В наибольшей степени это затронуло так назы-

³² Экономика России: итоги 2023 года // Сайт Газпромбанк. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/>

³³ О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 году // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html

ваемую “одноэтажную Россию” — жителей российской провинции. Между тем в 2022 г. в малых (с населением до 50000 жителей) и средних (от 50 000 до 100 000 человек), а это 949 городов из 1117, а также сельской местности проживала почти половина россиян³⁴. Большинство из них оказалось в сложной жизненной ситуации. Деиндустриализация регионального развития привела к интенсификации процессов внутренней трудовой миграции. И это нормально, ибо мобильный рынок труда выступает как необходимый компонент современной экономики. Однако анализ внутренних миграционных потоков показывает их неоднозначный характер и направленность, ибо “пострадавшей” стороной оказалось большинство российских регионов и особенно провинция.

За три десятилетия, прошедших с начала рыночных преобразований, лишь около 20 субъектов РФ стали центрами притяжения внутренних трудовых мигрантов. В других регионах наблюдался миграционный отток, что негативно сказалось как на численности населения, так и его демографической структуре. Так, население Дальневосточного федерального округа в 1990–2021 гг. сократилось на 2320 тыс. человек, при естественной убыли около 130 тыс. человек³⁵. В частности, в Хабаровском крае за период с 1990 по 2020 г. доля жителей старше 55 лет возросла с 14 до 26%, а молодежи снизилась с 25 до 17,8%. В результате показатель соотношения пенсионеров и молодежи за указанный период увеличился с 0,6 до 1,5 пенсионера на одного молодого человека. Это чрезвычайно тревожная тенденция³⁶. Увы, но российская провинция не только теряет население. Она стремительно стареет, что уже в обозримой перспективе станет для страны острой социальной проблемой.

Очевидно, что люди мигрируют в те регионы, где развита социальная инфраструктура и есть реальные перспективы получить высокооплачиваемую работу. Это относится прежде всего к столичным мегаполисам и крупным индустриальным центрам, сумевшим эффективно включиться в систему глобального разделения труда. Низкая безработица также является одним из важных условий миграционной привлекательности. Так, в допандемийном 2019 г. уровень безработицы составлял в Санкт-Петербурге — 1,7%, в Москве

³⁴ Нечаев Д.Н., Любкина О.Р. Роль аграрных элит в деиндустриализации регионов Центральной России // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 81–91.

³⁵ Население Дальнего Востока // Восточный центр государственного планирования. М., 2022. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/2709-1605-dig-demografia.pdf>

³⁶ Березутский Ю.В. Молодёжь Хабаровского края: “точка роста” или “точка невозврата”? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65.

1,8%, Московской области — 3,9%³⁷. Что касается оплаты труда, то в рамках отдельных федеральных округов и даже субъектов РФ наблюдается ее глубокая дифференциация. В частности, в 2022 г. в ЦФО среднемесячная заработная плата жителя Москвы составляла 122824 рубля, а Ивановской области — всего 36332 рубля³⁸. Очевидно, что в условиях “общества потребления” многие молодые люди ориентируются в повседневной жизни на достаток и комфорт, что вполне естественно. Ведь нередко интересная полноценная жизнь, состояние здоровья и даже возможности профессиональной самореализации определяются уровнем материальной обеспеченности человека.

Решить проблемы российской провинции, в том числе проблему интенсивного миграционного оттока молодежи, можно лишь путем наращивания ее экономического потенциала. Антироссийские санкции, экспортные и импортные ограничения, введенные для российских компаний, открыли для россиян своеобразное “окошко возможностей”. Уход с российского рынка крупного транснационального бизнеса ударил прежде всего по экономике тех регионов, которые были активно вовлечены в международные кооперационные связи с компаниями из промышленно развитых государств. В частности, в 2022 г. внутренний региональный продукт (ВРП) Москвы сократился более чем на 2%, а уровень безработицы поднялся до 2,5%. В Санкт-Петербурге он также вырос — до 2,1%. При этом во многих российских регионах наблюдалось снижение безработицы. Так, в Северо-Западном федеральном округе уровень занятости увеличился в 6 из 7 субъектов, а в ЦФО — в 16 из 18 регионов³⁹. Соответственно, что на данный период на фоне высокой степени неопределенности и некоторого напряжения на рынках труда несколько снизилась миграционная привлекательность обеих столиц.

Более того, глобальные изменения и санкционное противостояние с коллективным Западом даже положительно повлияли на экономическую конъюнктуру в провинции, хотя делать оптимистические выводы преждевременно. На это указывает проявившаяся в 2022 г. новая тенденция, о которой пока рано говорить как об устойчивом тренде. Номинальная заработная плата в малых и средних

³⁷ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force

³⁸ Рынок труда, занятость и заработная плата // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

³⁹ Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force

населенных пунктах во всех субъектах РФ превысила среднероссийские показатели — соответственно 14,5 и 12,1%. Лидерами роста стали республики Татарстан и Адыгея, а также Забайкальский и Краснодарский края, Кемеровская и Мурманская области. Между тем в провинции уровень доходов всегда был ниже, чем в региональных столицах и индустриальных центрах. В среднем заработная плата в средних и малых населенных пунктах на 24% ниже, чем в крупных городах этого же региона⁴⁰. Именно поэтому данное явление представляет определенный интерес, хотя показатели столь незначительны, что рано делать выводы об значительных позитивных переменных социального развития российских регионов. Тем не менее они, на наш взгляд, достаточно симптоматичны. Не исключено, что кризис сложившегося миропорядка и антироссийские санкции предоставляют российской провинции шанс на возрождение, но на новой, соответствующей современным реалиям, основе.

Таким образом, мы стоим на пороге глубоких перемен. Сложившийся мировой социальный порядок трансформируется. Социальные изменения динамичны и многогранны. Они затрагивают как сферу международных отношений, так и отдельные общества и государства, в том числе и Россию. Очевидно: мир никогда не будет прежним. Идеи формирования единой цивилизации и глобального правительства деактуализируются. “Закат суверенитета” постепенно сменяется “восходом суверенитета”, который становится условием экономического и социального развития наций. Будущий мировой социальный порядок будет более справедлив, если будет опираться на всестороннее социальное взаимодействие суверенных государств, учитывать цивилизационные различия и ментальные ценности народов. Мировое большинство выбрало этот путь. “Дорогу осилит идущий”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баланс сильных: доля развивающихся стран в мировом ВВП превысит 60% к 2026 году // Известия. 2024.16.01. URL: <https://iz.ru/1634618/mariia-kolobova/balans-silnykh-dolia-razvivaiushchikhsia-stran-v-mirovom-vvp-prevysit-60-k-2026-mu>

Березутский Ю.В. Молодежь Хабаровского края: “точка роста” или “точка невозврата”? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65–72.

В Европе полыхает инфляция. И повышение ставок не поможет // InvestFuture. URL: <https://investfuture.ru/articles/id/v-evrope-polyhaet-infljatsija-i-povyshenie-stavok-ne-pomozhet>

⁴⁰ В провинции зарплаты растут быстрее, чем в крупных городах // РИА рейтинг. 2023.27.03. URL: <https://riarating.ru/regions/20230327/630239294.html>

- В провинции зарплаты растут быстрее, чем в крупных городах // РИА рейтинг. 2023.27.03. URL: <https://riarating.ru/regions/20230327/630239294.html>
- ВВП России в 2020 г. снизился на 3,1% // Сайт Росстат. 2021.10.02. URL: [Kommersant.ru/doc/4671959](https://kommersant.ru/doc/4671959)
- Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2005.
- Ван В.* Новая эра девестернизации // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 180–183.
- Варнавский В.* Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве. // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 25–33.
- Всемирный банк включил Россию в топ-5 экономик мира впереди Германии и всей Еврозоны // Деловой Петербург. URL: <https://www.dp.ru/a/2023/08/04/vsemirnij-bank-vkljuchil-rossiju> (дата обращения: 10.02.2024).
- Госдолг Германии достиг исторического максимума // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/28/20963258.shtml>
- Государственный долг США превысил 34 трлн долларов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19668855>
- Гоффе Н.В., Монусова Г.А.* Удары коронавирусной стихии: межстрановые различия // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 82–92.
- Евростат сообщил о рекорде банкротства компаний в Европе // Известия. URL: <https://iz.ru/1560568/2023-08-17/evrostat-soobshchil-o-rekorde-bankrotstva-kompanii-v-evrosoiuze>
- Евстафьев Д.Г.* Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21.
- Загашвили В.С.* Противоречия и конфликты в многосторонней торговой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 9. С. 5–14.
- Инфляция в США обновила минимум больше чем за год // Форбс. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/483669-inflacia-v-ssa-obnovila-minimum-bol-secem-za-god>
- Катасонов В.* МВФ. Тренды государственного долга в мире // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/10/23/mvf-trendy-gosudarstvennogo-dolga-v-mire.html> (дата обращения: 18.11.2023).
- Ключевые ставки центральных банков // MFD.ru. URL: <https://mfd.ru/calendar/rates/>
- Мартьянов В.С.* Шанс России на обновление глобальной современности // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 56–67.
- Названы страны Европы с наиболее низким уровнем безработицы // РИА Новости. 2024.26.01. URL: <https://ria.ru/20240126/rejting-1923536827.html>
- Население Дальнего Востока // Восточный центр государственного планирования. М., 2022. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/2709-1605-dig-demografia.pdf>
- Нечаев Д.Н., Любкина О.Р.* Роль аграрных элит в деиндустриализации регионов Центральной России // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 81–91.
- О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 году // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

По итогам 2023 года рост ВВП РФ достиг 3,5% // DailyMoscow. URL: <https://dailymoscow.ru/news/ro-itogam-2023-goda-rost-vvp-rf-dostig-3-5>

Потребительские цены — инфляция // Евростат. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Consumer_prices_-_inflation

Розанваллон П. Новый социальный вопрос: переосмысливая государство всеобщего благосостояния. URL: <https://elib.pstu.ru/readers/Record/RUPSTUbooks23321>

Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; ответ. ред. Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. М., 2022.

Рынок труда, занятость и заработная плата // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Стремительный “закат Европы”. Еврозона переживает техническую рецессию // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/12/29/stremitelnyi_zakat_evropy

Трудовые ресурсы, занятость и безработица // Сайт Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force

Фитуни Л., Абрамова И. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 5–13. URL: <https://www.imemo.ru/en/publications/periodical/meimo/archive/2022/11-t-66/the-world-at-the-beginning-of-millennium/developing-countries-in-the-new-equation-of-the-post-crisis-world-order>

Холоденко Ю.А. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 28–53.

Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3. С. 19–34.

Чумаков А.Н. Глобализация как катализатор упадка империй // Век глобализации. 2022. № 2 (42). С. 3–17.

Экономика России: итоги 2023 года // Сайт Газпромбанк. 2024.01.02. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/>

REFERENCES

Balans sil'nyh: dolya razvivayushchihsy stran v mirovom VVP prevysit 60% k 2026 godu [Balance of strengths: the share of developing countries in global GDP will exceed 60% by 2026] // Izvestiya. 2024.16.01. URL: <https://iz.ru/1634618/mariia-kolobova/balans-silnykh-dolia-razvivaiushchikhsia-stran-v-mirovom-vvp-prevysit-60-k-2026-mu> (in Russian).

Berezutskij Yu. V. Molodyozh' Habarovskogo kraja: “tochka rosta” ili “tochka nevozvrata”? [Youth of the Khabarovsk Territory: “point of growth” or “point of no return”?] // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. N 2. S. 65–72 (in Russian).

Chumakov A.N. Globalizaciya ili deglobalizaciya? [Globalization or deglobalization?] // Vek globalizacii. 2023. N 3. S. 19–34 (in Russian).

Chumakov A.N. Globalizaciya kak katalizator upadka imperij [Globalization as a catalyst for the decline of empires] // Vek globalizacii. 2022. N 2 (42). S. 3–17 (in Russian).

Consumer prices — inflation // Evrostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Consumer_prices_-_inflation (in Russian).

Ekonomika Rossii: itogi 2023 goda [Russian economy: results for 2023] // Gazprombank. 2024.01.02. URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/> (in Russian).

Evrostat soobshchil o rekorde bankrotstva kompanij v Evrope [Eurostat reported a record of company bankruptcy in Europe] // Izvestiya. URL: <https://iz.ru/1560568/2023-08-17/evrostat-soobshchil-o-rekorde-bankrotstva-kompanii-v-evrosoiuzie> (in Russian).

Evstaf'ev D.G. Shagnut' za porog global'nogo mira [Step beyond the threshold of the global world] // Rossiya v global'noj politike. 2023. T. 21. N 2. S. 8–21 (in Russian).

Fituni L., Abramova I. Razvivayushchiesya strany v novom uravnenii postkrisisnogo miroustrojstva [Developing countries in the new equation of the post-crisis world order] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 66. N 11. S. 5–13. URL: <https://www.imemo.ru/en/publications/periodical/meimo/archive/2022/11-t-66/the-world-at-the-beginning-of-millennium/developing-countries-in-the-new-equation-of-the-post-crisis-world-order> (in Russian).

Goffe N.V., Monusova G.A. Udary koronavirusnoj stihii: mezhranovye razlichiya [Impacts of the coronavirus disaster: cross-country differences] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2022. T. 66. N 8. S. 82–92 (in Russian).

Gosdolgi Germanii dostig istoricheskogo maksimuma [Germany's national debt has reached a historic high] // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/07/28/20963258.shtml> (in Russian).

Gosudarstvennyj dolg SSHA prevysil 34 trl. Dollarov [The US national debt exceeded 34 trillion. Dollars] // TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19668855> (in Russian).

Holodenko Yu.A. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya: vozmozhnosti i riski [Digital transformation of public administration: opportunities and risks] // Vestnik MGU. Ser. Sociologiya i politologiya. 2022. T. 28. N 3. S. 28–53 (in Russian).

Inflyaciya v SSHA obnovila minimum bol'she chem za god [Inflation in the US has reached its lowest level in more than a year] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/483669-inflaciya-v-ssa-obnovila-minimum-bol-se-cem-za-god> (in Russian).

Katsonov V. MVF. Trendy gosudarstvennogo dolga v mire [IMF. Global government debt trends] // Fond strategicheskoy kul'tury. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2023/10/23/mvf-trendy-gosudarstvennogo-dolga-v-mire.html> (in Russian).

Klyuchevye stavki central'nyh bankov [Key rates of central banks] // MFD.RU. URL: <https://mfd.ru/calendar/rates/> (in Russian).

Mart'yanov V.S. Shans Rossii na obnovlenie global'noj sovremennosti [Russia's chance to renew global modernity] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. N 1. S. 56–67 (in Russian).

Nazvany strany Evropy s naibolee nizkim urovnem bezraboticy [European countries with the lowest unemployment rates are named] // RIA NOVOSTI. 2024. 26.01. URL: <https://ria.ru/20240126/rejting-1923536827.html> (in Russian).

Naselenie Dal'nego Vostoka [Population of the Far East] // Vostochnyj centr gosudarstvennogo planirovaniya. M., 2022. URL: <https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/2709-1605-dig-demografia.pdf> (in Russian).

Nechaev D.N., Lyubkina O.R. Rol' agrarnyh elit v deindustrializacii regionov Central'noj Rossii [The role of agrarian elites in the deindustrialization of the regions of Central Russia] // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. N 5. S. 81–91 (in Russian).

O proizvodstve i ispol'zovanii valovogo vnutrennego produkta (VVP) v 2022 godu [On the production and use of gross domestic product (GDP) in 2022] // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/55_07-04-2023.html (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // Vestnik MGU. Ser. Sociologiya i politologiya. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Po itogam 2023 goda rost VVP RF dostig 3,5% [At the end of 2023, GDP growth in the Russian Federation reached 3.5%] // DailyMoscow. URL: <https://dailymoscow.ru/news/po-itogam-2023-goda-rost-vvp-rf-dostig-3-5> (in Russian).

Rossiya i mir: 2023. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and the world: 2023. Economy and foreign policy] / Ruk. proekta A.A. Dynkin, V.G. Baranovskij; otv.red. G.I. Machavariani, I.Ya. Kobrinskaya. M., 2022 (in Russian).

Rozanvallon P. Novyj social'nyj vopros: pereosmyslivaya gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya. Per. s francuzskogo [New Social Question: Rethinking the Welfare State. Per. from French]. URL: <https://elib.pstu.ru/readers/Record/RUPSTUbooks23321> (in Russian).

Rynok truda, zanyatost' i zarabotnaya plata [Labor market, employment and wages] // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (in Russian).

Stremitel'nyj "zakat Evropy". Evrozona perezhivaet tekhnicheskuyu recessiyu [The rapid "decline of Europe". The Eurozone is experiencing a technical recession] // Russkaya narodnaya liniya. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/12/29/stremitelnyi_zakat_evropy (in Russian).

Trudovye resursy, zanyatost' i bezrabotica [Labor resources, employment and unemployment] // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (in Russian).

VVP Rossii v 2020 g. snizilsya na 3,1% [Russia's GDP decreased by 3.1% in 2020] // Rosstat. 2021.10.02. URL: [Kommersant.ru/doc/4671959](https://kommersant.ru/doc/4671959) (in Russian).

V Evrope polyhaet inflyaciya. I povyshenie stavok ne pomozhet [Inflation is blazing in Europe. And raising rates won't help] // InvestFuture. URL: <https://investfuture.ru/articles/id/v-evrope-polyhaet-infljatsija-i-povyshenie-stavok-ne-pomozhet> (in Russian).

V provincii zarplaty rastut bystree, chem v krupnyh gorodah [In the provinces, salaries are growing faster than in large cities] // RIA rating. URL: <https://riarating.ru/regions/20230327/630239294.html> (in Russian).

Vallerstajin I. Posle liberalizma [After liberalism]. M., 2005 (in Russian).

Van V. Novaya era devesternizacii [New era of de-Westernization] // Rossiya v global'noj politike. 2023. T. 21. N 2. S. 180–183 (in Russian).

Varnavskij V. Globalizaciya i strukturnye sdvigi v mirovom proizvodstve [Globalization and structural shifts in world production] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. T. 63. N 1. S. 25–33 (in Russian).

Vsemirnyj bank vklyuchil Rossiju v top-5 ekonomik mira vpered i Germanii i vsej Evrozony [The World Bank included Russia in the top 5 economies in the world ahead of Germany and the entire Eurozone] // Delovoj Peterburg. URL.: <https://www.dp.ru/a/2023/08/04/vsemirnij-bank-vkljuchil-rossiju> (in Russian).

Zagashvili V.S. Protivorechiya i konflikty v mnogostoronnej trgovoj sisteme [Contradictions and conflicts in the multilateral trading system] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. N 9. S. 5–14 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-197-211

САМОДЕРЖАВИЕ КАК ФАКТИЧЕСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ МОГУЩЕСТВО

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, проф. кафедры истории и философии Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

Статья посвящена историческому термину “самодержавие” в трактовке профессора П.Е. Казанского, как самостоятельная, непроеизводная, имеющая единственное основание в самой воле Божией, и потому в земной действительности, являющую собой господствующую силу в государстве. Эта сила не только юридически верховная, но и фактически, социально сильнейшая, без чего невозможно было бы и господство.

В своей концепции профессор П.Е. Казанский утверждает, что самодержец был суверен не только юридический, как обладавший юридически закреплёнными в Основных законах государства правами верховной власти, но являлся сувереном и фактическим, обладавшим исторически господствующей силой в обществе.

Ключевые слова: *верховная власть, государство, Российская империя, император, управление, самодержавие, реформирование, государственный строй, верховное управление, закон, социальный слой.*

AUTOCRACY AS ACTUAL HISTORICAL POWER

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

The article is devoted to the historical term “Autocracy” in the interpretation of Professor P.E. Kazansky, as an independent, non-derivative, having the only basis in the will of God itself, and therefore in earthly reality, which was the dominant force in the state. This force is not only legally supreme, but also, in fact, socially the strongest, without which domination would be impossible.

In his concept, Professor P.E. Kazansky argues that the autocrat was not only a legal sovereign, as he possessed the rights of supreme power legally enshrined in the Basic Laws of the state, but was also a de facto sovereign, who historically possessed the dominant force in society.

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

Key words: *supreme power, state, Russian empire, emperor, administration, autocracy, reformation, state system, supreme administration, law.*

Одним из основных свойств верховной власти императоров было самодержавие. Термин очень старый, появившийся еще во времена образования единого централизованного государства. В определенной степени самодержавие было переводом титула византийских императоров — автократор. Одновременно самодержавие стало символом освобождения от монголо-татарского ига.

Как юридический термин слово “самодержавие” появляется в древнерусской письменности задолго до официального принятия его как титула московских государей. Самодержавие — явление глубоко национальное, самобытное и оригинальное. Первым официально стал титуловаться самодержцем великий князь Иоанн III Васильевич. Этот титул обозначал, с одной стороны, преемство с византийскими василевсами, а с другой — подчеркивал самостоятельность русских государей от татарских ханов.

Никаких исторических источников, из которых могла бы произойти власть самодержцев, т.е. юридических договоров, международных соглашений, делегирования полномочий от одной власти другой, — ничего подобного в истории формирования самодержавной власти в России найти нельзя. Есть только один источник происхождения власти самодержавных государей, как это исторически трактовалось — воля Божия. Тем самым отсекались все другие воли, не могущие быть источником самодержавия. Русские самодержцы, таким образом, позиционировались как монархи Божией милостью.

Эта формула, “Божией милостью”, такая же древняя, как и сам термин “самодержавие”. Понимание власти государей ярко выражено у святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского: “Глубочайший источник и высочайшее начало власти только в Боге. От Него же идет и власть Царская. Бог по образу своего небесного единоначалия устроил на земле Царя, по образу своего вседержительства — Царя самодержавного, по образу своего непреходящего царствования — Царя наследственного”¹.

Таким образом, верховная власть государей императоров всегда трактовалась консервативными идеологами в России как самостоятельная, производная, имеющая единственное основание в самой воле Божией, и потому в земной действительности она являла собою господствующую силу в обществе. Эта сила не только юридически

¹ *Кременецкий П.* Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. М., 1888. С. 13.

верховная, но и фактически сильнейшая, без чего невозможно было бы и господство.

Вслед за этим можно вывести следующее утверждение: самодержец был суверен не только юридический, как обладавший юридически закрепленными в Основных законах государства правами верховной власти, но суверен и фактический, обладающий фактически господствующей силой в государстве.

Тут же нельзя не отметить, вслед за профессором П.Е. Казанским, преимущества русской юридической терминологии, по которой суверенитет юридический выражается термином “верховенство”, а суверенитет фактический — термином “самодержавие”. Разделение суверенитетов юридического и фактического принципиально недопустимо из-за возможной борьбы за власть. А потому только та верховная власть может быть юридически верховной, которая самодержавна, и только та власть может господствовать, которая должна быть одновременно и верховной, и самодержавной.

В исторической жизни русского государства самодержцы отдавали себе отчет в том, что их власть не есть самоцель, а лишь орудие для претворения в исторической действительности тех высоких национально-политических идеалов, которыми жила нация. Русское самодержавие служило русскому государству, русской нации, Православной церкви как ревностный служка, не щадивший ни сил, ни самой жизни в своем подвиге.

В Основных законах Российской Империи императорская власть характеризуется как самодержавная: “Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть”² и: “Полный титул Императорского Величества есть следующий: Божию поспешествующею милостью Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский”³.

Профессор П.Е. Казанский толковал словестное выражение “самодержавие” следующим образом: «В него входят два корня: “сам” и “держу”, смысл которых совершенно ясен. “Сам” значит собственной, личной силою, “держу” — конечно, держу власть — обладаю, имею. Другими словами, самодержавие есть **обладание властью в силу собственного могущества**.

На вульгарном языке слово “сам” означает иногда “один”. В этом случае **самодержавие означало бы единовластие**. Такой смысл, как мы увидим, также придают ему некоторые. Но для нас решающее

² Основные законы. Ст. 4.

³ Там же. Ст. 59.

значение имеет то толкование, какое дают этому выражению наши законы. Они признают за ним именно первый смысл»⁴.

В чине коронования это особенно явственно проявляется, когда император сам берет скипетр и державу, и сам надевает корону. Этим актом указывается на собственное могущество, как на источник императорской власти.

Могущество это произошло исторически, естественно, путем преодоления всевозможных внутривнутриполитических и внешнеполитических трудностей.

Профессор П.Е. Казанский утверждал, что «нет ни одного акта, ни государственного, ни международного, который установил бы Императорскую власть в России. Она не является созданием какой-либо власти, которая стояла бы выше ее, она не основывается также на договоре между нею и каким-либо другим деятелем, она не является и делегированной, врученной или препорученной Государю Императору, опять-таки, хотя бы потому, что власти высшей Императорской в русском праве и вообще нет»⁵.

Основные законы так же указывали и на то, что источник императорской власти — воля Божия. Или как это было сформулировано «Монарх Божию милостью»⁶.

Формула «Божиею милостью» существовала еще со времен великих князей Василия I и Василия II Темного.

Таким образом, власть самодержавная не зависела ни от какой земной власти, существовала, как верили монархи, Божией милостью, являлась произвольной и не делегированной никем властью. Самодержцы царствовали по собственному праву, соединяя в своих руках все стихии державной власти.

«Своим производным характером, — пишет профессор П.Е. Казанский, — Императорская власть отличается от властей подчиненных. Последние являются **производными** именно от власти Монарха, потому что созданы правом, источником которого является Верховная Власть. **Их власть не является и собственной** их властью, потому что каждому органу государства непосредственно или посредственно она вручается от Государя Императора, потому что в своей деятельности они должны руководствоваться внешне обязательными для них законами, указами и повелениями Монарха

⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 770–771.

⁵ Там же. С. 773.

⁶ Основные законы. Ст.59: «Божиею поспешествующею милостию Мы», далее следует собственное имя Государя императора и все его исторические наименования.

и распоряжениями правительства, потому что все акты подчиненных властей совершаются, так или иначе, под надзором Верховной Власти и подлежат, в известных случаях, кассации с ее стороны, наконец, потому, что за свои действия все они несут судебную и административную ответственность.

<...> Раз власть Государя Императора непроездовая, или самостоятельная, т.е. собственная, личная, то единственное основание, на котором она может основываться, — собственное же могущество Государя Императора, представляющее **господствующую**, хотя и не единственную **силу в государстве**. Без существования силы, которая бы перевешивала все остальные силы, ни одно государство вообще существовать не может. Оно должно обратиться в состояние хаоса и исчезнуть. Такая сила находится в Российской Империи в руках Государя Императора.

Господствующая сила может быть физической, духовной или экономической — в государствах нашего времени имеет она всегда смешанный характер, — явной или даже тайной, исторически сложившейся или временно захваченной, сознательно организованной или фактически образовавшейся, правомерной или деспотической, пользующейся нравственным авторитетом или ненавидимой, единоличной или коллективной и пр. Она необходима для того, чтобы давать общее верховное направление судьбам государства. Итак, самодержавной называется русская Верховная Власть, покоящаяся на собственной силе, **самодержавием же верховная государственная власть**, располагающая наибольшим могуществом в России, **или лишь могущество, находящееся в руках Верховной Власти**. Могущество это может проявляться во внутренних отношениях государства и во внешней его жизни”⁷.

Понятие “самодержавие” сформулировано специально для обозначения государственного могущества и носит глубоко национальный характер. Самодержавие царей и императоров, по своему происхождению, являлось именно фактической силой, т.е. суверенитетом фактическим.

Говоря о русской государственной терминологии, профессор П.Е. Казанский особо подчеркивал, что “великое преимущество русской терминологии состоит в том, что для каждого из этих двух понятий суверенитета она создала особое выражение, если дело идет о суверенитете юридическом — верховенство; если о суверенитете фактическом — самодержавие”⁸.

⁷ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора... С. 781, 782.

⁸ Там же. С. 784.

В тысячелетней России суверенитет находился в руках самодержавной власти. Самодержавие, обладая фактическим суверенитетом, т.е. свободой, независимостью от соседних владык, охраняло на протяжении многих веков русскую национальную свободу, используя для этого русскую силу. Подчинение русского народа власти русских государей давало возможность последним защищать русское государство как национальный русский Дом, стремящийся объединить в своих границах весь русский мир.

В русской государственной терминологии, такие слова, как “самодержавие”, не только подчеркивали независимость, освобождение от татарской зависимости, но и указывали на преемственность с римскими цезарями и греческими василевсами. Слово “самодержавие” показывало историческую особенность происхождения Русской власти, власти сформировавшейся в ходе национальной освободительной войны.

Конечно, могущество русской самодержавной власти наполняла русская народная сила. Но независимые русские Государи правили не по воле народа, но используя, обладая, руководя силой нации. Нет ни одного учредительного акта, который бы основывал самодержавную власть царей. Единственным источником этой величайшей власти почиталась воля Божия.

Могущество Самодержцев держалось на военной мощи и религиозно-нравственном значении царской власти. Царская власть была исторической национальной властью, господствовавшей и не имевшей конкурентов в нашей стране.

Фактическое значение, которое имели русские цари и императоры, после падения Византийской Империи было значительно шире национальных рамок. Православные русские Государи были сильнейшими монархами православного мира, катехонами для православного Востока.

Самодержавие является особенностью русского государственного строя, так как представляет собой фактический властный суверенитет, принадлежавший императору и сформировавшийся в России исторически, как державное могущество.

Самодержавие, по мнению многих государствоведов, обозначало прежде всего внутреннюю неограниченную власть, ее безраздельное господство во внутреннем управлении страной. Самодержавна та власть, которая фактически наиболее могущественна в государстве, а значит и юридически верховна.

Верховная власть писал правовед Н.И. Черняев: “...разнится по организации, но кому бы она ни принадлежала, какой бы характер она ни носила, монархический или республиканский, аристокра-

тический или демократический, она *de jure* и по размерам всегда и везде была и будет **самодержавна**. И в этом, разумеется, нет ничего странного, ибо те страхи, о которых мы упоминали, зиждутся на ребяческом предположении, что тот, кто может сделать **все de jure**, может сделать **все и de facto** и что помимо юридических сдержек нет никаких других. Люди, прибегающие к таким аргументам, сами не верят тому, что говорят, и прекрасно понимают, что Верховная Власть всех времен и народов, имевшая право делать одни безумства, в действительности была одним из главных двигателей цивилизации. Опасаться самодержавия монархов только потому, что они самодержавны, не вникая в исторические и бытовые условия их деятельности, то же самое, что опасаться Верховной Власти только потому, что она безгранична”⁹.

Профессор П.Е. Казанский настаивал, что термины “самодержавие” и “неограниченность” различаются по смыслу: «...понятие неограниченности власти Монарха толкуется в следующем смысле: Монаршая власть, как власть верховная, не знает ни над собой никакой высшей власти, ни рядом с собой никакой равной власти, а потому не знает и никаких норм, которые были бы внешне обязательны для нее как веления власти высшей или как соглашения с властью равной. **Все эти элементы неограниченности власти тесно связаны между собой** и образуют одно понятие неограниченности власти. Но возможно и различать их, и отдельно изучать каждый из них, и даже присваивать каждому особое наименование. Так, **отсутствие власти равной можно называть единодержавием. Отсутствие власти высшей — независимостью**. Говоря о неимении внешне обязательных для Монарха норм, можно развивать учение о нравственной обязательности права для Верховной Власти и т.д. **Одного только, по моему мнению, делать нельзя, именно придавать выражению “самодержавие” смысл единодержавия**»¹⁰.

Институт самодержавия был не просто властью одного человека, каковой может быть и единоличная диктатура. Самодержавие еще и законный, а не узурпаторский источник всякой власти в государстве, соединяющий в своих руках наследуемую им историческую власть, представляющую собой высшую фактическую мощь в стране. Наследственную государственную мощь, соединяющую в себе все стихии государственной власти.

Термин самодержавие вполне может восприниматься, как синоним понятия полновластия, полноты обладания всей властью в

⁹ Черняев Н.И. О русском самодержавии. М., 1895. С. 20.

¹⁰ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора... С. 809.

государстве. Самодержавие в реальности было господствующим могуществом, концентрировавшим всю власть в государстве, при котором нет никакой власти, которая бы не вытекала из власти Государей.

При всем при этом, профессор П.Е. Казанский не отрицает в понятии самодержавия и наличия фактического внешнеполитического могущества. Суверенитет объемлет собой не только внутреннюю, но внешнюю самостоятельность. Но профессор П.Е. Казанский считает, что внутривластный суверенитет, внутреннее властное господство важнее, первичнее. Такое утверждение, профессор основывает на религиозно-нравственной сути самодержавной власти, на том смысле, который транслируется при коронации. При восприятии скипетра и державы, в чине коронации говорится о видимом образе дарования свыше управления “над людьми своими”.

Таким образом, в религиозном смысле самодержавие есть власть “над людьми своими”.

Исторически самодержавие явилось результатом тысячелетнего организационного процесса, концентрации, сосредоточения власти в одних руках. Власть, которая в обществах бывает, разлита по самым разнообразным социальным группам, между богатыми и бедными, сильными и слабыми.

Самодержавие концентрировало в своих руках власть, уничтожая в обществе аристократическое или анархическое многовластие. В этом и состоял главный смысл деятельности самодержавной власти великих князей, царей и императоров.

Как писал профессор В.Д. Катков: «Самодержавие русское есть продукт нравственных сил страны, великий этический институт. Ради создания и сохранения русского государства, а посредственно и ради создания и сохранения русского Самодержавия, **поколения людей в течение целых веков жертвовали тем, что было дороже всего им на этой земле:** своим имуществом, личным счастьем и благополучием близких и милых сердцу людей, здоровьем и самой жизнью... Кости **миллионов** людей в лучшей поре своей жизни создали тот фундамент, на котором покоится русское государство и русское Самодержавие. Перед морем страданий, крови и слез, перед величием того памятника самопожертвования, который называется государственной историей страны, невольно вспоминаются слова русского Златоуста о развалинах Севастополя: “Пади здесь ниц, место бо сие свято есть”»¹¹.

Самодержавие исторически сложившаяся национальная форма государственного устройства России. Те черты самодержавной

¹¹ Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского Самодержавия. Харьков, 1907. С. 17.

власти, которые сформировались в борьбе за жизнеспособность страны, сформированы не какими-то отдельными людьми, а самой историей русского народа, русского государства. Институт самодержавия часть национальной истории, часть, творившая эту историю и в свою очередь формировавшаяся этой историей.

«Этот самодержавно-монархический принцип, — говорит А.В. Романович-Славатинский — **органическое, самопроизвольное создание русского национального духа**, органический продукт реальных мотивов и сил — географических, этнографических, конфессиональных и других, — которыми была обставлена наша история... Народы вырабатывают свои политические формы и свои **образы правления стихийно и органически**. Выбор их едва ли зависит от их произвола, и вопрос, который ставит Миль в своих размышлениях о представительном образе правления: “Могут ли быть образы правления предметом свободного выбора?”, должен быть разрешен отрицательно»¹².

Для профессора П.Е. Казанского проявление национального характера русского государственного строя, происходит, прежде всего, в организации духовного единства народа. Сама народная масса не способна логически мыслить и принимать сознательные государственные решения. Четко оформленной народной воли, как правило, невозможно выявить. Можно лишь говорить о смутных народных настроениях, неких неформальных стремлениях, туманных пожеланиях. Сознательные решения, глубокий анализ происходящего, высшие процессы духовной жизни являются достоянием лишь физических личностей, а не социальных общностей.

Но исторические судьбы народов зачастую требуют серьезнейших размышлений и решительных действий. И здесь представительство личностей, выступающих от имени целого народа, становятся совершенно не заменимыми.

Верховная власть становится в поворотные моменты истории подобным решающим представительством народа.

«Представитель государства, — писал профессор П.Е. Казанский, — может быть или **определенно указан** в виде, положим, члена какой-либо династии, или не указан заранее и может в тот или другой момент **выдвигаться сообразно обстоятельствам** в виде, положим, той или иной политической партии. К типу неопределенного представительства относится и тот случай, когда представительство разделяется между определенным представителем — мо-

¹² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886. С. 39, 79.

нархом — и неопределенным — “народным представительством” с лежащими в основе его партиями и т.п. В великих многонародных государствах с одним господствующим народом, в общем, должно быть предпочтено первое разрешение вопроса, т.е. указание на определенного представителя государства. Действительно, только оно дает полное обеспечение, что власть всегда останется в руках, примыкающих к господствующему народу. Второй способ является допустимым преимущественно в государствах однонародных. Он не пригоден для великих государств с многими народами в составе населения особенно потому, что при неопределенности представителя государства Верховная Власть в стране может быть захвачена и какой-либо организацией, враждебной господствующему народу, например **союзом инородцев**, а это должно влечь за собой, конечно, гибель государства»¹³.

Подобное монархическое представительство возможно при двух факторах. При наличии династии, которая обладает в государстве фактическим суверенитетом, т.е. господствующим могуществом и нравственным авторитетом. И развитой системе государственных учреждений, которые бы позволяли концентрировать в себе всю работу национальной мысли и объединять все проявления национального чувства.

При этом право превращает фактическое могущество в признанный и упорядоченный юридический суверенитет, в Верховную власть. Выражение народных мыслей и чувств обращается в право монарха, выражать их от имени государственной власти. Большая часть этих функций представительства осуществляют подзаконные органы управления и самоуправления, а надзаконные, верховные и творческие — непосредственно сам монарх.

“Таким образом, — утверждал профессор П.Е. Казанский, — на почве фактической и путем юридическим великое государство с многонародным населением превращается, действительно, в **некое единство**, способное мыслить, чувствовать, решать и осуществлять решения. Инородцы группируются вокруг народа-хозяина, во главе последнего стоит монарх. Монархическое представительство, получая юридическое признание, становится внешне обязательным установлением, как для тех лиц, которые его создавали, так и для тех, которые, быть может, боролись против него. Добровольное подчинение одних дополняется принудительным других. В монархе концентрируется и воплощается душа народа: мысль, чувство и воля народные.

¹³ *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора... С. 841.

Тем не менее, надо уметь делать различие между фактическими и юридическими отношениями государственной жизни. Так, с фактической точки зрения, господствующее в стране могущество (фактический суверенитет) принадлежит, как мы видели, монарху, но среди всех народов многоплеменного государства господствующее могущество должно принадлежать какому-нибудь одному народу и в этом отношении, но лишь в этом необычном, надо сказать, в современной теории государственного права, можно говорить и о **фактическом суверенитете народа-хозяина**. Юридический же суверенитет принадлежит только монарху. **Юридически** мы можем говорить лишь о **верховенстве монарха**. Верховная власть принадлежит ему”¹⁴.

Положительными сторонами монархического правления, профессор видит “простоту самодержавного строя”, его доступность для понимания народными массами, соответствие этой формы власти психологическим представлениям русских о государственном управлении, о почти безграничной власти, которая “все может” для обеспечения безопасности России, а также и о способности ее защищать слабых от сильных, бедных от богатых, простых от хитрых.

Наряду с этим концентрация власти в царских руках, дает возможность народу заниматься своими насущными, профессиональными занятиями, мирным трудом, не отвлекаясь на политические партийные дрязги борьбы за власть.

Власть монархическая способна быть социально нейтральной, не зависящей от частных своекорыстных интересов и партийных пристрастий, тем третейским судьей, который заботится о общем благе, о общегосударственной пользе, олицетворяя собой патриархальную заботу (Царь-батюшка) и религиозное служение православного Государя.

По мысли профессора П.Е. Казанского, «выражения “Русский царь” и “Всероссийский император” указывают на то, что изучаемую форму правления создал русский народ для себя, что в монархе России — русская душа, в его руках — русская мощь, в его воле — судьбы родины, что Царь есть воплощение России»¹⁵.

Здесь уважаемый профессор всецело разделять славянофильское понимание власти, как форму власти, избавляющую народ от многих политиканских забот, давая возможность сохранять свободу веры и бытовой жизни, т.е. заниматься своими насущными, реаль-

¹⁴ *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского Императора... С. 843.

¹⁵ Там же. С. 845.

ными личными, семейными и профессиональными занятиями. А на Государя смотря как на лицо избранное свыше и сознательно жертвующее собой, в тяжелом государственном служении.

Самодержавие исторически становится специальным органом, институтом для управления мирскими делами, позволяя остальному народу сохранять максимально возможную свободу их частной жизни.

При этом профессор П.Е. Казанский, как исследователь видит, что самодержавие в русской истории представляло из себя разные реформированные формы. Одним оно было в языческие времена, другим во времена христианских византийских влияний, третьим в борьбе с боярской аристократией и противостоянием с Польшей, четвертым во времена Российской Империи. Самодержавие каждого последующего Государя в русской истории имело свои оттенки, зависящие от влияния времени и от самой личности правителя.

Князь дружинник, перетек со временем в князя вотчинника, собирателя русской земли, в дальнейшем расширившись до земского царя-домовладыки и далее переформатировавшимся во всероссийского императора.

Во все времена оставалась неизменной лишь функция царской верховной власти — устроителя русского государства, его защитника и преобразователя.

Только великая по силе власть русских правителей позволяла на протяжении тысячелетней истории созидать великую государственность, примирять социальные внутренние противоречия и защищать ее от внешних врагов.

Сосредотачивая в своих руках великую власть, самодержцы охраняли национальную свободу, служа развитию русской культуры и самобытности.

Образ власти исторически сложившийся в русской психологии, продолжает иметь и сегодня весьма определенные “самодержавные” оттенки. В истории России окончательное уничтожение монархического принципа возможно лишь при кардинальном изменении народного сознания в отношении образа власти, т.е. перемены представления о национальном идеале властителя.

Революции могут свергать ту или иную династию, но образ сильной неограниченной власти, сформировавшийся веками в национальном сознании, всё равно будет сохраняться, что является залогом сохранения идеала власти, действовавшего в русской истории.

Как писал профессор К.Д. Кавелин, “у нас Верховная Власть, сосредоточенная в руках Государя, есть выражение государственного

и народного единства. В этом отношении она так же мало противоположна народу, как голова туловищу, и составляет органическую часть политического тела — русской империи. Ее назначение — давать единство различным отправлениям этого политического тела, разрешать взаимное столкновение различных элементов, произносить последнее слово там, где разные интересы не могут сами прийти к соглашению и грозят нарушить гармонию целого”¹⁶.

Основные начала русского государственного строя профессор П.Е. Казанский видел следующим образом. Государственная власть принадлежит императору. Власть этого государственного управления верховна и самодержавна, т.е. обладает суверенитетом как юридическим, так и фактическим. Самодержавна она, потому что в ее основании лежит наивысшее в государстве фактическое могущество, военное и религиозно-нравственное.

Будучи юридически неограниченной, как верховная власть, власть императора самоограничена в законодательстве, осуществляя его в единении с Государственной думой и Государственным советом.

Законодательство в Российской Империи имело два пути правообразования: закон и Высочайший указ. Закон противопоставлялся акту верховного управления, каковыми были Высочайшие указы.

Государственный строй Российской Империи был представительным, поскольку законодательную власть император осуществлял непосредственно и в единении с представительными учреждениями (Государственной Думой и Государственным Советом).

В верховном управлении император действовал непосредственно. В управлении подчиненном посредством властей исполнительных и судебных. Но и власть законодательная и власть подчиненного управления принадлежала непосредственно монарху. Поскольку деятельность законодательных палат, созданных императорской властью, находящихся под ее надзором, была сведена по сути к установлению окончательного текста законопроектов.

Главным отличительным моментом русского государственного строя являлось верховное управление, т.е. власть учредительная, чрезвычайная и последних решений.

Полнота власти, т.е. все виды государственной власти, принадлежали императору, именно потому, что он был не только источником права, т.е. юридически неограниченным владыкой, но и источником полномочий всех органов государства.

В области законодательства император так же не был конституционным (ограниченным) монархом, так как мог действовать не

¹⁶ Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1904. Т. II. С. 951.

только в порядке статьи 86 Основных Законов (издания 1906 г.), но и самостоятельно издавая Высочайшие указы.

Говоря об отсутствии конституционного правления, профессор П.Е. Казанский, однако утверждал, что в Российской Империи существовала русская конституция. Под русской конституцией он понимал Основные законы, которые в своей первой части, первого тома Свода Законов, описывали правовой строй русского государства, с перечнем главных законодательных установок.

По своему содержанию Основные законы Российской Империи устанавливали внутреннюю организацию власти в государстве, а значит, могли называться монархической конституцией, не в смысле ограничения власти, а в смысле построения системы властных учреждений, созданных Верховной самодержавной властью.

Как писал известный юрист Н.А. Захаров, “если конституция — зафиксированное, установленное изложение форм властвования, то самодержавие есть одна из этих форм”¹⁷.

Личное верховенство монарха имело в Российской Империи законченную систему юридических положений, в основе которой лежало два начала верховенство власти и самодержавная полнота ее проявлений. К тому же институт самодержавной власти был не только определенной формой государственного строя, но и отраженной в этой форме исторически выразившейся русской национальной волей, всецело сосредоточенной в державной личности правителя российской Империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912.

Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1904. Т. II.

Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913.

Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского Самодержавия. Харьков, 1907.

Кременецкий П. Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. М., 1888.

Основные законы, издания 1906 года.

Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Киев, 1886.

Черняев Н.И. О русском самодержавии. М., 1895.

¹⁷ *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 137.

REFERENCES

Chernyaev N.I. O russkom samoderzhavii [About the Russian autocracy]. M., 1895 (in Russian).

Katkov V.D. Nravstvennaya i religioznaya sankciya russkogo Samoderzhaviya [The moral and religious sanction of the Russian Autocracy]. Har'kov, 1907 (in Russian).

Kavelin K.D. Sobranie sochinenij [Collected works]. SPb., 1904. T. II (in Russian).

Kazanskij P.E. Vlast' Vserossijskogo Imperatora. Oчерki dejstvuyushchego russkogo prava [The Power of the All-Russian Emperor. Essays on current Russian law]. Odessa, 1913 (in Russian).

Kremeneckij P. Hristianskoe uchenie o carskoj vlasti i ob obyazannostyah vernopoddannyh [Christian doctrine of the tsarist government and the duties of loyal subjects]. M., 1888 (in Russian).

Osnovnye zakony, izdaniya 1906 goda [Basic Laws, editions of 1906] (in Russian).

Romanovich-Slavatinskij A.V. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvennym pravom Zapadnoj Evropy [The system of Russian state law in its historical and dogmatic development, compared with the state law of Western Europe]. Kiev, 1886 (in Russian).

Zaharov N.A. Sistema russkoj gosudarstvennoj vlasti [The system of Russian state power]. Novocherkassk, 1912 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕМОГРАФИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-212-230

К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ ГАДЖЕТИЗАЦИИ
НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Автор статьи размышляет о проблемах и перспективах широкого распространения гаджетов в современном цифровом мире. Развитие информационных технологий затрагивает все сферы жизни людей, в том числе вносит изменения в супружеские и детско-родительские отношения. В статье рассматривается современная литература и проводится вторичный анализ данных исследований Фонда общественного мнения (ФОМ), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и др., касающихся позитивных и негативных аспектов влияния цифровых технологий на семейное взаимодействие. Уделяется внимание особенностям сетевого поведения, онлайн общения как родителей, так и детей, в частности таким проблемам как: гаджетозависимость (гаджет-аддикция), т.е. неконтролируемое пользование гаджетами; фаббинг — привычка погружаться в гаджет во время разговора с оффлайн собеседником и т.д. Гаджеты становятся членами семьи, одушевляются и вписываются в привычный домашний ландшафт. Родители, с одной стороны, пытаются контролировать взаимоотношения гаджет-ребенок, с другой — сами погружены в гаджеты, а также используют их как средство поощрения/наказания, тем самым только повышая ценность девайса в глазах ребенка.

Являясь одним из важнейших атрибутов жизни современного человека, гаджеты отличаются функциональностью, мобильностью и практически непрерывной возможностью выхода в интернет. Они позволяют преодолеть ограничения реальных контактов, объединяя в себе людей проживающих далеко друг от друга, помогают поддерживать связь с близкими на расстоянии, совмещать трудовую деятельность и воспитание детей, получать новые знания, совершать покупки, не выходя из дома.

Было бы ошибочным оценивать влияние гаджетов на повседневные практики, в том числе семейные по шкале “положительное — отрицательное”. “Гаджетизация” — сложный процесс, требующий пристального изучения.

Ключевые слова: гаджет, девайс, гаджет-аддикция, семья, дети, детско-родительские отношения, супружеские отношения, интернет, инновационные технологии, фаббинг.

* Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

ON THE INFLUENCE OF GADGETS ON FAMILY RELATIONSHIPS

Novoselova Elena N., PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of the Family and Demography, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

The author of the article reflects on the problems of using of gadgets in the modern world. The development of information technology affects all spheres of people's lives, including changes in marital and child-parent relationships. The article examines modern literature and conducts a secondary analysis of research data from the Public Opinion Foundation (FOM), the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), etc., concerning the positive and negative aspects of the influence of digital technologies on family interaction. Attention is paid to the peculiarities of network behavior, online communication of parents and children, in particular to such problems as: gadget addiction (gadget addiction), i.e. uncontrolled use of gadgets; phubbing — the habit of immersing yourself in a gadget while talking with an offline interlocutor, etc. Gadgets become members of the family, “living creatures”, part of a family environment. Parents, on the one hand, try to control the gadget-child relationship, on the other hand, they themselves are immersed in gadgets, and also use them as a means of reward/punishment, thereby only increasing the value of the device in the eyes of the child.

Being one of the most important attributes of the life of a modern person, gadgets are distinguished by functionality, mobility and almost continuous access to the Internet. They allow you to overcome the limitations of real contacts, uniting people living far from each other, helping to maintain contact with loved ones at a distance, combining work and raising children, gaining new knowledge, and shopping without leaving home.

It would be wrong to assess the impact of gadgets on everyday practices, including family practices, on a “positive-negative” scale. “Gadgetization” is a complex process that requires close study.

Key words: gadget, device, gadget addiction, family, children, child-parent relationships, marital relationships, Internet, innovative technologies.

Сегодня мы живем в мире, для которого характерно значительное изменение социальной реальности, связанное в первую очередь с активным внедрением в общественные процессы и социальные практики новейших информационных технологий. “Цифровизация”, “гаджетизация”, “интернетизация” — связанные процессы, которые происходят довольно быстро и спонтанно, их трудно контролировать, при этом проникают они во все сферы жизни общества, включая семейную жизнь.

Точного определения понятия “гаджет” и феномена гаджетизации в научном сообществе не сложилось. Но прежде, чем перейти к основному предмету статьи необходимо хотя бы примерно очертить, о чем пойдет речь и остановиться на самом понятии “гаджет”.

Несмотря на активное употребление этого заимствования (от англ. gadget) для него характерна семантическая диффузность, позволяющей применять его для наименования достаточно большого числа предметов. Под гаджетами в данной работе мы будем понимать мобильное информационно-коммуникационных устройство, обеспечивающие мобильный доступ к интернету, спутниковой навигации и пр., те или иные технические средства, предназначенные для облегчения и усовершенствования жизни человека. Причем слова “гаджет” и “девайс” и им подобные будут использоваться как синонимы, хотя лингвисты, например И.Б. Левонтина¹ разделяют эти понятия, однако для раскрытия темы статьи эта разница не представляется существенной, так как нас интересует “гаджетизация” как процесс изменение технологий усвоения новых знаний и навыков, замена реального общения виртуальным, изменение коммуникации в целом, повышение значимости символов — смайликов и мемов для выражения эмоциональных оценок и т.п., а не тип самого устройства, с помощью которого данная коммуникация осуществляется.

Гаджеты становятся членами семьи, домостифицируются², люди одушевляют их и вписывают в привычный им домашний ландшафт³. Гаджеты изменили характер общения внутри семьи: с одной стороны они увеличили частоту контактов, так как отправить сообщение просто, быстро и эффективно; но с другой — изменили их качество, что связано с тем, что погруженность в виртуальный мир может приводить к уменьшению количества внимания своим близким в реальной жизни, конфликтам с партнером или ребенком, игнорированию друг друга даже при нахождении в одной комнате и т.д. Почти для половины детей виртуальная реальность становится альтернативой откровенных разговоров с родителями — 46,2% подростков заявляют о том, что им проще обсуждать свои проблемы в интернете, чем с близкими⁴. В новой реальности нахождение ребенка дома уже не означает, что он находится в семье, физически

¹ Левонтина И.Б. Честное слово. М., 2021.

² Груднева В.В., Петрова Т.В. Доместикация интернета как социальный феномен // Форум молодых ученых. 2023. № 7 (83).

³ Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Яськин А.Н. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3; Корбут А.М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни. Мониторинг общественного мнения. 2021. № 1. С. 193–216.

⁴ Янак А.Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2021. № 1.

оставаясь дома, в семье, он может пребывать в виртуальном мире, что далеко не всегда безопасно, хотя у родителей и есть иллюзия “дома — значит в безопасности” и только 38,7% родителей объясняли/объясняют детям, с какими опасностями они могут столкнуться в интернете⁵ (54% по данным Лаборатории Касперского)⁶, 6% родителей просили своего интернет-провайдера заблокировать доступ к неподходящим сайтам⁷.

Согласно исследованию ВЦИОМ среди мер предпринимаемых родителями для того, чтобы обезопасить детей в интернете программы “Родительского контроля” — 41%, нахождение родителя рядом с ребенком, когда он выходит в сеть — 31%, установка программ, блокирующих “всплывающие окна” — 17%, т.е. в основном меры запретительного, ограничительного характера, однако исследования показывают, что такого рода контроль далеко не всегда снижает риски в пользовании интернетом, а в подростковом возрасте приводит к обратному результату, и даже могут усиливать степень проблемного использования интернета и усугублять зависимость⁸.

Если трансформации детско-родительских отношений под воздействием новых технологий посвящен целый пласт работ, то изменению супружеских крайне мало. Однако существует достаточное количество близких к теме исследований, направленных на изучение влияния “гаджетезации” и близких ей процессов на романтические отношения и их структуру. Одной из трендовых сегодня тем является партнерский фаббинг. Фаббинг (англ. phubbing; от англ. phone — “телефон” и snubbing — “пренебрежительное отношение”) — привычка постоянно отвлекаться на свой гаджет во время разговора с собеседником. Почти половина состоящих в отношениях людей (43%) подвергаются фаббингу от любимого человека, 23% обвиняют фаббинг в повышении конфликтности в их отношениях⁹,

⁵ Янак А.Л. Указ. соч.

⁶ Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет // Лаборатории Касперского. URL: https://kids.kaspersky.ru/files/KIDS_Report_RU_2022_final_UPD.pdf

⁷ Там же.

⁸ Livingstone S., Helsper E.J. Parental mediation of children's internet use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. Vol. 52. N. 4. P. 581–599; Xu Zh., Turel O., Yuan Yu. Online game addiction among adolescents: motivation and prevention factors // European Journal of Information Systems. 2012. Vol. 21. N 3. P. 321–340 (Цит. по: Спасская Е.Б., Проект Ю.Л., Иванушкина Н.О. Что думают родители о значении мобильных устройств в обучении их детей: роль установок и родительской медиации // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 4. С. 536–555).

⁹ Roberts J.A., David M.E. My life has become a major distraction from my cell phone: partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 54. P. 134–141.

и это не удивительно, так как не отрываются от гаджета и остаются онлайн 33% находящихся на свидании; 9% “не выпускают из рук” телефон и во время занятия сексом¹⁰. “Фаббинг влияет на личное благополучие индивида и уменьшает уровень удовлетворенности отношениями”¹¹.

Количество гаджетов и практик их использования растет непропорционально росту навыков, имеется в виду не только и не столько умение использовать тот или иной девайс, хотя если говорить о старшем поколении и это тоже, сколько навыки регулирования медиажизни, взаимодействия с диджитал-средой, цифровая гигиена и т.п.¹² Технологии, которые сегодня являются нашей обыденной реальностью еще несколько десятков лет назад можно было встретить лишь на страницах произведений самых смелых фантастов. Изменения происходят по традиционным меркам стремительно — если с момента изобретения радио и до достижения им 50 млн пользователей прошло 38 лет, то интернету удалось достигнуть этой цифры за четыре года (компьютеру за 16, телевидению за 13 лет)¹³. По данным на 2022 г. 81% населения России (12+) использовали интернет хотя бы раз в месяц, большинство (78%) ежедневно, причем показатели снижает группа 65+ (40%), в то время как в младших возрастных группах показатель достигает почти 100%¹⁴ (см. табл. 1), при этом мобильные устройства остаются самыми распространенными средствами выхода в Сеть¹⁵. Смартфона нет у 14% россиян, но эту, довольно высокую цифру, опять же дает более старшее поколение, у поколения цифры (2001 и позже г.р.) и миллениумов смартфоны имеются поголовно¹⁶.

¹⁰ Бозаджиев В.Л. Гаджет-аддикции, их виды и психологические характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021. № 2–3 (14–15).

¹¹ Григорьев Н.Ю., Чвякин В.А. Фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии // Гуманитарий Юга России. 2021. № 2.

¹² Колозариди П.В. Родители и гаджеты в большом городе // Шаги/Steps. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roditeli-i-gadzhety-v-bolshom-gorode> (дата обращения: 03.05.2024).

¹³ Тульчинский Г.Л. PR в сфере культуры. М., 2011. С. 278.

¹⁴ Бороздина Н. Аудитория Интернета в 2022 году // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtzxcg3rwk8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf

¹⁵ “Смартфонизация” рутинизирует онлайн-коммуникации. URL: <https://issek.hse.ru/news/780811313.html>; Исследование HONOR: 53% россиян испытывают стресс от разряженного смартфона. URL: <https://www.honor.com/ru/club/topicdetail/topicid-77370/>

¹⁶ Есть ли жизнь без смартфона? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona>

Аудитория интернета в 2022 г. (в %)

Возраст (лет) \ Период	12–17	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+
В месяц	98	97	96	94	88	72	40
В сутки	96	95	94	92	85	69	37

Источник: Бороздина Н. Аудитория Интернета в 2022 году // Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrllhud7t7dxyzw1rhtzxcg3rwx8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf

Вышеописанные изменения приводят к тому, что мы не всегда успеваем приспособиться, осмыслить новую реальность, что, в свою очередь, порождает огромное количество на первый взгляд противоположных мнений на эту тему, как среди обывателей, так и среди ученых.

Кто-то тревожится и полагает, что “подмена человеческого способа коммуникации в семье электронным суррогатом представляют существенную опасность, так как нарушают нормальный код и алгоритм психического, социального, культурного и духовного развития детей”¹⁷, считает, что гаджеты могут вредить интеллектуальному развитию, способствовать рассеянности, гиперактивности, дефициту внимания и творческой пассивности у детей¹⁸, наносить как психологический, так и физиологический ущерб. Появляются исследования о гаджет-аддикциях, нехимической зависимости — номофобии, в которых утверждается, что в поведении людей, зависимых от гаджета, проявляются те же симптомы, что и в поведении химически зависимых людей, со схожими факторами риска и последствиями¹⁹. Есть мнение, что гаджет зависимость негативно влияет на коммуникативные навыки людей, общение которых на-

¹⁷ Белоусова М.В., Карпов А.М., Уткузова М.А. Влияние гаджетов на развитие коммуникации, социализации и речи у детей раннего и дошкольного возраста // Практическая медицина. 2014. № 9 (85). С. 108.

¹⁸ Лукьянец Г.Н., Макарова Л.В., Параничева Т.М., Тюрина Е.В., Шибалова М.С. Влияние гаджетов на развитие детей // Новые исследования. 2019. № 1 (57); Subrahmanyam K., Greenfield P.M., Kraut R.E., Gross E.F. The impact of computer use on children's and adolescents' development // Apple Developer Psychol. 2001. Vol. 22. P. 7–30.

¹⁹ Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 45–362; Sundus M. The impact of using gadgets on children // Journal of Depression and Anxiety. 2018. 10 Jan.

чинает все активнее опосредоваться гаджетами²⁰, люди становятся менее чуткими друг к другу, что приводит к ухудшению эмоциональной связи с окружающими, “мы больше времени проводим, глядя вниз (на экран), чем вокруг себя (друг на друга)”²¹, некоторые даже говорят о расцвете синдрома селфи и закате эмпатии, которая, в свою очередь, лежит в корне всего, что делает общество цивилизованным²².

Особенно всех беспокоит погруженность в гаджеты младшего поколения, настолько, что по данным ВЦИОМ от 2022 г. проблема погруженности в гаджеты и компьютеры заняла первое место в списке угроз для детей (см. табл. 2).

Таблица 2

Главные угрозы для современных детей

(Ответ на вопрос: от чего, по-Вашему, современному родителю приходится защищать современных детей? (закрытый вопрос, до 3 ответов, в %))

	Все опрошенные	Муж.	Жен.
Погруженность в гаджеты, компьютер	57	54	60
Употребление наркотиков	43	46	42
Насилие и агрессия со стороны сверстников (травля)	39	33	44
Нехватка времени и внимания со стороны родителей, семьи	33	31	34
Употребление алкоголя, табака	28	30	26
Насилие и агрессия в отношении детей со стороны других взрослых	20	14	25
Ранние половые связи	8	8	8

Источник: От чего нужно защищать современных детей? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-chego-nuzhno-zashchishchat-sovremennyykh-detei>

С одной стороны, такое беспокойство небезосновательно. 79% юных пользователей отмечают, что не могут обойтись без смартфона: от 60% среди дошкольников и до 85% среди подростков 15–

²⁰ Исакова И.А., Янак А.Л. Информатизация и гаджетизация современного общества и детства // Cyberpsy. 2020.04.01. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/informatizaciya-detstva/>

²¹ Ланье Дж. 10 аргументов удалить все свои аккаунты в социальных сетях. М., 2019.

²² Серганина А.В. Отношение родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов // Общение в эпоху конвергенции технологий: Сб. науч. тр. М., 2022.

18 лет²³. Каждый десятый родитель отмечает, что к его ребенку пытались втереться в доверие незнакомые взрослые, среди детей так ответил каждый шестой, но при это 25% родителей не знают, какая информация размещена на странице их ребенка в социальных сетях²⁴, а там можно найти довольно много личных данных, причем у четверти детей страница не закрыта и доступна к просмотру всем. Дети указывают свой возраст, рассказывают о своих увлечениях и хобби (51%), отмечают номер школы (27%), размещают фото, на которых видно обстановку квартиры (13%), указывают имена родителей (12%), публикуют номер мобильного телефона 10%²⁵. С другой стороны, объявляя гаджет главной угрозой (57%), родители довольно активно используют гаджеты для того, чтобы отвлечь ребенка в поездке (92%)²⁶, 64,4% родителей вынуждены давать гаджеты чтобы побыть в тишине, либо для того, чтобы иметь возможность поработать или заняться домашними делами (77,9%)²⁷²⁸. Сами взрослые/родители также не выпускают телефон из рук и берут его с собой везде — 59% всегда держат устройство в поле видимости, 52% берут смартфон с собой даже в ванную и туалет²⁹, проверяя телефон в среднем 47 раз в день, или 82 раза, если им от 18 до 24 лет³⁰. Более половины родителей (53,3%), не упускают возможности использовать гаджеты с доступом в интернет для развлечений и проведения времени в очередях, в поездках, в свободные вечера, пренебрегая домашними обязанностями в пользу такого времяпрепровождения (23,3%)³¹. Почти половина родителей фотографии или видео своих

²³ Приобщают и защищают: названы самые популярные первые гаджеты у детей и инструменты обеспечения их онлайн-безопасности // Сайт Лабораторий Касперского. URL: https://kaspersky-ru.turbopages.org/kaspersky.ru/s/about/press-releases/2023_priobshayut-i-zashishayut-nazvany-samyepopulyarnye-pervye-gadzhetyyu-detej-i-instrumenty-obespecheniya-ih-onlajn-bezopasnosti

²⁴ Сиденко А. Взрослые и дети в интернете: альтернативные цифровые реальности // Сайт Лабораторий Касперского. URL: https://kids.kaspersky.ru/wp-content/uploads/sites/2/2022/08/220815_KIDS_RU_FIN_PDF.pdf

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Николаева Е.И., Исаченкова М.Л. Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей // Комплексные исследования детства. 2022. № 1.

²⁸ Янак А.Л. Указ. соч.

²⁹ Исследование HONOR: 53% россиян испытывают стресс от разряженного смартфона. URL: <https://www.honor.com/ru/club/topicdetail/topicid-77370/>

³⁰ Alderman L. The phones we love too much // The New York Times. 2017. May 2. URL: <https://www.nytimes.com/2017/05/02/well/mind/the-phones-we-love-too-much.html>

³¹ Янак А.Л. Указ. соч.

детей (48%), нередко сопровождая их дополнительной информацией о ребенке (34%): его имя, увлечения и истории из жизни и только 14% спрашивают при этом согласие ребенка.

Интуитивно понятно, что в семьях, в которой родители дозированно пользуются гаджетами, гораздо проще сформировать аналогичное отношение к цифровым девайсам у детей. На деле же родители сами подталкивают детей “в мир цифровых устройств и бесконечного контента”³² считая различные девайсы цивилизованными средствами для утешения, отвлечения и развития детей. Причем чем ниже уровень образования и дохода, чем чаще родители считают гаджет средством развития ребенка, и разница эта между менее и более обеспеченными/образованными семьями становится все очевиднее последнее 5–10 лет. Дети из низкодоходных семей и семей с не высоким уровнем образованием родителей проводят в среднем почти на два часа в день больше времени у экранов³³. Практически всем родителям не хватает цифровой грамотности, они не проходили специального обучения правилам безопасности в сети (84%) и у большинства из них нет на него запроса³⁴.

При этом гаджет является очень удобным инструментом манипуляции с помощью которого можно “включать и выключать” ребенка, поощрять и наказывать его, давая доступ к заветному девайсу или отбирая его — по данным ВЦИОМ 44% родителей считают этот метод допустимым³⁵, а по данным А.Л. Янак, 47,9% родителей не просто допускают, но и практикуют данный вид наказания за совершенные проступки, плохую успеваемость³⁶. При этом родителей дошкольников заявляют, что дети 2–3 лет начинают капризничать, если родитель ограничивает/прекращает их доступ к мобильному

³² Гаджеты и дети: цифровое неравенство поколений и как с этим жить // РБК. URL: <https://style.rbc.ru/life/65803a4b9a794740b26894d4>

³³ *Rideout V., Robb M.B.* The common sense census: media use by kids age zero to eight. San Francisco, 2020; *Przybylski A.K., Weinstein N.* Digital screen time limits and young children's psychological well-being: evidence from a population-based study // *Child Development*. 2017. Vol. 90. N 1. P. 56–65; *Pons M., Bannasar-Veny M., Yañez A.M.* Maternal education level and excessive recreational screen time in children: a mediation analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (23), P. 8930 (Цит. по: *Веракса А.Н., Корниенко Д.С., Чичина Е.А., Бухаленкова Д.А., Чурсина А.В.* Связь времени использования дошкольниками цифровых устройств с полом, возрастом и социально-экономическими характеристиками семьи // *Наука телевидения*. 2021. № 17.3).

³⁴ Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет // Сайт Лабораторий Касперского. URL: https://kids.kaspersky.ru/files/KIDS_Report_RU_2022_final_UPD.pdf

³⁵ Воспитание детей: вчера и сегодня // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vospitanie-detei-vchera-i-segodnja>

³⁶ Янак А.Л. Указ. соч.

устройству в 60% случаев, в 80% в группе 4–6 лет и в 100% случаев в группе 6–7 лет³⁷, 29% детей разных возрастов признаются, что испытывают грусть, когда телефон неожиданно отключается, а 17% — сильную злость. Родители говорят о гаджетах и интернете как триггере для возникновения ссор (57,7%)³⁸.

Если уже в возрасте 2–3 лет отказ в доступе к смартфону вызывает раздражение, то возникает вопрос, когда же ребенок знакомится с гаджетом. Возраст медиадебита в России колеблется от 0 до 4 лет, 53,7% родителей признаются, что ребенок познакомился с гаджетом в возрасте до двух лет (4,5% — до полугода, 24,9 — до года, 43,2 — с года до полутора лет, 27,3% — с полутора до двух лет), 21,9% — двух-трех лет, 7,6% — в возрасте трех-четырёх лет, только у 16,6% детей до четырех медиадебют отсутствует³⁹ (см. табл. 3). Таким образом, “изменилось пространство современного детства”⁴⁰, в него уже входят не только игрушки, конструкторы, наборы для творчества, но и “информационно-технические устройства, которые вошли в каждую семью и стали неотъемлемой частью процесса развития и взросления”⁴¹. Более того, гаджеты являются объектами настолько высокого значения для маленьких детей, что при проведении теста Бейли, дети в возрасте до двух останавливают свой взгляд именно на гаджете, хотя нормативным считается ситуация, когда из набора картинок, среди которых есть человеческое лицо, малыш выбирает лицо⁴². Уже в 4–5 лет треть детей (35%) имеют собственные смартфоны, а к возрасту 14–17 лет этот показатель уже стремится к 100%.⁴³ Родители замечают, что длительное использование ребенком интернета повышает его утомляемость (30,7%) возбудимость — 27,0%, провоцирует истерики — 23,9% и — перепады настроения 21,5%, агрессивность — 18,4%, снижение концентрации внимания — 12,9% и др.⁴⁴

³⁷ Ханова Т.Г., Семенова Е.В. Проблема “взаимодействия” детей дошкольного возраста с мобильными устройствами // *Economic Consultant*. 2019. № 1 (25).

³⁸ Янак А.Л. Указ. соч.

³⁹ Николаева Е.И., Исаченкова М.Л. Указ. соч.

⁴⁰ Белоусова М.В., Швец Е.В. Влияние информационных устройств и факторов социального окружения на развитие речи детей раннего возраста // *Вестник современной клинической медицины*. 2019. № 3.

⁴¹ Белоусова М.В., Швец Е.В. Влияние информационных устройств и факторов социального окружения на развитие речи детей раннего возраста.

⁴² Кунникова К.И. Психофизиологические особенности детей до двух лет с разными латеральными предпочтениями: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2021 (Цит. по: Николаева Е.И., Исаченкова М.Л. Указ. соч.).

⁴³ От 4 до 17: медиапредпочтения и не только // *Mediascope. KIDS&TEENS* 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/98d/shsux2bzjktmxy1exei440h-84gau5zu3/KidswTeens_%D0%9D%D0%A0%D0%A4.pdf

⁴⁴ Янак А.Л. Указ. соч.

Возраст ребенка при первичном знакомстве с гаджетами, в %
(согласно опросу родителей детей до 4-х лет)

Возраст ребенка						
0–2 года				2–3 года	3–4 года	Не знаком с гаджетами
0–4 месяца	5–12 месяцев	12–18 месяцев	18–24 месяца			
4,5	24,9	43,2	27,3	21,9	7,6	16,6

Построено по данным: Николаева Е.И., Исаченкова М.Л. Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей // Комплексные исследования детства. 2022. № 1.

Написано множество статей о проблемах с физическим здоровьем связанных с использованием гаджетов — боли в шее и спине, запястье, проблемах со зрением, снижением качества сна⁴⁵, вредном излучении и т.д.⁴⁶ Кроме того, люди со смартфонами не видят ничего вокруг, падают с лестниц, врезаются в фонарные столбы, получают травмы, не смотрят на дорогу, что становится еще опаснее, когда телефон находится в руках у водителя. По некоторым данным использование телефона за рулем повышает риск аварии в четыре раза, отправка sms — в шесть раз, при этом опрос ВЦИОМ показал, что более половины (62%) водителей признаются, что разговаривают по телефону за рулем, 31% — набирает сообщения, а 13% — пользуются соцсетями⁴⁷. Чрезмерное увлечение смартфоном приводит к экономическим издержкам для бизнеса — исследования фиксируют значительную связь между использованием смартфонов и пренебрежением работой, нерациональным расходованием времени на рабочем месте⁴⁸, так 28% рабочего времени квалифицированный

⁴⁵ Boumosleh J.M., Jaalouk D. Depression, anxiety, and smartphone addiction in university students. A cross sectional study // PLoS One. 2017. N 12 (8).

⁴⁶ Либина И.И., Мелихова Е.П., Попов М.В. Исследование влияния электронных устройств на состояние здоровья студентов медицинского вуза // Здоровье молодежи: новые вызовы и перспективы. Т. 5. Психологическое здоровье молодежи. Роль информационных технологий. М., 2019. С. 181–191; Subrahmanyam K., Greenfield P.M., Kraut R.E., Gross E.F. The impact of computer use on children's and adolescents' development // Apple Developer Psychol. 2001. Vol. 22. P. 7–30.

⁴⁷ Баршев В. Больше половины водителей отвлекаются от дороги на телефон // Российская газета. 2020.24.09. URL: <https://rg.ru/2020/09/24/bolshe-polovinyvovoditelej-otvlekaitsia-ot-dorogi-na-telefon.html>

⁴⁸ Duke É., Montag C. Smartphone addiction, daily interruptions and self-reported productivity // Addictive Behaviors Reports. 2017. Vol. 6. P. 90–95; Lee W.-J., Shin S.A. Comparative study of smartphone addiction drivers' effect on work performance in

сотрудник тратит на общение в соцсетях и обмен нерабочими сообщениями⁴⁹.

При всех недостатках, абсолютно ясно, что, став неотъемлемой частью нашей повседневной жизни современные информационно-коммуникационные технологии дали практически неограниченные возможности для саморазвития, самосовершенствования, самореализации, расширили наши возможности, обеспечивая удобство и доступность в различных сферах. Они упростили общение с близкими, позволяя отправлять сообщения, совершать видеозвонки и обмениваться медиафайлами, что было особенно ценно в период пандемии COVID-19, когда оффлайн общение нередко было попросту невозможно. Но и после окончания пандемии эта функция гаджета не потеряла своей актуальности и именно поддержание связи с родными и близкими является главной функцией смартфона в представлении российских пользователей (доля группы — 86%)⁵⁰. Создание семейных чатов стало уже привычным способом заботы о близких, особенно когда речь идет о детях и пожилых. Внуки используют мессенджеры (23,1%), видеосвязь (14,5%) и социальные сети (11,9%)⁵¹ для поддержания повседневной связи со своими бабушками/дедушками, а не только для общения со сверстниками. Интернет-сообщества родителей служат платформой для общения и инструментом с помощью которого можно попытаться найти решение семейных проблем, определиться с образовательным учреждением, кружком для ребенка и т.д. Родительские интернет сообщества позволяют преодолеть ограничения реальных контактов, объединяя в себе людей проживающих на значительном расстоянии друг от друга, дают возможность получать доступ к другим точкам зрения, минимизировать временные затраты, встроить интернет-общение в свой распорядок дня.

Точку зрения, что развитие интернета идет на пользу обществу, разделяют 54% россиян, 32% видят в этом вред. Примечательно, что чем ниже уровень образования тем выше доля тех, кто видит в интернете больше вреда чем пользы — 48% респондентов с не-

the U.S. and Korea // Journal of Applied Business Research (JABR). 2016. Vol. 32. N 2. P. 507–516 (Цит. по: *Шейнов В.П.* Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 1).

⁴⁹ *Бозаджиев В.Л.* Указ. соч.

⁵⁰ Есть ли жизнь без смартфона? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-zhizn-bez-smartfona>

⁵¹ *Янак А.Л.* Указ. соч.

полным средним образованием, против 27% с высшим и неполным высшим⁵², при этом среди людей с неполным средним образованием 36% вообще не пользуются интернетом, среди обладателей высшего образования таких только 8%⁵³. Что касается пользы/вреда интернета для детей, то здесь можно наблюдать интересную динамику — все большая доля родителей имеющих детей до 18 лет, пользующихся интернетом, считает, что в интернет скорее вреден (см. табл. 4).

Таблица 4

Мнение родителей о влиянии интернета на детей

(Ответ на вопрос: если говорить в целом, то как вы считаете, для детей интернет скорее полезен или скорее вреден? Данные в % от группы респондентов, у которых есть дети младше 18 лет, пользующиеся интернетом)

Вариант ответа \ Год	2012	2013	2015	2023
	Скорее вреден	29	26	30
Скорее полезен	53	55	51	42

Источник: Безопасность детей в интернете // Сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14880>

Среди причин называют: обилие ненужной, вредной информации, не рассчитанной на детей 18%, тот факт, что дети перестают думать самостоятельно — 9%, интернет-зависимость — 8%, минимизация прогулок из-за “зависания в интернете” — 7%, вред для здоровья — 4%. Среди позитивных моментов родители называют: много ценной, интересной информации, оперативный поиск — 20%, расширение кругозора, развитие — 11%, интернет необходим для учебы — 10%⁵⁴.

Новые технологии дали возможность совершать покупки онлайн в любое время, избегая походов по магазинам и экономя время на поиск необходимых товаров. 62% россиян совершают покупки через интернет (87% в категории 18–24 года, 85% жителей Москвы и Санкт-Петербурга, 78% с высшим и неоконченным выс-

⁵² Интернет и дети: возможности и угрозы // Сайт ВЦИОМ. 2021. 22 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-vozmozhnosti-i-ugrozy>

⁵³ Цифровой детокс — 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // ВЦИОМ. 2023. 13 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego>

⁵⁴ Безопасность детей в интернете // Сайт ФОМ. 2023. 06 Июня 2023. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14880>

шим образованием)⁵⁵. Сегодня мы смотрим фильмы, прослушиваем музыку, узнаем информацию о последних событиях в мире, “понимаем” незнакомые языки, “посещаем” музеи и страны, и т.д. используя всего один прибор, помещающийся на ладони. Кроме того, россияне все активнее пользуются колонками с голосовыми ассистентами, роботами-пылесосами, датчики света и т.д. считая, что это экономит время и обеспечивает удобство жизни. 83% знакомых с понятием “интернет вещей” россиян хотели бы, чтобы в их доме было больше “умных” устройств, 84% планируют в будущем объединить их в общую сеть⁵⁶. Современные технологии доказали свою полезность в пандемию, они помогли учиться и работать из дома, оставаться дома пользуясь услугами доставки, даже когда были необходимы продукты, средства гигиены, лекарства. В то же время отношение россиян к подобного рода гаджетам амбивалентно, с одной стороны гражданам хочется удобства, которое дают новые технологии, но с другой многие (50%) «видят проблему в том, что “умные” устройства, становятся все более автоматизированными, и человек может совсем потерять над ними контроль»⁵⁷.

Множество статей написано о цифровом неравенстве⁵⁸, и нельзя не согласится, что некоторые категории населения не обладают финансовыми, образовательными и другими возможностями для приобретения и освоения необходимых информационных устройств и, конечно, дело не только в этом, проблема глубже и здесь встает много этических вопросов, появляются новые риски и т.д. Тем не менее надо признать, что в целом рынок постоянно расширяется, технологии становятся доступнее, а интерфейс гаджетов интуитивно понятнее. В 2023 г. по сравнению с предыдущим годом “продажи смартфонов увеличились на 26% в штуках и на 22% в деньгах. Средняя цена смартфонов снизилась на 3% за счет высокого роста в сегменте до 10 тыс. рублей — за год он увеличился в 1,5 раза”⁵⁹. Интернет проникает в самые отдаленные уголки

⁵⁵ Покупки в интернете: доверие против мошенничества // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-v-internete-doverie-protiv-moshennichestva>

⁵⁶ Интернет вещей: 50% опрошенных боятся автоматизации “умных” устройств // Анкетолог. 2023. 28 апр. URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/04/25/internet-veshej>

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ См., например: *Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 1.

⁵⁹ Аналитика МТС: в 2023 году результаты продаж смартфонов в России стали одними из самых высоких за последние пять лет // Сайт МТС. 2023. 29 дек. URL:

и, хотя у 2,6 млрд человек во всем мире нет доступа к интернету⁶⁰, численность таких людей постоянно снижается и несмотря на проехи в охвате и сложности интернет сегодня является средством сближения социальных групп и стирания межгрупповых границ. Технологии способствуют изменению уровня информированности и развитости людей, принадлежащих к разным социальным общностям и слоям, поскольку основным источником информации является доступ к интернету.

Подводя итог всему вышесказанному хочется подчеркнуть очевидную на первый взгляд мысль о том, что “гаджет не может быть плохим или хорошим, вредным или полезным, он приобретает те или иные качества вследствие той роли”⁶¹ которой мы его наделяем. Гаджеты стали неотъемлемой частью нашей жизни и будут внедряться в нее еще глубже, все больше напоминая продолжение наших тел и наших личностей. Однако вряд ли имеет смысл их в этом обвинять, как и в том, что мы не находим время на живое общение с нашими близкими, потому что гаджет, по крайней мере пока, лишь инструмент для выполнения повседневных задач, он призван облегчить повседневную жизнь человека, предоставить ему больше времени для творческих занятий, и всего того, что ему — человеку, интересно. Человеко-машинное взаимодействие имеет свои прогрессивные и регрессивные последствия. Что касается семьи, то конечно, технологии позволяют каждому члену семьи жить в своем собственном виртуальном “мире”, но ведь они не принуждают нас к этому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусова М.В., Карпов А.М., Уткузова М.А. Влияние гаджетов на развитие коммуникации, социализации и речи у детей раннего и дошкольного возраста // Практическая медицина. 2014. № 9 (85).

Белоусова М.В., Швец Е.В. Влияние информационных устройств и факторов социального окружения на развитие речи детей раннего возраста // Вестник современной клинической медицины. 2019. № 3.

Бозаджиев В.Л. Гаджет-аддикции, их виды и психологические характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021. № 2–3 (14–15).

Веракса А.Н., Корниенко Д.С., Чичина Е.А., Бухаленкова Д.А., Чурсина А.В. Связь времени использования дошкольниками цифровых устройств с

<https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-mire/2023-12-29/analitika-mts-v-2023-godu-rezultaty-prodazh-smartfonov-v-rossii-stali-odnimi-iz-samyh-vysokih-za-poslednie-pyat-let>

⁶⁰ Новые данные об использовании интернета в мире: прогресс есть, но различия сохраняются // Сайт ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1447172>

⁶¹ *Николаева Е.И., Исаченкова М.Л.* Указ. соч.

- полом, возрастом и социально-экономическими характеристиками семьи // Наука телевидения. 2021. № 17.
- Григорьев Н.Ю., Чвякин В.А.* Фаббинг как неопределенное явление в структуре социальной девиантологии // Гуманитарий Юга России. 2021. № 2.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 1.
- Исакова И.А., Янак А.Л.* Информатизация и гаджетизация современного общества и детства // Cyberpsy. 2020.04.01. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/informatizaciya-detstva/>
- Колозариди П.В.* Родители и гаджеты в большом городе // Шаги/Steps. 2017. № 2.
- Корбут А.М.* Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения. 2021. № 1. С. 193–216.
- Ланье Дж.* 10 аргументов удалить все свои аккаунты в социальных сетях. М., 2019.
- Левонтина И.Б.* Честное слово. М., 2021.
- Либина И.И., Мелихова Е.П., Попов М.В.* Исследование влияния электронных устройств на состояние здоровья студентов медицинского вуза // Здоровье молодежи: новые вызовы и перспективы. Т. 5. Психологическое здоровье молодежи. Роль информационных технологий. М., 2019. С. 181–191.
- Лукьянец Г.Н., Макарова Л.В., Параничева Т.М., Тюрина Е.В., Шибалова М.С.* Влияние гаджетов на развитие детей // Новые исследования. 2019. № 1 (57).
- Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В.* Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 45–362.
- Николаева Е.И., Исаченкова М.Л.* Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей // Комплексные исследования детства. 2022. № 1.
- Серганина А.В.* Отношение родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов // Общение в эпоху конвергенции технологий: Сб. науч. трудов. М., 2022.
- Спаская Е.Б., Проект Ю.Л., Иванушкина Н.О.* Что думают родители о значении мобильных устройств в обучении их детей: роль установок и родительской медиации // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 4. С. 536–555.
- Тульчинский Г.Л.* PR в сфере культуры. М., 2011.
- Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Яськин А.Н.* Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3.
- Ханова Т.Г., Семенова Е.В.* Проблема “взаимодействия” детей дошкольного возраста с мобильными устройствами // Economic Consultant. 2019. № 1 (25).
- Шейнов В.П.* Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. № 1.

Янак А.Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2021. № 1.

REFERENCES

Belousova M.V., Karpov A.M., Utkuzova M.A. Vliyanie gadzhetov na razvitie kommunikacii, socializacii i rechi u detej rannego i doshkol'nogo vozrasta [The influence of gadgets on the development of communication] // *Prakticheskaya medicina*. 2014. N 9 (85) (in Russian).

Belousova M.V., Shvec E.V. Vliyanie informacionnyh ustrojstv i faktorov social'nogo okruzeniya na razvitie rechi detej rannego vozrast [The influence of information devices and social environmental factors on the development of speech in young children] // *Vestnik sovremennoj klinicheskoj mediciny*. 2019. N 3 (in Russian).

Bennasar-Veny M., Yañez A.M. Maternal education level and excessive recreational screen time in children: a mediation analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (23).

Boumosleh J.M., Jaalouk D. Depression, anxiety, and smartphone addiction in university students. A cross sectional study // *PLoS One*. 2017. N 12 (8).

Bozadzhiev V.L. Gadzhiet-addicicii, ih vidy i psihologicheskie harakteristiki [Gadget addictions, their types and psychological characteristics] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravoohranenie*. 2021. N 2–3 (14–15) (in Russian).

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva: urovni cifrovogo razryva [Prospects for the Russian information society: levels of the digital divide] // *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2019. N 1 (in Russian).

Duke E., Montag C. Smartphone addiction, daily interruptions and self-reported productivity // *Addictive Behaviors Reports*. 2017. Vol. 6. P. 90–95.

Grigor'ev N.Yu., Chvyakin V.A. Fabbing kak neopredelennoe yavlenie v strukture social'noj deviantologii [Phubbing as an uncertain phenomenon in the structure of social deviantology] // *Gumanitarij Yuga Rossii*. 2021. N 2 (in Russian).

Hanova T.G., Semenova E.V. Problema “vzaimodejstviya” detej doshkol'nogo vozrasta s mobil'nymi ustrojstvami [The problem of “interaction” of preschool children with mobile devices] // *Economic Consultant*. 2019. N 1 (25) (in Russian).

Isakova I.A., Yanak A.L. Informatizacija i gadzhietizacija sovremennoogo obshchestva i detstva [Informatization and gadgetization of modern society and childhood] // *Cyberpsy*. 2020.04.01. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/informatizacija-detstva/> (in Russian).

Kolozaridi P.V. Roditeli i gadzhety v bol'shom gorode [Parents and gadgets in the big city] // *Shagi/Steps*. 2017. N 2 (in Russian).

Korbut A.M. Odomashnivanje iskusstvennogo intellekta: umnye kolonki i transformacija povsednevnoj zhizni [Domestication of artificial intelligence: smart speakers and the transformation of everyday life] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2021. N 1. S. 193–216 (in Russian).

Lanè Dzh. 10 argumentov udalit' vse svoi akkaunty v social'nyh setyah. [10 arguments to delete all your accounts on social networks]. M., 2019 (in Russian).

Lee W.-J., Shin S.A. Comparative study of smartphone addiction drivers' effect on work performance in the U.S. and Korea // *Journal of Applied Business Research* (JABR). 2016. Vol. 32. N 2. P. 507–516.

Levontina I.B. Chestnoe slovo [Honestly]. M., 2021 (in Russian).

Libina I.I., Melihova E.P., Popov M.V. Issledovanie vliyaniya elektronnykh ustrojstv na sostoyanie zdorov'ya studentov medicinskogo vuza [Study of the influence of electronic devices on the health of medical university students] // *Zdorov'e molodezhi: novye vyzovy i perspektivy*. T. 5. Psihologicheskoe zdorov'e molodezhi. Rol' informacionnykh tekhnologij. M., 2019. C. 181–191 (in Russian).

Luk'yanec G.N., Makarova L.V., Paranicheva T.M., Tyurina E.V., Shibalova M.S. Vliyanie gadzhetov na razvitiye detej [The influence of gadgets on the development of children] // *Novye issledovaniya*. 2019. N 1 (57) (in Russian).

Maksimenko A.A., Dejneka O.S., Duhanina L.N., Saporovskaya M.V. Fabbing: osobennosti addiktivnogo povedeniya molodezhi [Phubbing: features of addictive behavior of youth] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. N 4. S. 45–362 (in Russian).

Nikolaeva E.I., Isachenkova M.L. Osobennosti ispol'zovaniya gadzhetov det'mi do chetyrekh let po dannym ih roditelej [Features of the use of gadgets by children under four years old according to their parents] // *Kompleksnye issledovaniya detstva*. 2022. N 1 (in Russian).

Pons M., Rideout V., Robb M.B. The common sense census: media use by kids age zero to eight. San Francisco, 2020.

Przybylski A.K., Weinstein N. Digital screen time limits and young children's psychological well-being: evidence from a population-based study // *Child Development*. 2017. Vol. 90. N 1. P. 56–65.

Rouberts J.A., David M.E. My life has become a major distraction from my cell phone: partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 54. P. 134–141.

Serganina A.V. Otnoshenie roditelej k ispol'zovaniyu doshkol'nikom elektronnykh gadzhetov [Parents' attitude towards the use of electronic gadgets by preschoolers] // *Obshchenie v epohu konvergencii tekhnologij: Sb. nauch. trudov*. M., 2022 (in Russian).

Shejnov V.P. Vzaimosvyazi zavisimosti ot smartfona s psihologicheskimi i social'no-psihologicheskimi harakteristikami lichnosti: obzor zarubezhnykh issledovanij [Relationships between smartphone addiction and psychological and socio-psychological personality characteristics: a review of foreign studies] // *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika*. 2021. N 1 (in Russian).

Spasskaya E.B., Proekt Yu.L., Ivanushkina N.O. Chto dumayut roditeli o znachenii mobil'nykh ustrojstv v obuchenii ih detej: rol' ustanovok i roditel'skoj mediacii [What parents think about the importance of mobile devices in their children's education: the role of attitudes and parental mediation] // *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*. 2023. T. 5. N 4. S. 536–555 (in Russian).

Subrahmanyam K., Greenfield P.M., Kraut R.E., Gross E.F. The impact of computer use on children's and adolescents' development // *Apple Developer Psychol*. 2001. Vol. 22. P. 7–30.

Sundus M. The impact of using gadgets on children // *Journal of Depression and Anxiety*. 2018. 10 Jan.

Tul'chinskij G.L. PR v sfere kul'tury [PR in the field of culture]. M., 2011 (in Russian).

Ushkin S.G., Koval' E.A., Yas'kin A.N. Zhit' s Alisoj: kak golosovye pomoshchniki transformiruyut praktiki kommunikacii? [Living with Alice: how are voice assistants transforming communication practices] // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2022. N 3 (in Russian).

Veraksa A.N., Kornienko D.S., Chichinina E.A., Buhalenkova D.A., Chursina A.V. Svyaz' vremeni ispol'zovaniya doshkol'nikami cifrovyh ustrojstv s polom, vozrastom i social'no-ekonomicheskimi karakteristikami sem'i [Relationship between the time preschoolers use digital devices and gender, age and socio-economic characteristics of the family] // Nauka televideniya. 2021. N 17 (in Russian).

Yanak A.L. Deti i roditeli v informacionnom prostranstve: vzaimodejstvie, riski i strategii obespecheniya bezopasnosti [Children and parents in the information space: interaction, risks and security strategies] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2021. N 1 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-3-231-253

ЗУМЕРЫ И БУМЕРЫ: МЕЖПОКОЛЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

О.А. Парфенова, канд. социол. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005*

И.С. Петухова, канд. социол. наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005**

В своем исследовании мы рассматриваем основания и особенности межпоколенной солидарности между современным молодым поколением России (зумерами) и их прародителями (бумерами), принимая во внимание, что зумеры являются первым полностью постсоветским поколением, а бумеры — советским, прошедшим период активной социализации в совершенно иной социально-экономической и политической формации. Поэтому, мы не просто изучаем пространство межпоколенного обмена, но и в некотором смысле преемственность между разными эпохами — безвозвратно ушедшим советским прошлым и текущим настоящим. Материалом для анализа служат 34 интервью с зумерами и 20 интервью с их бабушками/дедушками. Теоретическими основаниями исследования выступают теория поколений и модель межпоколенной солидарности В. Бенгтсона и его коллег. В поддержании солидарности ключевую роль играют нематериальные трансферты, которые заключаются в эмоциональном обмене и поддержке, а также специфической роли обеих сторон. Старшие выступают источником знаний не только о прошлом семьи, но и о прошлом ушедшей эпохи, а младшие служат для своих прародителей надежными проводниками в современный цифровой мир. Такая уникальная экспертность обеих сторон наряду с общей неконфликтностью зумеров позволяет снизить конфликтный потенциал отношений, в которых сталкиваются не просто два поколения, но две совершенно разные эпохи и системы ценностей. Свои отношения с внуками российские бумеры оценивают как более теплые и близкие в сравнении с теми, которые были у них с прародителями.

Ключевые слова: межпоколенные отношения, межпоколенная солидарность, зумеры, бумеры, теория поколений, прародители, конфликт поколений.

* Парфенова Оксана Анатольевна, e-mail: oparfenova2023@ya.ru

** Ирина Сергеевна Петухова, e-mail: irini-ptz@yandex.ru

ZOOMERS AND BOOMERS: INTERGENERATION SOLIDARITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Parfenova Oksana A., Ph.D. sociol. Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, st. 7th Krasnoarmeyskaya, bld. 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation, 190005, e-mail: oparfenova2023@ya.ru

Petukhova Irina S., Ph.D. sociol. Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, st. 7th Krasnoarmeyskaya, bld. 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation, 190005, e-mail: irini-ptz@yandex.ru

In our study, we examine the foundations and features of intergenerational solidarity between the modern young generation of Russia (zoomers) and their ancestors (boomers), taking into account that zoomers are the first completely post-Soviet generation, and boomers are the Soviet generation, having gone through a period of active socialization in a completely different social-economic and political formation. Therefore, we are not just studying the space of intergenerational exchange, but also, in a sense, continuity between different eras — the irretrievably gone Soviet past and the current present. The material for analysis is 34 interviews with zoomers and 20 interviews with their grandparents. The theoretical basis of the study is the theory of generations and the model of intergenerational solidarity of V. Bengtson and his colleagues. In maintaining solidarity, intangible transfers play a key role, which consist of emotional exchange and support, as well as the specific role of both parties. The elders act as a source of knowledge not only about the family's past, but also about the past of a bygone era, and the younger ones serve as reliable guides for their ancestors into the modern digital world. This unique expertise of both parties, along with the general non-conflict nature of zoomers, makes it possible to reduce the conflict potential of relationships in which not just two generations collide, but two completely different eras and value systems. Russian boomers assess their relationships with their grandchildren as warmer and closer in comparison with those they had with their grandparents.

Key words: intergenerational relations, intergenerational solidarity, zoomers, Boomers, theory of generations, ancestors, generation conflict.

Введение

Тема межпоколенных отношений отнюдь не новая, но при этом обретающая в каждый исторический период свои оттенки и звучание. Появление первого поколения “цифровых аборигенов”, имеющих доступ к гаджетам и интернету практически с рождения, заставляет задуматься не только об их поколенческих характеристиках, но и о потенциале взаимодействия с прародителями — старшим и преимущественно “аналоговым” поколением. В социальных науках актуальность изучения межпоколенных отношений обусловлена рядом факторов. Одним из таких факторов является старение населения и увеличение доли пожилых в общей численности населения. Происходящее и прогнозируемое увеличение продолжи-

тельности жизни неизбежно приводит к тому, что поколение бумеров видят, как их внуки становятся взрослыми, а большинство современных взрослых будут выполнять роль прародителей треть жизни¹. Таким образом, внуки и прародители (бабушки и дедушки) получают все больше времени и возможностей для развития межпоколенных отношений². Другим важным фактором является то, что в результате старения общества становятся все более разнообразными с точки зрения возрастных, а вместе с тем и социальных норм, что приводит к разрыву отношений между поколениями. Заметное влияние на межпоколенные отношения оказала и пандемия COVID-19 вместе с мерами по ее нераспространению. В качестве негативного примера можно привести облетевший интернет скандальный тег #BoomerRemover и дискуссии о высокой ценности жизни молодых пациентов по сравнению с пожилыми³. В то же время, обращение к родственникам в случае возникновения проблем, является распространенной практикой у россиян⁴. Ожидается, что в пандемию межпоколенные трансферты сместились в сторону старших: респонденты 18–45 лет отметили возросшие практики помощи старшим, так же, как и желание помогать⁵. Угроза распространения вируса привела к заметному сокращению личных межпоколенных контактов. Взамен личного общения в период пандемии активизировалось общение на расстоянии, в том числе с помощью онлайн коммуникаций: звонки по видеосвязи, регулярное использование мессенджеров для поддержания общения со старшими как альтернатива “небезопасному” личному контакту⁶. Пожилые, которые в

¹ *Suitor J.J., Sechrist J., Gilligan M., Pillemer K.* Intergenerational relations in later-life families // *Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research* / Ed. by R. Settersten, J. Angel. N.Y., 2011. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7374-0_11.

² *Mills T.L., Wakeman M.A., Fea C.B.* Adult grandchildren's perceptions of emotional closeness and consensus with their maternal and paternal grandparents // *Journal of Family Issues*. 2001. Vol. 4. N 22. P. 427–455. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251301022004003>.

³ *Brooke J., Jackson D.* Older people and COVID-19: isolation, risk and ageism // *The Journal of Clinical Nursing*. 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jocn.15274> (accessed: 15.09.2020).

⁴ *ВЦИОМ.* 2018. Проблемы и трудности: к кому россияне обращаются за поддержкой. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/problemy-i-trudnosti-k-komu-rossiyane-obrashhayutsya-za-podderzhkoy> (дата обращения: 21.02.2024).

⁵ *ФОМ.* Взаимопомощь во время пандемии. Склонны ли россияне помогать друг другу и стали ли больше помогать в пандемию. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (дата обращения: 21.02.2024).

⁶ *Webster M., Norwood K., Waterworth J., Leavey G.* Effectiveness of intergenerational exchange programs between adolescents and older adults: a systematic review // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2023. N 3. P. 1–42. DOI: 10.1080/15350770.2023.2267532.

период пандемии смогли благодаря наличию интернета и гаджетов общаться с младшими родственниками регулярно, порой оценивают это общение как более заботливое и теплое⁷. В целом же, регулярные контакты между старшим и молодым поколениями (в том числе внесемейные) способствуют укреплению межпоколенных связей и снижению эйджизма в адрес пожилых⁸.

Происходящие демографические, цифровые, семейные трансформации поставили под вопрос отношения солидарности между поколениями, внимание к природе и динамике которых в последующие десятилетия будет только расширяться. В рамках нашего исследования предметом интереса для нас выступают отношения между самыми молодыми из нынешних взрослых — поколением зумеров, которое только-только вступает во взрослую жизнь и их прародителями — так называемым поколением бумеров⁹. Зумеры (внуки) — это поколение, рожденное примерно с середины 90-х гг. XX в. до середины 10-х гг. XXI в. Бумеры (старшие) — это поколение, родившееся в промежутке с середины 40-х до 60-х гг. XX в.

Сегодня не существует единой общепринятой концепции поколения, и она может по-разному интерпретироваться в зависимости не только от цели исследования, но и от области социального знания. Для социологов поколенческие отношения и процессы лежат в основе социального метаболизма, а изучение взаимоотношений, сложившихся между разными поколениями, напрямую способствует анализу социальных изменений, социальной мобильности

⁷ Парфенова О.А., Петухова И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. 2022. № 5 (5). С. 71–80. DOI: 10.31857/S013216250018704-7.

⁸ Wagner L.S., Luger T.M. Generation to generation: effects of intergenerational interactions on attitudes // Educational Gerontology. 2021. Vol. 47. N 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/03601277.2020.1847392; Kwong A.N., Yan E.C. The role of quality of face-to-face intergenerational contact in reducing ageism: the perspectives of young people // Journal of Intergenerational Relationships. 2023. N 21 (1). P. 136–151. DOI: 10.1080/15350770.2021.1952134.

⁹ По мнению Н. Попова название “бэби-бумеры” неправильно употреблять по отношению к российскому послевоенному поколению в связи с тем, что массовая гибель и инвалидизация (преимущественно мужчин) и последующий трудный послевоенный период сделали невозможным бэби-бум в СССР, коэффициенты рождаемости были ниже довоенных, а потери населения не могли компенсироваться еще очень долго (См.: Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>). Тем не менее, мы употребляем термин “бумер” в данной статье в большей степени из-за созвучности с обозначающим молодых термином “зумер”.

и передачи ценностей внутри семьи¹⁰. В свою очередь, нас, как социологов, в данном исследовании интересует следующие вопросы: как формируется и поддерживается пространство межпоколенной солидарности в отношениях самых молодых из нынешних взрослых (зумеров) и их прародителей (бумеров)? Что это пространство включает в себя? Наше исследование является продолжением пилотного этапа, реализованного в 2022 г., в ходе которого была собрана и проанализирована первая часть интервью с представителями молодого поколения и предпринята попытка добавить штрихи к портрету молодого поколения¹¹.

Российский контекст

В современных российских условиях, характеризующихся еще большей разобщенностью возрастных, профессиональных, территориальных групп и атомизацией общества, изучение межпоколенных отношений и способы развития этих отношений приобретают еще большую актуальность. Для России характерно традиционное высокое участие бабушек и дедушек в жизни своих внуков, при этом в западных странах подобная тенденция наметилась лишь в конце XX в. в связи с увеличением занятости женщин репродуктивного возраста в рынке труда и ростом неполных семей¹². Во внутрисемейных отношениях те сценарии и модели жизни прародителей (бабушек и дедушек), которые представители молодого поколения наблюдают и воспринимают с ранних лет, способствуют формированию их собственной картины будущего. В этом смысле жизнь прародителей служит своего рода “прогнозом” для младших, влияя на их временную перспективу¹³. Старшее поколение в отечественной социологической литературе обозначается либо как “доперестроеч-

¹⁰ Kertzer D.I. Generation as a sociological problem // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. N 1. P. 125–149; Popescu A. The brief history of generation—defining the concept of generation. An analysis of literature review // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2019. Vol. 10. N 2. P. 15–30.

¹¹ Парфенова О.А. Поколение Z как самые молодые из нынешних взрослых: штрихи к портрету зумеров сквозь призму межпоколенных отношений // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2024. № 2 (74). С. 126–133. DOI: 10.52452/18115942_2024_2_126.

¹² Гурко Т.А. Взаимопомощь поколений в городских семьях // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 3. С. 43–58. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.

¹³ Bernhold Q.S. Grandparents' affectionate communication toward grandchildren and grandchildren's mental health difficulties: The moderating role of future time perspective // *Health Communication*. 2020. N 35. P. 822–831. DOI: 10.1080/10410236.2019.1593080; Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Межпоколенные отношения как фактор психологического благополучия студентов: опосредующая роль временной перспективы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2022. № 4 (12). С. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.406>.

ное” поколение согласно его временной дислокации, либо как “поколение застоя”, исходя из того, что период его активной социализации пришелся на брежневский застой¹⁴. В. Семенова, подробно анализируя самопрезентации этого поколения, отмечает, что они обладают фрагментированным социальным опытом, выделяют период перестройки как “переломный” в их жизни, и, являясь в целом поколением рефлексирующим и думающим, тем не менее, считают себя скорее нереализованным поколением, “лишними людьми”¹⁵. Российских бумеров можно считать носителями архетипа “простого советского человека”¹⁶, в то время как зумеры — первое полностью постсоветское поколение, не заставшее СССР. Поколение зумеров значительно отличается от своих предшественников тем, что их формирование целиком приходится на цифровую эпоху, в связи с чем это поколение называют “цифровыми аборигенами”. Важную роль в социокультурном развитии “цифровых аборигенов” играет интернет, глубоко интегрированный во все важные сферы их жизни. Зумеры быстро обучаются и обрабатывают информацию, умеют действовать в условиях многозадачности, способны быстро переключаться с одного вида деятельности на другой¹⁷. Значительная часть межличностных коммуникаций нынешней молодежи смещена в виртуальное пространство, что является важной особенностью их социализации. В этой связи зумеры характеризуются как “homeland generation” — дети, сидящие дома за компьютером¹⁸. Современные опросы зумеров в России фиксируют, что стержневыми ценностями для молодых являются самостоятельность и независимость, а значимость уважения к традициям занимает последнее место в иерархии их ценностей. В то же время, социально-демографические, этнические, конфессиональные, региональные и гендерные характеристики заметно влияют на своеобразие иерархии ценностей¹⁹.

¹⁴ Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019.

¹⁵ Семёнова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию “поколение” в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Ред. Ю.А. Левада, Т.М. Шанин. М., 2005. С. 80–107.

¹⁶ Левада Ю. Координаты человека к итогам изучения “человека советского” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 7–15.

¹⁷ Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.

¹⁸ Howe N., Strauss W. The next 20 years: how customer and workforce attitudes will evolve // Harvard Business Review. 2007. N 85. P. 47–52. PMID: 17642125.

¹⁹ Яницкий М.С. и др. Система ценностных ориентаций “поколения Z”: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3.

Теоретические основания исследования

Концепция поколения: история развития и сложности в определении

Концепция поколения не имеет на сегодняшний день единой и общепринятой трактовки в гуманитарных и социальных науках, что порой создает путаницу²⁰. Будучи очень популярным среди современных исследователей, поколение как аналитическая категория, в зависимости от целей, может пониматься разными способами. Например, сквозь призму поколения объясняются те или иные исторические события; поколение может служить способом периодизации социальной жизни; рассматриваться как источник формирования различных сообществ; быть источником для определения понятия справедливости исходя из меняющихся во времени межпоколенных обязательств и моральных ценностей. Наконец, поколение может рассматриваться как ось конфликта и надвигающегося кризиса²¹.

Если же говорить непосредственно о социологии, то развитием поколения как теоретической категории начал заниматься Карл Мангейм, которого принято считать основоположником социологии поколений как отдельного направления. Мангейм опубликовал свое эссе “Проблемы поколений” в 1928 г.²² Отделяя поколение от когорты, Мангейм определил поколение не просто как людей, родившихся в одно и то же время, но как общность, которой “*свойственно общее местоположение в исторической протяженности социального процесса*”²³. Для Мангейма критически важно, что когорте недостаточно ощутить временную и пространственную близость, чтобы стать поколением, необходима также социальная близость и сознательное взаимодействие, чтобы сформировать общее чувство идентичности²⁴. Публикация Мангейма и ее последующие переиздания породили множество дискуссий, способствуя развитию поколения как социологической концепции²⁵. Коллега и современник

²⁰ Popescu A. Op. cit.

²¹ White J. Thinking generations // The British Journal of Sociology. 2013. Vol. 64. N 2. P. 216–247. DOI: 10.1111/1468-4446.12015.

²² Эссе Мангейма “The problem of generations” вышло в 1928 г. и было переиздано в 1952 г. Русский перевод этой работы вышел только в 2000 г., на него мы и ссылаемся.

²³ Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000. С. 23.

²⁴ Aboim S., Vasconcelos P. From political to social generations: a critical reappraisal of Mannheim’s classical approach // European Journal of Social Theory. 2014. Vol. 2. N 17. P. 165–183. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431013509681>.

²⁵ Bristow J. The sociology of generations. L., 2016.

Мангейма Норберт Элиас развивает идею поколения до концепции “мы-идентичности” или коллективной идентичности, связывая ее с социальным габитусом и указывая на многослойность коллективной идентификации в современный период²⁶. Возникает критика “генерализма”, предполагающего рассмотрение поколения как альтернативы социального класса и возможности думать о социальном прогрессе²⁷. Вслед за этим получают развитие идеи социального конструктивизма применительно к поколениям, учитывающие разделение общества по другим признакам (социальный статус, образование, место проживание и пр.), следствием которого является то, что разные люди могут по-разному реагировать на одни и те же значимые события в разные годы своей жизни. Соответственно, поколения социально конструируются в этих различных реакциях и ожиданиях определенных действий друг от друга²⁸. В итоге у индивидов, принадлежащих к одному поколению формируются коллективные воспоминания или мировоззрение, а также общее осознание себя частью поколения²⁹. Следовательно, поколенческую идентичность можно определить как осознание индивидом того, чем он похож на представителей этого поколения или отличается от них³⁰.

Среди существующих на сегодняшний день подходов к выделению поколений наиболее популярным является подход, предложенный Штраусом и Хоувом, в рамках которого выделяется шесть хронологических поколенческих групп, имеющих условные названия (“победители”, “молчаливое поколение”, бэби-бумеры, поколение X, миллениалы, поколение Z)³¹. У Штрауса и Хоува поколение бумеров это люди, родившиеся в промежуток 40–60-х гг. XX в., а зумеры это те, кто родились в период с 90-х гг. XX в. до середины 10-х гг. XXI в.). Существуют и другие хронологии с отличающимися

²⁶ *Elias N.* The society of individuals. Dublin, 2012; *Connolly J.* Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. N 7–8. P. 153–172. DOI: 10.1177/0263276419827085.

²⁷ *Purhonen S.* Generations on paper: Bourdieu and the critique of “generationalism” // *Social Science Information*. 2016. Vol. 1. N 55. P. 94–114. DOI: <https://doi.org/10.1177/0539018415608967>.

²⁸ *Nakai Y.* Why we study generations // *Industrial and Organizational Psychology*. 2015. Vol. 3. N 8. P. 331–334.

²⁹ *Cogin J.* Are generational differences in work values fact or fiction? Multi-country evidence and implications // *The International Journal of Human Resource Management*. 2012. N 23. P. 2268–2294. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585192.2011.610967>.

³⁰ *Boyle K.* Millennial career-identities: reevaluating social identification and intergenerational relations // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2023. N 21 (1). P. 89–109. DOI: 10.1080/15350770.2021.1945989.

³¹ *Strauss W., Howe N.* Generations: the history of America’s future, 1584 to 2069. N.Y., 1992.

названиями поколенческих групп, в которых, впрочем, сохраняется общий принцип периодизации. В отечественной литературе также выделяется шесть поколений, для которых предлагаются свои обозначения, учитывающие локальные социально-исторические условия: “мобилизационное поколение”, “поколение оттепели”, “поколение застоя”, “реформенное поколение”³². Миллениалы и поколение Z (зумеры) совпадают с классификацией Штрауса и Хоува. Н. Хоув и В. Штраус считают, что так называемый “конфликт поколений” формируется в результате того, что каждое новое поколение имеет отличающуюся от предыдущей шкалу ценностей³³, которые в итоге реализуются в их профессиональной и личной жизни.

Межпоколенные отношения

К. Мангейм рассматривал передачу культурного наследия от старшего поколения к младшему³⁴. Он предполагал, что эта передача может происходить сознательно или неосознанно. Однако, поскольку молодое поколение сталкивается с социальными, политическими, экономическими контекстами, отличными от контекстов старшего поколения, и время наступления этих событий различается в зависимости от возраста у разных поколений, молодое поколение, вероятно, проблематизирует некоторые из транслируемых им мировоззрений и ценностей³⁵. В результате происходит разрыв с установками предыдущих поколений. Такое понимание может в некоторой степени способствовать концептуализации влияния периода и характерных для него событий. В конечном итоге взгляд Мангейма на поколение предполагает ослабление родственных связей и усиление конфликта между поколениями³⁶. Однако, молодые поколения могут отвергать или принимать унаследованное мировоззрение и ценности³⁷. Исследователи отдельно выделяют вопрос согласования хронологии с генеалогией, то есть родством, обеспечивающим обмен, посредством которого системы ценностей передаются из поколения в поколение, а не между сверстниками или глобальными когортами³⁸.

³² Радаев В. Указ. соч.

³³ Howe N., Strauss W. The next 20 years: how customer and workforce attitudes will evolve // Harvard Business Review. 2007. N 85. P. 47–52. PMID: 17642125.

³⁴ Мангейм К. Указ. соч.

³⁵ Boyle K. Op. cit.

³⁶ Aboim S., Vasconcelos P. Op. cit.

³⁷ Joshi A., Dencker J., Franz G. Generations in organizations // Research in Organizational Behavior. 2011. N 31. P. 177–205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.riob.2011.10.002>.

³⁸ Ibid.

Важность изучения межпоколенных контактов в целом и семейных межпоколенных отношений в частности будет только увеличиваться в силу демографических и экономических изменений, а также трансформации семьи как социального института³⁹. Еще в первой четверти XX в. Э. Берджесс отмечал, что семейные отношения сегодня все больше основаны не на выполнении структурных функций, а на взаимодействиях членов семьи, иными словами, происходит «переход от института к товариществу»⁴⁰. Распространенной теорией объясняющей отношения между поколениями внутри семьи является модель солидарности, предложенная В. Бенгтсоном и его коллегами. Исследователи предположили, что семейная солидарность состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: чувства, контакты, сходство ценностей, обмен поддержкой, обязательства, качество отношений⁴¹. На основании этих компонентов Бенгтсоном были предложены измерения межпоколенной солидарности: 1) аффективная солидарность (*affectual solidarity*) — включает в себя чувства и оценки, которые члены семьи выражают в своих отношениях с близкими; 2) ассоциационная солидарность (*associational solidarity*) — подразумевает тип и частоту контактов между членами семей из разных поколений; 3) консенсуальная солидарность (*consensual solidarity*) подразумевает согласие во мнениях и ценностях у разных поколений; 4) функциональная солидарность (*functional solidarity*) подразумевает наличие помощи и поддержки между поколениями, включая инструментальную и материальную помощь, так и эмоциональную поддержку; 5) нормативная солидарность (*normative solidarity*) связана с ожиданиями относительно обязанностей членов семьи, а также нормы о важности семейных ценностей; 6) структурная солидарность (*structural solidarity*) проявляется в самих возможностях взаимодействия между поколениями (географическая близость, возможности общения и пр.)⁴².

Большая часть исследований, основанных на модели солидарности, посвящена отношениям между родителями и взрослыми детьми. Однако, ряд зарубежных исследователей используют ее для

³⁹ *Bengtson V. Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds. The Burgess award lecture // Journal of Marriage and Family. 2001. N 63. P. 1–16. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x.*

⁴⁰ *Burgess E. W. The family as a unity of interacting personalities // The Family. 1926. N 3.*

⁴¹ *Bengtson V. Op. cit.; Bengtson V., Giarrusso R., Mabry B., Silverstein M. Solidarity, conflict, and ambivalence: complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? // Journal of Marriage and Family. 2002. N 64. P. 568–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x>.*

⁴² *Bengtson V. Op. cit.*

анализа отношений между бабушками и дедушками и внуками⁴³. Социальный метаболизм, проявляющийся во взаимодействии разных поколений, сформирован и поддерживается межпоколенными трансфертами — материальными или трудовыми ресурсами, информацией, опытом и другими нематериальными благами, переданными безвозмездно от представителей старшего поколения младшему (нисходящие трансферты) или младшего поколения старшему (восходящие трансферты)⁴⁴. При этом эти трансферты очень сложно уловимы для исследования, поскольку они носят безвозмездный характер и не всегда учитываются участниками как акты помощи. Важно, что в России такие неформальные обмены являются очень распространенной практикой, особенно среди родственников⁴⁵. Основываясь на эмпирических исследованиях, социологи выделяют различные типы семейных отношений между поколениями, применимые, в частности при анализе отношений внуков и прародителей⁴⁶. Сплоченные отношения характеризуются высокой эмоциональной близостью членов семьи, часто взаимодействующих и имеющих высокий уровень взаимной поддержки и помощи. Противоположный им тип — отстраненные отношения, характеризуются слабыми связями и низкими показателями межпоколенной солидарности. Между этими полюсами располагаются дружеские отношения (на основе общих ценностей и интересов), физически близкие, но эмоционально отстраненные отношения (отношения, для которых характерно совместное проживание, но функциональный и эмоциональный обмен низок или отсутствует), обязывающие отношения (высокий уровень обязательств, например, связанных с уходом, но невысокие эмоциональные связи)⁴⁷.

В своем исследовании мы рассматриваем основания и особенности межпоколенной солидарности между современным молодым поколением России (зумеров) и их прародителями (бумерами), принимая во внимание, что зумеры являются первым полностью постсоветским поколением, а бумеры — представители советского, прошедшие активный этап социализации (а многие и значительный

⁴³ *Giarrusso R. et al. Grandparent-Adult Grandchild Affection and Consensus // Journal of Family Issues. 2002. Vol 4. N 22. P. 456–477. DOI: 10.1177/019251301022004004.*

⁴⁴ *Миронова А.А. Источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах в России: ограничения и перспективы // Вопросы статистики. 2015. № 3. С. 39–47.*

⁴⁵ *Гурко Т.А. Указ. соч.*

⁴⁶ *Bengtson V. Op. cit.*

⁴⁷ *Silverstein M., Bengtson V.L. Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // American Journal of Sociology. 1997. N 103. P. 429–460. DOI: 10.1086/231213.*

период взрослости) в совершенно иной социально-экономической и политической формации. В этом смысле мы не просто изучаем пространство межпоколенного обмена, но и в некотором смысле преемственность между разными эпохами — безвозвратно ушедшим советским прошлым и текущим настоящим. Исследование является продолжением пилотного этапа⁴⁸ и призвано расширить изучение межпоколенных отношений с помощью совершенствования методологии и включения перспективы старшего поколения.

Методология исследования

Собранный за 2022–2023 гг. массив интервью включает в себя 54 интервью, из которых 34 интервью с зумерами в возрасте 18–24 лет (25 девушек и 8 юношей) и 20 интервью с бабушками и дедушками в возрасте 65–79 лет (18 бабушек и 2 дедушек). Все интервью собраны в Санкт-Петербурге и респ. Карелия. Критерием для выбора молодых информантов служили возраст (2000–2006 годы рождения), и наличие бабушек/дедушек, с которыми поддерживается регулярная коммуникация. В ходе исследования мы старались подбирать для интервью пары непосредственных родственников внука (внук)-бабушка(дедушка). Из всего массива нам удалось собрать 13 пар (т.е. 13 интервью взяты у внуков и 13 у их непосредственных прародителей). Такой парный подход на наш взгляд помог не только обеспечить триангуляцию данных, но и дал возможность проанализировать двухстороннюю перспективу межпоколенных отношений. Ограничением можно считать гендерную диспропорцию — в обоих поколениях информанты преимущественно женского пола. Это, с одной стороны, объясняется более сложным рекрутированием информантов мужского пола для подобного исследования, а с другой — отражает феминный характер отечественных межпоколенных отношений, который заключается в том, что бабушки чаще живы и с ними чаще поддерживают контакт, а молодежь в большинстве своем положительно оценивает именно роль бабушек в своей жизни⁴⁹. Кроме того, исследование не позволяет учитывать региональные, этнические и религиозные различия, поскольку такой задачи нами не ставилось, и в рамках данного исследования ее достичь бы не удалось. Все данные были получены в личных интервью с записью на аудионосители с согласия информантов. Для обеспечения

⁴⁸ Парфенова О.А. Указ. соч.

⁴⁹ Саралиева З.Х., Судьин С.А., Янак А.Л. Прародительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // Сборник тезисов докладов участников I Российско-Иранского социологического форума. М., 2020. С. 509–521.

анонимности все личные данные изменены в ходе транскрибирования. Анализ интервью проводился с помощью процедуры тематического кодирования. Валидность данных обеспечивалась методом триангуляции исследователей. При работе с интервью нарративы анализировались обоими со-авторами-исследователями, независимо друг от друга, что позволило получить проверяемые и достоверные выводы⁵⁰. Анализ эмпирического материала структурирован в соответствии с исследовательскими вопросами и направлен на раскрытие механики и содержания межпоколенного обмена наших информантов. При этом, мы используем измерения солидарности, предложенные Бенгстоном⁵¹.

Результаты исследования

Структурная и ассоциационная солидарности. Возможности и практики поддержания межпоколенных отношений

Наши информанты практикуют разные форматы проживания, но в основном внуки и прародители живут отдельно, в пределах одного города. Часть информантов живут в разных городах, а иногда и странах. Периодичность встреч варьируется от ежедневных до тех, которые происходят раз в несколько лет в зависимости от удаленности проживания. Многие информанты отмечали “сезонность” встреч, связанную с каникулярными или отпускными периодами зумеров. Раздельное проживание иногда выглядит наглядной иллюстрацией нуклеаризации, когда старшие живут с сиделкой в доме на соседней улице. Как можно видеть из интервью, опыт совместного проживания в прошлом дает более тесный контакт в настоящем. В случае близких отношений младшие поддерживают отношения с прародителями даже после развода родителей.

Влияние родителей зумеров на их общение с бабушками/дедушками как правило минимальное. При этом зумеры отметили, что родители иногда напоминают им позвонить бабушке/дедушке, поздравить старших с каким-то праздником или семейным событием: *“Напоминают о праздниках чаще всего. А так... Иногда, могут спросить, ты когда с бабушкой и дедушкой разговаривала в последний раз, ходила в гости или что-то такое”* (Интервью 7, девушка, 20 лет).

Для поддержания контактов на расстоянии все информанты активно используют различные возможности: скайп, вацап, вай-

⁵⁰ Denzin N.K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods. N.Y., 2017.

⁵¹ Bengtson V. Op. cit.

бер, регулярные аудио и видео-звонки, телеграмм, семейные чаты, видео-сообщения, переписка в социальных сетях. Общение между зумерами и бумерами происходит зачастую на повседневные и личные, семейные темы. Весьма распространенной является тема здоровья старших и учебы/работы внуков. Старшие выступают преимущественно слушателями новостей из насыщенной жизни своих внуков: *“Но они всегда очень заинтересованы в нашей жизни, в моей и внуков своих. И с ними интересно общаться, потому что они спросят что-то у меня, в моей жизни, я рассказываю, и они задают встречные вопросы. То есть они очень активно слушают, и от этого им интересно, и тебе кажется, все хорошо. И от этого интересно общаться”* (Интервью 18, девушка, 21 год).

Некоторые информанты также отмечают обсуждение фильмов и сериалов. Как правило, обе стороны стараются не общаться о “новостях из телевизора”. Репертуар совместных активностей может включать в себя совместные поездки и прогулки, походы по магазинам (характерны для бабушек и внучек), просмотр фильмов/сериалов, спортивных трансляций.

Функциональная солидарность. Межпоколенные трансферты: от зумеров к бумерам и обратно

Трансферты между поколениями можно разделить на материальные и нематериальные. Материальные трансферты от старших к внукам могут выражаться в денежной форме — регулярной или событийной (дни рождения, затраты, связанные с поездкой/лечением/покупками), приготовлении пищи (“испечь пирожки”). При этом мы отмечаем, что в парных интервью (старший — внук) старшие редко обозначают материальную помощь или отмечают, что внуки о ней не просят, при этом сами внуки ее выделяют как значимую и важную. Со стороны зумеров материальные трансферты включают в себя инструментальную помощь — отвезти куда-то, помочь с уборкой, купить продукты, повесить шторы, помочь с огородно-садовыми работами, и т.п. Практически во всех случаях со стороны зумеров мы видим помощь старшим с гаджетами/настройками/интернетом.

В нашем исследовании нас в большей степени интересуют нематериальные трансферты, которые, по нашему мнению, и образуют смысловое ядро межпоколенных отношений. Зумеры ценят отношения с прародителями за возможность обмена опытом — имеющие большой жизненный опыт старшие могут дать полезные советы по самым разным вопросам — от бытовых до экзистенциальных. Молодые информанты охотно пользуются практическими совета-

ми старших, например, просят рецепты бабушкиных блюд или используют конкретные рекомендации исходя из профессионального опыта прародителей (помощь с электрикой, медицинские вопросы, поиск литературы и т.п.). Также внуки интересуются мнением прародителей о других людях, рассказывают о событиях, которые происходят в их молодой жизни. Зумеры отмечают, что прародители являются своего рода центром притяжения для семьи, благодаря которому поддерживается общение членов семьи разных поколений и степени родства: *“Про других внуков много говорим, у кого, какие новости. Так как с двоюродными братьями и сестрами общение не так часто происходит, как с бабушками и дедушками. Они рассказывают, что у них. Если я не спрошу, они сами могут просто рассказать”* (Интервью 7, девушка, 20 лет).

Старшие являются для внуков своего рода проводниками в прошлое, через них можно узнать, как жили раньше и почувствовать себя частью рода, его продолжением. При этом зумеры воспринимают старших не только как источник знаний о прошлом семьи, но шире — истории страны, которую внуки узнают из рассказов бабушек и дедушек об их советском прошлом и о прошлом страны. При этом, молодые доверяют интерпретации истории прародителями, поскольку она представлена из перспективы очевидца и содержит детали, которых, по словам нескольких информантов *“не найдешь в интернете”*.

И: Наверное, все-таки это, опять же обмен опытом и знание истории, истории своей семьи, истории в принципе (Интервью 5, девушка, 20 лет).

И: [бабушка] Может по историческим событиям рассказать почитче, чем написано в интернете (Интервью 8, юноша, 21 год).

Зумеры транслируют осознание того, что старших может скоро не стать (иногда подкрепленное уже имеющимся опытом потери близких) и желание продлить связь, общение, присутствие прародителей в своей жизни: *“Ну, потому что жизнь не вечна. И потом ты будешь об этом жалеть. Вот, у меня была бабушка по папиной линии. И у меня не было возможности с ней общаться, потому что она жила в деревне. <...> И вот сейчас, я очень жалею, что я не столько ей звонила, не столько с ней общалась”* (Интервью 11, девушка, 20 лет).

Для молодых большую ценность имеет осознанность их отношений с бабушками и дедушками — сравнивая общение в детстве/подростковом возрасте, внуки характеризуют свои нынешние отношения со старшими как более редкие, но при этом более осознанные, исходящие из позиции “взрослый–взрослому”. Можно

сделать вывод, что межпоколенная солидарность базируется в том числе на возможности зумеров почувствовать себя по-настоящему взрослыми: *“На мой взгляд, общение стало более взрослым, так как тем для разговоров стало больше и мой жизненный опыт тоже стал представлять какую-то ценность. Частота общения стала реже, но разговоры стали более продолжительными и содержательными”* (Интервью 5, девушка, 23 года).

Для зумеров смысловая составляющая общения со старшими заключается в ощущении себя важной частью жизни своих бабушек и дедушек, любви и заботы, важности семьи. *“На самом деле, чувствуешь себя любимой, и то, что у тебя есть семья, к которой ты можешь в любом случае обратиться. И они к тебе откликнутся. <...> Я могу позвонить им в тревожном состоянии, поболтать с ними, поплакать или еще что-нибудь. И мне станет намного легче. Это поддержка, любовь, забота, в любом случае. Даже на расстоянии я чувствую, что они заботятся”* (Интервью 1, девушка, 19 лет). *“Чем старше становишься, тем больше осознаешь, что семья тебе дает опору и поддержку”* (Интервью 18, девушка, 21 год).

У прародителей своя смысловая составляющая отношений с внуками. Они ценят пространство обмена, им нравится и учиться у внуков, и их чему-то учить. У молодых “все по-другому”, молодые выступают как проводники в современный мир для старших. Они являются в глазах старших экспертами и своего рода наставниками не только в цифровом мире, но и в части выбора бытовой техники, косметики, одежды, вопросах красоты и ухода за собой: *“Спрашиваю советов по поводу внешнего вида, хотелось бы соответствовать теперешним веяниям моды, они помогают что-то выбрать, что мне подойдет. Есть к кому обратиться, сейчас внуки у меня продвинутые, вообще-то, да”* (Интервью 17, женщина, 68 лет).

Также, связь с внуками дает возможность чувствовать продолжение себя, своих детей, своего рода: *“И в любом случае, я люблю своих внуков, я хочу с ними общаться. Это продолжение меня, продолжение моих детей, продолжение моего рода. И я всегда с ними общалась и буду общаться”* (Интервью 10, женщина, 66 лет).

Нередко старшие отмечали, что внуки помогают им почувствовать себя причастным к семье, своим детям, справиться с одиночеством: *“Я если с ними не пообщаюсь, мне даже как-то скучно становится. Мне приятно общаться со своими внуками, интересоваться их жизнью. Это наше будущее, вот. Это хорошо, когда есть у людей внуки, не чувствуешь себя одиноким, сто процентов”* (Интервью, 17, женщина, 68 лет).

При этом и зумеры и старшие отмечают важность обратной связи в поддержании общения, то есть ощущения, то само общение важно и значимо для обеих сторон. Нередко происходит сравнение с другими родственниками, с которыми отсутствует общение как раз ввиду отсутствия обратной связи и, как следствие, низкой значимости этого общения.

Таким образом, нематериальные трансферты играют ключевую роль во взаимодействии зумеров и бумеров и во многом, на наш взгляд, обеспечивают межпоколенную солидарность.

Концессуальная солидарность: конфликты

Как показывают интервью, зумеры последовательно уходят от конфликтов с прародителями, принимая разность точек зрения. При этом старшие реже признаются (или вообще не признаются) в наличии каких-либо конфликтов, ограничиваясь замечаниями о том, что внукам “не интересны темы про политику”. Однако параллельно внуки акцентируют внимание на том, что именно темы текущей политической повестки конфликтные, и они их намеренно избегают. Аргумент зумеров сводится к тому, что “мы в разных информационных пузырях”: *“Эти рассуждения постоянные. Наверное, потому что мы живем в разных информационных пузырях, мы постоянно. Мы — дети интернета, а они — люди телевизора. Поэтому да, у нас длинные дискуссии. И они в основном нам рассказывают все с телевизора, а в телевизоре мы сами знаем, что. <...> Мы приходим в гости, а у них телевизор уже на всю катушку тарабанит. Там новости всякие разные, про Америку, про Украину”*. (Интервью 14, девушка, 22 года).

В целом, и те, и другие отмечают “жизнь в разное время”, что рождает недопонимания, избежать которые стремятся обе стороны. Бумеры стараются “подстроиться” под требования современного общества, зумеры — соответствовать ценностям и восприятию старших, в том числе во многом на словах соглашаясь с точкой зрения старших для избежания конфликтов, но оставаясь при своем мнении.

Помимо политики и новостей, причиной разногласий могут служить установки зумеров по поводу семейной жизни и профессионального развития. При этом избегание конфликтов, даже в тех ситуациях, если ценности и взгляды различаются, является важной стратегией в поддержании межпоколенных отношений: *“И проще остаться... согласиться с ними, потому что их уже не переубедить, и лучше просто покивать головой, сказать, что согласны и все. Потому что они начинают спорить, нервничают, давление*

поднимается. И лучше не трогать, лучше согласиться” (Интервью 7, девушка, 20 лет).

Для старшего поколения нейтрализация/снижение конфликтного потенциала отношений обеспечивается с одной стороны признанием за зумерами их “территории экспертности” в виде “современных технологий”, а с другой — ощущением некоторого внутреннего превосходства, обусловленного их богатым жизненным опытом и отсутствием такового у зумеров: *“Что касается новых технологий, то вот тут они, конечно, более продвинутые. Они дают умные советы, все по делу. А что касается общежитийских вопросов, то с высоты своего жизненного опыта я лучше ориентируюсь, и иногда подсказываю им, когда они немножко заблуждаются” (Интервью 4, мужчина, 79 лет).*

Нормативная солидарность.

Сдвиг в ожиданиях и практиках

Старшие оценивают свои отношения с внуками как более теплые в сравнении с теми, что были у них со своими прародителями. В целом, можно сказать, что у бумеров довольно скудный опыт общения с прародителями, поскольку это послевоенное поколение, у которых редко был “полный комплект” бабушек и дедушек, а взаимодействие с ними зачастую сводилось к совместному труду.

Кроме того, миграция в города, влекущая нуклеаризацию семьи, зачастую не позволяла поддерживать более тесные контакты: *“У меня бабушки и дедушки проживали вообще в другой стране. Мои родители, когда я была маленькая, мы ездили к ним в гости каждое лето, вот. Тогда не было телефонов, общались только во время отпуска. Поэтому сейчас, с моими внуками, это совершенно другое общение. Разница, прямо, конечно, колоссальная” (Интервью 17, женщина, 68 лет).*

Многие старшие, имеющие опыт общения со своими прародителями, описывают также другой характер отношений, отмечая субординацию или определенного рода дистанцию, обусловленную возрастом: *“Я скажу, конечно есть. Большая разница. Раньше общались совсем по-другому. У нас другая субординация, чувствовалась большая разница в возрасте. Если взять, как сейчас мы с ними, мы просто как друзья общаемся и обходимся. А раньше очень чувствовалась большая разница — бабушка так бабушка, внуки так внуки” (Интервью 3, женщина, 70 лет).*

Говоря об образе идеальных прародителей, большинство зумеров называли своих бумеров идеальными бабушками/дедушками, любящими своих внуков и заботящимися о них. Интересно то, что в

образе, которому бы хотели соответствовать сами зумеры, когда станут старшими, они указывают основные характеристики: *“продвинутые”*, *любящие своих внуков*, *“на одной волне с молодыми”*, *материально обеспеченные*. Интересно то, что такое качество как любовь к внукам — это то, в чем зумеры хотели бы быть схожими со своими прародителями, а соответствие времени и материальная обеспеченность — как те, в чем бы они отличались от своих старших.

Заключение

Современная межпоколенная солидарность имеет свою выраженную специфику. Во взаимодействии двух поколений отражается взаимодействие двух эпох — безвозвратно уходящей советской в лице старших (бумеров) и наступившей цифровой в лице зумеров. Разлом и по линии социально-экономического устройства и по технологическому развитию приводит к формированию принципиально нового пространства межпоколенной солидарности. В существующем пространстве межпоколенного обмена мы видим цифровых аборигенов зумеров и старших с уникальным для молодых опытом — непохожих, но ценящих друг друга. Можно говорить о том, что именно разрыв в историческом времени и в социальном опыте (советский и постсоветский) в каком-то смысле повышает ценность обоих поколений в глазах друг друга. И солидарность в данном случае строится на том, что младшие выступают как проводники в цифровое настоящее и будущее, а старшие — являются своего рода проводниками в прошлое не только страны, но целой эпохи. Для старших важна возможность проиграть роль родителя заново — с детьми не так, как с внуками, внукам можно уделить больше внимания, выстроить более доверительные и дружеские отношения. Свои отношения с внуками российские бумеры оценивают как более теплые и близкие в сравнении с теми, которые были у них с прародителями. Старшие выступают “центром притяжения” в семье, поддерживая общение разных поколений одной семьи, включая двоюродных и троюродных родственников. Со стороны зумеров — их переход в статус “молодого, но уже взрослого”, и, как следствие, отсутствие осуждения и позиции воспитателя со стороны прародителей способствуют выстраиванию доверия. При этом, поддержание солидарности требует искусственного избегания конфликтов. И, по крайней мере, если речь идет о зумерах и бумерах, то их поколенческие характеристики (неконфликтность и уважение к чужому мнению первых и рефлексивность и дифференцированный социальный опыт вторых) помогают им поддерживать баланс в отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурко Т.А. Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 43–58. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4

Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6

Левада Ю. Координаты человека к итогам изучения “человека советского” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 7–15.

Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000. С. 1–164.

Миронова А.А. Источники статистических данных о частных межпоколенных трансфертах в России: ограничения и перспективы // Вопросы статистики. 2015. № 3. С. 39–47.

Парфенова О.А. Поколение Z как самые молодые из нынешних взрослых: штрихи к портрету зумеров сквозь призму межпоколенных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 126–133. DOI: 10.52452/18115942_2024_2_126

Парфенова О.А., Петухова И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // Социологические исследования. 2022. № 5 (5). С. 71–80. DOI: 10.31857/S013216250018704-7

Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>

Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019.

Саралиева З.Х., Судьин С.А., Янак А.Л. Прародительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // Сборник тезисов докладов участников I Российско-Иранского социологического форума. М., 2020. С. 509–521.

Семёнова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию “поколение” в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Ред. Ю.А. Левада, Т.М. Шанин. М., 2005. С. 80–107.

Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Межпоколенные отношения как фактор психологического благополучия студентов: опосредующая роль временной перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. № 4 (12). С. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.406>

Яницкий М.С. и др. Система ценностных ориентаций “поколения Z”: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3

REFERENCES

Abaim S., Vasconcelos P. From political to social generations: a critical reappraisal of Mannheim's classical approach // European Journal of Social Theory. 2014. Vol. 2. N 17. P. 165–183. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431013509681>

Bengtson V. Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds. The Burgess award lecture // Journal of Marriage and Family. 2001. N 63. P. 1–16. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x

Bengtson V., Giarrusso R., Mabry B., Silverstein M. Solidarity, conflict, and ambivalence: complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? // *Journal of Marriage and Family*. 2002. N 64. P. 568–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x>

Bernhold Q.S. Grandparents' affectionate communication toward grandchildren and grandchildren's mental health difficulties: The moderating role of future time perspective // *Health Communication*. 2020. N 35. P. 822–831. DOI: 10.1080/10410236.2019.1593080.

Boyle K. Millennial career-identities: reevaluating social identification and intergenerational relations // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2023. N 21 (1). P. 89–109. DOI: 10.1080/15350770.2021.1945989

Bristow J. The sociology of generations. L., 2016.

Brooke J., Jackson D. Older people and COVID-19: isolation, risk and ageism // *The Journal of Clinical Nursing*. 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/jocn.15274> (accessed: 15.09.2020).

Burgess E.W. The family as a unity of interacting personalities // *The Family*. 1926. N 3.

Cogin J. Are generational differences in work values fact or fiction? Multi-country evidence and implications // *The International Journal of Human Resource Management*. 2012. N 23. P. 2268–2294. DOI: <https://doi.org/10.1080/09585192.2011.610967>

Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. Vol. 36. N 7–8. P. 153–172. DOI: 10.1177/0263276419827085

Denzin N.K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods. N.Y., 2017.

Elias N. The society of individuals. Dublin, 2012.

Giarrusso R. et al. Grandparent-Adult Grandchild Affection and Consensus // *Journal of Family Issues*. 2002. Vol 4. N 22. P. 456–477. DOI: 10.1177/019251301022004004

Gurko T.A. Vzaimopomoshch' pokolenij v gorodskih sem'yah [Mutual assistance between generations in urban families] // *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2023. N 3. S. 43–58. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4 (in Russian).

Howe N., Strauss W. The next 20 years: how customer and workforce attitudes will evolve // *Harvard Business Review*. 2007. N 85. P. 47–52. PMID: 17642125.

Joshi A., Dencker J., Franz G. Generations in organizations // *Research in Organizational Behavior*. 2011. N 31. P. 177–205. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.riob.2011.10.002>

Kertzer D.I. Generation as a sociological problem // *Annual review of sociology*. 1983. Vol. 9. N 1. P. 125–149.

Kulakova A.B. Pokolenie Z: teoreticheskij aspekt [Generation Z: theoretical aspect] // *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2018. N 2 (42). S. 1–10. DOI: 10.15838/ti.2018.2.42.6 (in Russian).

Kwong A.N., Yan E.C. The role of quality of face-to-face intergenerational contact in reducing ageism: the perspectives of young people // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2023. N 21 (1). P. 136–151. DOI: 10.1080/15350770.2021.1952134

Levada Y.U. Koordinaty cheloveka k itogam izucheniya "cheloveka sovetskogo" [Human coordinates to the results of studying the "Soviet man"] // *Monitoring ob-*

shchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2001. N 1. S. 7–15 (in Russian).

Mangejm K. Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenij — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii [Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations — competition — economic ambitions]. M., 2000. S. 1–164 (in Russian).

Mills T.L., Wakeman M.A., Fea C.B. Adult grandchildren's perceptions of emotional closeness and consensus with their maternal and paternal grandparents // *Journal of Family Issues*. 2001. Vol. 4. N 22. P. 427–455. DOI: <https://doi.org/10.1177/019251301022004003>

Mironova A.A. Istochniki statisticheskikh dannyh o chastnyh mezhpokolennyh transfertah v Rossii: ogranicheniya i perspektivy [Sources of statistical data on private intergenerational transfers in Russia: limitations and prospects] // *Voprosy statistiki*. 2015. N 3. S. 39–47 (in Russian).

Nakai Y. Why we study generations // *Industrial and Organizational Psychology*. 2015. Vol. 3. N 8. P. 331–334.

Parfenova O.A. Pokolenie Z kak samye molodye iz nyneshnih vzroslyh: shtrih k portretu zumerov skvoz' prizmu mezhpokolennyh otnoshenij [Generation Z as the youngest of current adults: hints to the portrait of zoomers through the lens of intergenerational relations] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*. 2024. N 2 (74). S. 126–133. DOI: [10.52452/18115942_2024_2_126](https://doi.org/10.52452/18115942_2024_2_126) (in Russian).

Parfenova O.A., Petuhova I.S. Vliyanie pandemii COVID-19 na zhizn' starshego pokoleniya v gorodskom i sel'skom kontekstah [The impact of the COVID-19 pandemic on the life of the older generation in urban and rural contexts] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022. N 5 (5). S. 71–80. DOI: [10.31857/S013216250018704-7](https://doi.org/10.31857/S013216250018704-7) (in Russian).

Pilcher J. Mannheim's sociology of generations: An undervalued legacy // *British Journal of Sociology*. 1994. N 3. P. 481–495.

Popescu A. The brief history of generation—defining the concept of generation. An analysis of literature review // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2019. Vol. 10. N 2. P. 15–30.

Popov N.P. Rossijskie i amerikanske pokoleniya XX veka: otkuda pri-shli millenialy? [Russian and American generations of the 20th century: where did the millennials come from?] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2018. N 4 (146). S. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (in Russian).

Purhonen S. Generations on paper: Bourdieu and the critique of “generationalism” // *Social Science Information*. 2016. Vol. 1. N 55. P. 94–114. DOI: <https://doi.org/10.1177/0539018415608967>

Radaev V. Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials. How Russian society is changing]. M., 2019 (in Russian).

Saralieva Z.H., Sud'in S.A., Yanak A.L. Praroditel'skie otnosheniya v sovremennoj rossijskoj sem'e: opyt pilotnogo issledovaniya [Grandparental relations in a modern Russian family: experience of a pilot study] // *Sbornik tezisov dokladov uchastnikov I Rossijsko-Iranskogo sociologicheskogo foruma*. M., 2020. S. 509–521 (in Russian).

Silverstein M., Bengtson V.L. Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // *American Journal of Sociology*. 1997. N 103. P. 429–460. DOI: 10.1086/231213

Strauss W., Howe N. Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. N.Y., 1992.

Strizhickaya O.Yu., Petrash M.D. Mezhpokolennyye otnosheniya kak faktor psihologicheskogo blagopoluchiya studentov: oposreduyushchaya rol' vremennóy perspektivy [Intergenerational relations as a factor in the psychological well-being of students: the mediating role of time perspective] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*. 2022. N 4 (12). S. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.406> (in Russian).

Suitor J.J., Sechrist J., Gilligan M., Pillemer K. Intergenerational relations in later-life families // *Handbook of Sociology of Aging. Handbooks of Sociology and Social Research* / Ed. by R. Settersten, J. Angel. N.Y., 2011. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-7374-0_11

Wagner L.S., Luger T.M. Generation to generation: effects of intergenerational interactions on attitudes // *Educational Gerontology*. 2021. Vol. 47. N 1. P. 1–12. DOI: 10.1080/03601277.2020.1847392

Webster M., Norwood K., Waterworth J., Leavey G. Effectiveness of intergenerational exchange programs between adolescents and older adults: a systematic review // *Journal of Intergenerational Relationships*. 2023. N 3. P. 1–42. DOI: 10.1080/15350770.2023.2267532

White J. Thinking generations // *The British Journal of Sociology*. 2013. Vol. 64. N 2. P. 216–247. DOI: 10.1111/1468-4446.12015.

Yanickij M.S. i dr. Sistema cennostnyh orientacij “pokoleniya Z”: social'nye, kul'turnye i demograficheskie determinant [System of value orientations of “generation Z”: social, cultural and demographic determinants] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2019. N 72. S. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3 (in Russian).

